

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет международных отношений

Центр восточных исследований

ВОРОНЕЖСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Сборник статей

ВЫПУСК 1

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2016

УДК 94
ББК 63.3
А19

Редакционная коллегия:

д-р экон. наук, проф. *О. Н. Беленов* (декан факультета международных отношений, председатель редакционной коллегии);
д-р полит. наук, проф. *А. А. Слинко* (завкафедрой международных отношений и мировой политики факультета международных отношений ВГУ);
канд. экон. наук, доц. *Е. В. Ендовицкая* (завкафедрой международной экономики и внешнеэкономической деятельности факультета международных отношений ВГУ);
д-р экон. наук, проф. *А. И. Удовиченко* (завкафедрой регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ВГУ);
д-р ист. наук, доц. *М. В. Кирчанов* (кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ВГУ, научный редактор);
канд. ист. наук, доц. *А. В. Погорельский* (кафедра регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений ВГУ);
преп. *О. В. Горте* (кафедра маркетинга экономического факультета ВГУ, языковой редактор);
канд. геогр. наук, доц. *И. В. Комов* (факультет географии, геоэкологии и туризма ВГУ, секретарь редакционной коллегии)

Acta Orientalia Voronensia. Воронежское востоковедение : сбор-
ник статей / науч. ред. М. В. Кирчанов. – Воронеж : Издательский дом
ВГУ, 2016. – Вып. 1. – 228 с.

В сборник, подготовленный Центром восточных исследований ВГУ, включены работы на английском и русском языках, посвященные различным проблемам истории и современного состояния востоковедения, исследования по истории, культуре и политике Востока. Статьи, вошедшие в сборник, сфокусированы на актуальных проблемах политической современной истории Турции и истории политического ислама. Авторы анализируют проблемы истории Кыргызстана, политические процессы и отношения в Юго-Восточной Азии, культуры и традиции Востока. Часть текстов актуализирует проблемы исторической и политической памяти, исторического и националистического воображения на Востоке.

УДК 94
ББК 63.3

© Воронежский государственный
университет, 2016
© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2016

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION HIGHER EDUCATION
«VORONEZH STATE UNIVERSITY»

The faculty of international relations

The centre for Eastern studies

VORONEZH ORIENTAL STUDIES

A collection of articles

VOLUME 1

Voronezh
Voronezh State University Publishing House
2016

UDC 94
BBC 63.3
A19

Editorial board:

Oleg N. Belenov (Professor, DrSc in Economics, Dean of International Relations Faculty, Chairman of the Editorial Board);

Aleksandr A. Slin'ko (Professor, DrSc in Politics, Head of International Relations and World Politics Department, International Relations Faculty);

Elena V. Endovitskaia (PhD in Economics, Associated Professor, Head of International Economics and Foreign Economic Affairs Department, International Relations Faculty);

Aleksandr I. Udovichenko (Professor, DrSc in Economics, Head of Regional Studies and Foreign States Economies Department, International Relations Faculty);

Maksym W. Kyrchanoff (DrSc in History, Associated Professor, Regional Studies and Foreign States Economies Department, science editor);

Aleksandr V. Pogorelsky (PhD in History, Associated Professor, Regional Studies and Foreign States Economies Department);

Olesia V. Gorte (lecturer, Department of marketing, Economic Faculty, English language editor);

Igor W. Komow (PhD in Geography, Associated Professor, Department of socio-economic geography, Faculty Geography, geo-ecology and tourism; Secretary of the Editorial Board)

Acta Orientalia Voronensia. Voronezh Oriental Studies : a collection
A19 of articles / ed. Maksym W. Kyrchanoff. – Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2016. – Volume 1. – 228 p.

The book, prepared by the Center for Oriental Studies of Voronezh State University, includes articles in English and Russian languages, focused on various problems of a history and actual state of Oriental Studies, works in Oriental history, culture and politics. The articles included in the book, touch upon actual problems of the modern political history of Turkey and a history of political Islam. The authors analyze the problems of a history of Kyrgyzstan, political processes and relations in Southeast Asia, Oriental cultures and traditions. Some texts also actualize the problems of historical memory, Oriental political, historical and nationalist imaginations.

UDC 94
BBC 63.3

© Voronezh State University, 2016
© Design, the original layout.
Voronezh State University
Publishing House, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

«PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES»: PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL WORKSHOP (VORONEZH, NOVEMBER 28, 2015)

<i>Kyrchanoff Maksym W.</i> Inventing and imaging Orient: intellectual histories of Oriental Studies roots and backgrounds in American and Brazilian historiographies.....	10
<i>Rudong Li.</i> Inventing and imagining the Southwestern China: botany studies, 1920–1937	25
<i>Poliakov Evgenii.</i> Boko Haram, the Caucasus Emirate and Al Shabab: general and particular in the practices of terrorism and political violence.....	31
<i>Habibova Tamara.</i> Islamism, regional instability and prospects of the Middle East developments and transformations	41
<i>Polianskii Mikhail.</i> «Islamic State» in German mass media: backgrounds, challenges and search for solutions	47

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ СТРАН И НАРОДОВ ВОСТОКА

<i>Иванов С. С.</i> К проблеме взаимоотношений сакских племен Притяньшанья с державой Ахеменидов	55
<i>Маджун Д. С.</i> Опиумный фактор в трагических событиях 1916 г. в Семиречье	63
<i>Погорельский А. В.</i> Ливия после Каддафи: демократия или неудавшееся государство?.....	79
<i>Кирчанов М. В.</i> «Проработка прошлого» в Индонезии: трудности и сложности «вспоминания» массовых убийств 1965–1966 гг. в контексте конкурирующих исторических памятей и коллективных представлений о прошлом	86
<i>Ульянова И. В.</i> Феномен хуацяо в Юго-Восточной Азии.....	102

ТЕМА НОМЕРА: ВОСТОКОВЕДНЫЕ ШТУДИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

<i>Имазов М. Х.</i> Первое востоковедное учреждение в Кыргызстане	112
<i>Джон А. А.</i> Некоторые аспекты этнической и национальной идентичности дунган (хуэйцзу) Кыргызстана.....	118
<i>Исмаева Р. М.</i> Из истории изучения текстов дунганской волшебной сказки Центральной Азии.....	131
<i>Ин Чун Мей, Чжоу Чин Шень.</i> Исследование языковой ситуации у дунган г. Бишкека (Кыргызстан)	139

КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ ВОСТОКА, ВОСТОК В КУЛЬТУРЕ ЗАПАДА

<i>Исмаева Р. М.</i> Дунганские героические сказки змееборческого типа (в аспекте связи со структурным изучением)	148
<i>Тихонова В. Л.</i> Единство основных принципов Бхагавадгиты и русской религиозной философии конца XIX – начала XX веков.....	157
<i>Демина А. В.</i> Ориентальное фэнтези: культурная миграция на Восток.....	162

**СОВРЕМЕННОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ:
ПЕРЕВОДЫ, КРИТИКА, КОММЕНТАРИИ**

<i>Саади Сардар</i> . Роджавская революция: создавая автономию на Ближнем Востоке	168
<i>Дирик Дилар</i> . Исламское государство, курдская (не)зависимость, западное лицемерие и провал парадигмы национального государства	174

ТУРЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

<i>Андерсон Перри</i> . После Кемаля: от Кемаля к Озалу.....	185
<i>Андерсон Перри</i> . После Кемаля: правление Партии справедливости и развития	197
<i>Бенлизой Фоти</i> . Турецкая элита пребывает на пике своего могущества за последние двадцать лет	221

CONTENTS

“PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES”: PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL WORKSHOP (VORONEZH, NOVEMBER 28, 2015)

<i>Kyrchanoff Maksym W.</i> Inventing and imaging Orient: intellectual histories of Oriental Studies roots and backgrounds in American and Brazilian historiographies	10
<i>Rudong Li.</i> Inventing and imagining the Southwestern China: botany studies, 1920–1937	25
<i>Poliakov Evgenii.</i> Boko Haram, the Caucasus Emirate and Al Shabab: general and particular in the practices of terrorism and political violence	31
<i>Habibova Tamara.</i> Islamism, regional instability and prospects of the Middle East developments and transformations	41
<i>Polianskii Mihail.</i> «Islamic State» in German mass media: backgrounds, challenges and search for solutions.....	47

PROBLEMS OF HISTORY OF ORIENTAL COUNTRIES AND PEOPLES

<i>Ivanov S. S.</i> On the problem of relations between Sakian tribes of Tian Shan Region with the State of Achaemenides	55
<i>Madzhun D. S.</i> The opium factor in the tragic events of the 1916 in the Seven Rivers Region	63
<i>Pogorelsky A. V.</i> Libya after Gaddafi: democracy or a failed state?	79
<i>Kyrchanoff M. W.</i> «Working out of the Past» in Indonesia: difficulties and complexities of the «remembrance» about the 1965–1966 massacres in the context of competing historical memories and collective representations about past	86
<i>Ulyanova I. V.</i> Huaqiao phenomenon in Southeast Asia	102

ORIENTAL STUDIES IN KYRGYZSTAN

<i>Imazov M. H.</i> The first Oriental Institution in Kyrgyzstan	112
<i>Dzhon A. A.</i> Some aspects of Dungan (Hui people) ethnic and national identity in Kyrgyzstan	118
<i>Ismaeva R. M.</i> From a history of the Central Asian Dungan fairy tale texts studies	131
<i>Ying Chun Mei, Zhou Shen Chin,</i> The language situation studies of Bishkek Dungans ..	139

CULTURE AND TRADITIONS OF ORIENT, ORIENT IN WESTERN CULTURE

<i>Ismaeva R. M.</i> Dungan heroic serpent tales in relation to the structural aspect of the studies.....	148
<i>Tikhonova V. L.</i> The unity of Bhagavad Gita basic principles and Russian religious philosophy in the end of the 19th and early 20th century	157
<i>Demina A. V.</i> Oriental fantasy: cultural migration to the East	162

**ACTUAL FOREIGN ORIENTAL STUDIES:
TRANSLATIONS, CRITICISM, COMMENTS**

<i>Saadi Sardar</i> . Rojava revolution: creating autonomy in the Middle East.....	168
<i>Dirik Dilar</i> . Islamic State, Kurdish (in)dependence, Western hypocrisy and failure of the nation-state paradigm	174

TURKEY: PROBLEMS OF POLITICAL ELITES

<i>Anderson Perry</i> . After Kemal: from Kemal to Ozal	185
<i>Anderson Perry</i> . After Kemal: reign of the Party of Justice and Development	197
<i>Benlizoy Foti</i> . Turkish elite remains at the peak of its power during the last twenty years	221

*Kumpulan artikel ini didedikasikan untuk mengenang
orientalist Amerika Benedict Anderson*

*This collection of articles is dedicated to the memory
of American Orientalist Benedict Anderson*

*Сборник статей посвящен памяти американского
востоковеда Бенедикта Андерсона*

(1936–2015)

“PROBLEMS OF ORIENTAL STUDIES” PROCEEDINGS OF THE INTERNATIONAL WORKSHOP (Voronezh, November 28, 2015)

Maksym W. Kyrchanoff

INVENTING AND IMAGING ORIENT: INTELLECTUAL HISTORIES OF ORIENTAL STUDIES ROOTS AND BACKGROUNDS IN AMERICAN AND BRAZILIAN HISTORIOGRAPHIES

Abstract: *Oriental Studies emerged and developed in different cultural and intellectual contexts. The genesis of Oriental studies in the United States and the Brazilian Empire had different roots, backgrounds, and origins. The problems of the early history of Oriental Studies in the USA and Brazil are not explored in modern Russian historiography. The author proposes the paper where the genesis of Oriental Studies will be analyzed in the context of inventionist paradigm. The inventionist paradigm was proposed in the 1983 by well-known British historians of Marxist orientation Eric Hobsbawm and Terence Ranger in their book “The invention of tradition”. This methodology by the 2010s becomes one of the most influential in international humanities. Inventionism is based on the perception of political realities, national and social traditions, academic forms of knowledge as imagined and invented constructs. This theoretical approach is practically unknown in Russian Oriental Studies. The author will propose the report focused on the genesis of Oriental Studies in the United States and Brazil in inventionist context of comparative perspective. Different practices and various strategies of cultural, religious, and nationalist imaginations of American and Brazilian intellectuals in the 19th century will be analyzed in the context of origins and genesis of national traditions of academic Oriental Studies. The author will analyze how American and Brazilian antiquities amateurs in the 19th century were engaged in invention and imagination of Oriens. These intellectuals were among the first who tried to form and propose collective understandings of Oriens in general and histories of Eastern states in particular. The genesis of academic Oriental Studies in the United States developed in context of the history of religious movements. American intellectuals (widely known as Mormons) developed narratives about the ethnic kinship of Americans residents with inhabitants of an ancient East. The early history of Oriental studies in Brazilian Empire coincided with the development of national schools in geography and attempts of local intellectuals to map Oriens on mental and imagined maps. The role of fraud, nationalist and religious imaginations, gradual fragmentation of intellectual communities and institutionalization of Oriental Studies as a form of academic knowledge will be analyzed in the proposed text. The history of academic traditions of Oriental Studies genesis in the United States and Brazilian Empire will be analyzed in the context of inter-disciplinary principles of intellectual history.*

Key words: *Orientalism, Oriental Studies, historiography.*

Introduction. The processes of genesis, origins, roots and early histories of Oriental Studies in various regions of the Western world evolved in very different conditions. European colonialism and direct contacts between Europeans and representatives of social, political, economic and cultural elites of the colonized countries assisted to rise of general interest in the East. The genesis of Oriental Studies in this model developed as a forced or voluntary contact between the colonizers and the colonized. These relations allowed European authors to imagine East in ways that were the most convenient to them. This model of Oriental Studies [32, 44, 50, 52] was implemented in the United Kingdom, France, and the Netherlands and partly in German and Russian Empires. The directions and trends of academic science, which are accepted as stable and developed, actually may be new and relatively recent because “appear or claim to be old are often quite recent in origin and sometimes invented” [22].

Other European countries had not developed colonial experience and genesis of Oriental Studies proceeded under the influence of other European intellectual traditions and cultural incentives. The establishment of independent Oriental Studies in the Western Hemisphere countries developed in other conditions that were very different from the European ones. On the one hand, academic scientific traditions of the Americas developed under the undoubted European influence. The role of European universities and professional associations, and academic communities in genesis of various areas of sciences in the United States and Brazil, as the largest Western Hemisphere countries, is recognized fact. On the other hand, the genesis of Oriental Studies in these countries has its own unique features and characteristics. The religious factor was one of the defining and most influential in the origins and genesis of Oriental Studies in the United States. The development of national schools in the geography and foreign languages studies, including Oriental and Asian ones, has become an important intellectual stimulus for Oriental Studies genesis in Brazilian Empire and its further development in the republican period.

Purpose and tasks. The most of the texts in a history of Oriental Studies are focused on problems of the various oriental institutions, societies, and associations histories, or different directions and trends in contemporary Oriental Studies that have formally recognized academic status. These exceptionally academic texts that are focused on specific fields in contemporary Oriental Studies form the core of the texts' corpus in modern historiography of Oriental Studies [28, 29, 30, 31, 34, 47]. Analysis of Oriental studies early histories and prehistories, focused on marginal figures or authors who were later marginalized by orthodox scholar community, are extremely rare [21, 40, 45]. Therefore, the author of this paper will try to view in a history of Oriental Studies not in context of the recognized areas (Egyptian Studies, Iranian Studies, Indonesian Studies etc), but in the context of marginal intellectuals and outsiders, whose ideas did not form a unique specialized areas in Oriental Studies, but they are stably understood as a

sum of curiosities and occasional misunderstandings of era, when West formed its collective ideas, representations about Orient and invent its own national versions and forms of Orientalism [14, 15, 23, 24, 25, 26, 33, 35, 36, 53]. The purpose of this article is to analyze the problems of the genesis and early histories of Oriental Studies in the United States and Brazil in the form of non-academic knowledge in dimensions and forms of imitation and falsification of the actual sources. The absence of the developed historiographical academic traditions and canons will be also analyzed. The tasks of this paper are the following: analysis of intellectual atmosphere of Oriental Studies genesis; study of religious factor role in the genesis of the American Oriental Studies; analysis of various frauds and speculations in genesis of academic interest to Orient in the Western Hemisphere.

Historiography and methodological backgrounds. The problems of the genesis, early histories of Oriental Studies in the United States and Brazil, intellectual experience of the first American and Brazilian Orientalists are practically unknown and unstudied in Russian historiography. These aspects of Oriental studies history are analyzed predominantly in American and Brazilian historiographies in the context of intellectual history, the history of ideas and cultural history. Problems of the history of the origins, intellectual backgrounds and roots of American Oriental studies are actualized periodically in the papers focused on religious history, including the history of American Mormonism. The various aspects and dimensions of Brazilian Oriental studies history are analyzed in works focused on problems of intellectual and cultural history.

This article is based on methodological principles which were proposed and formulated in the 1970s and in the 1980s by American scholar Edward Said in his classic book "Orientalism" [41] and by British Marxist historians Eric Hobsbawm and Terence Ranger in their book "The invention of tradition" [22]. In the 1983, the book is American specialist in Indonesian studies [3, 5, 6, 7] Benedict Anderson "Imagined Communities" [4] was published. Edward Said later developed his ideas in "Culture and Imperialism" [41, 42, 43]. These three texts formed the canon of inventionist or imaginative paradigm in intellectual history and a history of ideas.

The basic proposals and principles of this paradigm in interdisciplinary studies are the following: political and cultural phenomena do not always exist in reality, these phenomena were imagined or invented by intellectuals; intellectuals imagine, invent and also propose for the public use collective perceptions and ideas, including the concepts and values of nations and nationalism; the history of imagination and invention of social, cultural categories and concepts is not continuous, it has numerous mental gaps and chronological discontinuities; the concept of "Orient" and other imagined formally Eastern categories were also invented; the concept of "Orient" is invented tradition that was especially imagined for legitimation of European or Western dominance and the oppressed status of East. Developing theoretical positions of inventionist paradigm author will try to apply

these principles to genesis, origins, roots and early histories of Oriental Studies in the United States and Brazil in the context of religion, intellectual history and a history of ideas.

Mormon invention of Orient... before Oriental Studies. The definitions “Orient” and “East” are extremely debatable. Vera Tolz presumes that “...the term *Orient* does not reflect the objective reality, and it is a cultural and political construct. Moreover, it has a certain historical, sometimes negative, ideological burden, but its use is inevitable...” [48, 49].

Analyzing genesis of Oriental Studies in the US and Brazilian Empire in the 19th century, it is necessary to remember that local intellectuals had the most common, vague, and nebulous ideas about East. Their collective ideas about Orient were fragmented. The Oriental images were actualized in a random images and ideas about the East. Religious and literature roots and backgrounds of these images were far from canonized ideas about Orient that enveloped and surrounded this definition later. Mormons’ impacts and contributions to Oriental Studies genesis in American are among debatable, but the author presumes that it is possible to distinguish two forms of Mormons’ intellectual activities that assisted to progress and rise of interest in Oriental problems. The first form of Mormons’ contribution is presented by different oriental images in religious texts recognized by Mormons. The second form of Mormons influences Oriental Studies genesis expressed in their popularization of Egyptian antiquities including papyri. Joseph Smith, founding father of Mormonism, acquired eleven Egyptian papyri which are known as “Joseph Smith Papyri” [8, 9, 10]. Joseph Smith also bought four Egyptian mummies. Joseph Smith “translated” the papyri and these translations become the basis for the “Book of Abraham” [18, 19, 37] that is recognized by faithful Mormons as the sacred. Joseph Smith himself claimed that “I commenced the translation of some of the characters or hieroglyphics, and much to our joy found that one of the rolls contained the writings of Abraham, another the writings of Joseph of Egypt, etc. – a more full account of which will appear in its place, as I proceed to examine or unfold them” [1].

Joseph Smith fixed his successes in “translations” of Egyptian papyri when he admitted that “translating alphabet to the Book of Abraham, and arranging a grammar of the Egyptian language as practiced by the ancients... This afternoon labored on the Egyptian alphabet”. The “translations” of Joseph Smith were actually falsifications because he did not know Egyptian language, but he was famous with his questionable activities. Joseph Smith published the “Book of Abraham” in the 1842 and this text was canonized and recognized as one of the most authoritative sources of faith by Mormon theorists and ideologues. The representatives of academic Oriental Studies, including Egyptologists, believe that Mormon translations are not correct, and Mormon practices and strategies of interpretation and explanation of papyri have nothing in common with academic discourse of Oriental Studies and do not correspond with the research ethics.

Mormons did not initiate the development of academic Oriental Studies, they inspired only first forms of Orientalism [16].

Mormons' attempts to describe translate and interpret Egyptian papyri assisted, on the one hand, to the development of Mormon identity. On the other hand, "Egyptian" activities of Mormons assisted to genesis of Oriental Studies as invented an imagined tradition, but it is necessary to note that Mormon "Oriental studies" were extremely distant from academic Oriental studies, but they formed collective understandings and representations about Orient. The theorists of Mormons promoted and assisted to integration of Eastern images in emerging topos of Orient in American identity. Mormon games and spivveries with Egyptian papyri formed collective representations of Orient in Mormon understanding. Other collective representations of Mormons about East/Orient are widely presented in Mormon religious texts, including "The Book of Mormon". The wide range of Oriental narratives was actualized in the "The Book of Mormon". "The Book of Mormon" actualizes mainly formal Biblical images.

The historical and religious imagination of Mormons also actualizes Middle Eastern connotations. This situation was the result of the fact that "The Book of Mormon" is imagined and positioned by its supporters and faithful Mormons as a significant and important addition to the Bible and even as an alternative to Old and New Testaments that are recognized by other more moderate Christians. The authors of "The Book of Mormon" was deliberately filled with recognizable Eastern images that refer it readers to the classic texts of Christian Bible. The texts that form "The Book of Mormon" occur and develop in Biblical and Middle Eastern imagined system of coordinates. The most of Middle Eastern images and motifs in "The Book of Mormon" are presented and actualized in "The First Book of Nephi". Oriental images in "The Book of Mormon" have several dimensions. The first dimension is presented by occasional references of peoples and tribes that appear in the Bible. These images were integrated into the consciousness and identity of American Christian believers. Jews and Jerusalem appear as the main actors of the "First Book of Nephi". Hypothetical and imagined author of this book, Nephi, in Mormon version of historicity and reality, appears in the following way: "I make a record in the language of my father, which consists of the learning of the Jews and the language of the Egyptians" [1 Nephi 1:2].

The Jews and Egyptians are mentioned in "The Book of Mormon" deliberately. On the one hand, collective authors of this text tried to form, imagine and propose original form of Mormon historicity in their religious texts. On the other hand, Jewish narratives were attempts to legitimize Mormon religious activities and form collective ideas about Mormons' involvement in the Middle Eastern religious traditions and affairs. Jews in "The Book of Mormon" appear in a few cases in negative context and they were imagined as enemies of the true faith and Church: "And it came to pass that the Jews did mock him because of the things which he testified of them... when the Jews heard these things they were angry with him" [1 Nephi 1:19–20].

The second dimension of Oriental discourse was actualized in the imagined religious geography of "The Book of Mormon" where formal historical and biblical cities, towns, countries and lands were mapped and localized. Mythical monarchies of the Middle East also figure in the "First Book of Nephi": "it came to pass in the commencement of the first year of the reign of Zedekiah, king of Judah" [1 Nephi 1:4]. Jerusalem was mentioned in "The Book of Mormon" more often than any other sacred territories: "And it came to pass that he returned to his own house at Jerusalem" [1 Nephi 1:7]. The collective authors of "The Book of Mormon" tried to retell Oriental subjects that could be known to faithful readers of other Biblical texts: "let us be strong like unto Moses; for he truly spake unto the waters of the Red Sea and they divided hither and thither, and our fathers came through, out of captivity, on dry ground, and the armies of Pharaoh did follow and were drowned in the waters of the Red Sea" [1 Nephi 4:2].

Imagined Oriental motifs in this context were invented by Mormons not as something absolutely new, but they were integrated into traditional religious identity. Mormonism in this context did not invent and did not propose its own original version of Orientalism, but only actualized and made more visible common Christian images of the East. Jerusalem in geographical imagination of Mormons appears in the context of Babylon: "Wo, wo, unto Jerusalem, for I have seen thine abominations! Yea, and many things did my father read concerning Jerusalem – that it should be destroyed, and the inhabitants thereof; many should perish by the sword, and many should be carried away captive into Babylon" [1 Nephi 1:13].

Jerusalem was imagined by Mormons, on the one hand, as a universal benchmark in the invented Mormon geography and system of coordinates: "And I, Nephi, and my brethren took our journey in the wilderness, with our tents, to go up to the land of Jerusalem... And it came to pass that when we had gone up to the land of Jerusalem" [1 Nephi 3:9–10].

On the other hand, the image of Jerusalem was imagined as a temporary and transitional benchmark for Mormon believers: "he knew that Jerusalem must be destroyed, because of the wickedness of the people" [1 Nephi 3:17].

This perception of Jerusalem in Mormon identity was a consequence of fact that Mormons imagined the Middle East as collective landscape where Biblical events developed. The Middle East was imagined as only temporary area for the realization of the Divine plan, but America was intended by Mormon leaders to implement it. The imagined geography of the Middle East developed as several images and symbols, understandable by other Christians, which were actualized in Mormon theology. The frequent references of the Middle Eastern narratives in "The Book of Mormon" as a text born in Western intellectual tradition, assisted to legitimization of Mormon version of the imagined Oriental geography. It was normal that cultural geography of the modern United States with its strong religious and biblical connotations was formed in Biblical coordinates system even without

Mormon participation. Along with Oriental urban and spatial images in “The Book of Mormon” different sea images from the Middle Eastern geography were actualized in Mormon religious texts. The Red Sea, for example, was mentioned in the “First Book of Nephi”: “And he came down by the borders near the shore of the Red Sea; and he traveled in the wilderness in the borders which are nearer the Red Sea” [1 Nephi 2: 5].

All these Oriental geographic and ethnic images and motifs in “The Book of Mormon” formed just external background for the journey described in “The First Book of Nephi” 18th chapter: “And it came to pass that after we had sailed for the space of many days we did arrive at the promised land; and we went forth upon the land, and did pitch our tents; and we did call it the promised Land... And it came to pass that we did begin to till the earth, and we began to plant seeds; yea, we did put all our seeds into the earth, which we had brought from the land of Jerusalem” [1 Nephi 18:23–24].

Mormon historical tradition develops a narrative that part of ancient Jews left the Middle East in the period between 591 and 589 BC and moved to America. Theorists of Mormons understand that their ideas are very vulnerable to criticism and they tried to find the real proofs of Mormon religious ideas correctness and truthfulness. “The Book of Abraham” was imagined and invented by theorists of Mormonism as testimony of their own legitimacy. The ideologists of Mormons tend to imagine and position this book as “a translation of some ancient Records that have fallen into our hands from the catacombs of Egypt. The writings of Abraham while he was in Egypt, called the Book of Abraham, written by his own hand, upon papyrus” [2].

“The Book of Abraham”, invented and published on the wave of interest in Egypt, was one of the first American attempts to form and propose collective Egyptian image: “Pharaoh, being a righteous man, established his kingdom and judged his people wisely and justly all his days, seeking earnestly to imitate that order established by the fathers in the first generations, in the days of the first patriarchal reign, even in the reign of Adam, and also of Noah, his father, who blessed him with the blessings of the earth, and with the blessings of wisdom, but cursed him as pertaining to the Priesthood... Pharaoh being of that lineage by which he could not have the right of Priesthood” [2].

Egypt was imagined in Mormon theology as an ideal country, as a kind of utopia and positive antipode to unjust and wrong Israel. Oriental images in this context had extreme importance for Mormons who cultivated myth about ancient migration of Jews in America. “The Book of Abraham” was an attempt to legitimize the special and unique status of America and prove its historical and religious continuity with the events and countries which were described or just mentioned in the Bible. On the other hand, these ideas were important in Orientalism genesis context when its Mormon version was proposed. European Orientalism developed as invention and imagination of the Orient as an image of universal Other and

collective Otherness. American Mormon perception of the Orient was not based on actualization and development of Otherness concepts. Conversely Orient was invented by Mormons as a religious and cultural background of their own perception of American origins and roots. Therefore, Oriental images in Mormon historical and political imagination were not used for promotion and actualization of idea about collective and archaicness of Orient. Oriental motives were actualized as an attempt to map symbolic place and role of America in the context of Middle Eastern history and religious tradition.

Pre-history of Oriental Studies in Brazil: from Negroes to Asians. The genesis and early history of Oriental Studies in Brazilian Empire developed differently from the same tendencies in the US. The role of religious factor was a minor in Brazilian Empire in spite of the fact that it had a reputation of a country with stable Catholic majority and powerful Catholic Church. Catholics were not the only population of the country and local elites had the wide range of opportunities to develop contacts with non-European cultural and religious traditions. The representatives of political and intellectual elites of Brazilian Empire had interests that were very close to the same ones of their European colleagues of that period. The representatives of the Empire who formed the political class were educated in European Portuguese universities and interested Oriental antiquities problems, but that interest had other incentives. European intellectuals formed their image of the East as the representatives of the colonial elites. East was colonized by them, and they were absolutely free to invent and develop the image of Orient they were interested in. Brazilian empire was not colonial empire in the historical and political dimensions because it had no overseas colonies.

Brazilian Empire itself arose as a result of Portuguese colonization of the greater part of South America. The specificity of colonial and imperial economies could not be satisfied by Portuguese colonists and their descendants. The amounts of Portuguese population in Brazil in the 17th and 18th centuries were negligible, and it forced political elite to start exporting black slaves. The exports of black Africans [20, 27, 39] made intellectual and political classes of the Empire to discover and explore qualitatively different type of culture and traditions that were radically different from Brazilian and Portuguese ones. Politics of imperial ruling elites were focused mainly on assimilation and integration of blacks in the colonial and imperial society. Certain economic, social and cultural roles were violently prescribes to Brazilian Negroes by their owners. There is no sense to idealize the relationships of black slaves and white masters, but the range of these relations was extremely wide and varied from economic to sexual.

The social history of Brazilian blacks in the Empire was not only a history of attempts to integrate them in gradually forming national Brazilian culture. The several rebellions of blacks and slaves took place in the 19th century. These uprisings had social, economic and political reasons. The religious factor was also among the crucial in the genesis of rebellions of blacks. Some black slaves

imported from Africa were the Muslims. The greatest Muslim uprising of slaves in Brazilian Empire was in 1835 in Sro Salvador da Bahia [17, 38, 46, 51]. The uprising, decisively and radically suppressed and repressed by imperial authorities, was unsuccessful, but it stimulated interest in its causes. This interest was stimulated by the desire to understand the roots of this rebellion and attempt to decrypt the contents of some documents that were seized from the rebels. For example, in the period of active suppression of the uprising Surat al-Qadr from the Quran was confiscated and seized as a trophy from one of its members. By the middle of the 1830s general collective representations of Brazilian intellectuals on Orient were very superficial, they were not deep, but their knowledge was extremely limited. The uprising was the impetus to the rise of interest in everything non-Brazil and African narratives in the historical imagination. The intellectuals of the Empire began to develop their own topos of Orient.

This interest of Brazilian political and cultural classes had two levels. On the one hand, Brazilian intellectuals were engaged in Negroes problem decision and it was beginning of systematic studies of the black population of the Empire in social and cultural perspectives. On the other hand, interests in the Orient in general, its history and religion in the context of causes and genesis were actualized after the 1835 uprising among Brazilian intellectuals. This interest developed very unevenly, and a history of Brazil intellectuals' attempts in the 19th century to study the Orient was filled with numerous failures. The academic tradition of Oriental Studies in Brazilian Empire did not appear recently after the 1835 uprising, and the interest in East and Asia were stimulated in the context of demographic changes and increasing numbers of non-European immigrants who arrived in Brazil during the second half of the 19th century. The early history of interest in the East among Brazilian intellectuals can not be defined as an academic.

The intellectual situation and the general cultural climate in the last quarter of the 19th century were favorable to the activity of various rogues and adventurers who positioned themselves as specialists in Oriental and Asian histories, languages, literatures, and contemporary political issues. Brazilian writer Lima Barreto was among those intellectuals who fixed in his texts a unique intellectual climate and the general rise of interest in the Orient in Brazil. The short story of Lima Barreto "O homem que sabia javanês" ("The man who knew Javanese" [11, 12, 13]) is very significant in genesis and early history of not formally institutionalized Oriental Studies in Brazil. The central character of the story "amigo Castro" is a petty adventurer, who came from the province in Rio. Castro could not find a permanent job, but accidentally in the "Jornal do Comércio" he read advertisement about position of Javanese language teacher: "Precisa-se de um professor de língua javanesa. Cartas etc" [11] ("The teacher of Javanese is required. Letters etc" [13]).

Castro, who did not know Javanese, decided this shady enterprise. His knowledge of Java was limited by article in the encyclopedia, basic phrases of

language and alphabet. As a result, Castro got the job of Javanese teacher, fooled his employer, and made academic and diplomatic career, representing Brazil in Congress of Orientalists in Paris. Castro also got a position in the Ministry of Foreign Affairs when he come to find out that nobody among official know Javanese. Castro in the final of this shirt story turns into a recognized expert, with whom “gramáticos consultavam-me sobre a colocação dos pronomes no tal jargão das ilhas de Sonda” [11] (“linguists consulted about pronouns in different dialects of Sunda Archipelago islands” [13]).

Lima Barreto actually reflected the general trends of genesis and early developments of Oriental Studies that were common to other Western countries where activity of various adventurers, who used interest of the educated classes to the Orient, preceded to academic Oriental studies. An active adventurers stimulated interest in Orient and this interest was a form of imagination that initiated the beginning of a new invented tradition, but this tradition was too far from later institutionalized academic traditions. The last one can be understood as “...a set of practices, normally governed by overtly or tacitly accepted rules and of a ritual or symbolic nature, which seek to inculcate certain values and norms of behaviour by repetition, which automatically implies continuity with the past. In fact, where possible, they normally attempt to establish continuity with a suitable historic past.... However, insofar as there is such reference to a historic past, the peculiarity of ‘invented’ traditions is that the continuity with it is largely fictitious. In short, they are responses to novel situations which take the form of reference to old situations, or which establish their own past by quasi-obligatory repetition...” [22, p. 1].

These intellectual practices and strategies can be determined as proto-Oriental Studies because they did not correspond with necessary set of symbolic rituals and practices. The period of adventurers in the intellectual history of Brazilian Oriental Studies was short and brief, but these adventurers became the forerunners of scientific and academic Oriental Studies. Oriental Studies in Brazil as in other regions where this field of Humanities was institutionalized in academic forms can be imagined as invented tradition. Contemporary Brazilian respectable Orientalists, like their European colleagues, have their historical predecessors in enthusiasts whose activity had nothing in common with the canon of contemporary academic historiography.

Preliminary conclusive remarks: from normative to discursive and intellectual histories of Oriental Studies. The events and forms of intellectual activities that were analyzed in this article proceeded to development of academic tradition in Oriental Studies in the United States and Brazil. The genesis of Oriental Studies in these countries had different cultural and social foundations and roots. The emergence of academic Oriental Studies in America was different from similar processes in Europe. European academic traditions of Oriental Studies occurred in contacts between Western colonizers and colonized Eastern cultural, social and political victims of European colonization.

The United States and Brazilian Empire, unlike European countries, did not have developed colonial traditions. The genesis of Oriental Studies in American cultural and intellectual situations was stimulated by external factors. Oriental Studies in the Western Hemisphere countries become secondary because these studies were stimulated by external intellectual and cultural influences. Western Europe in this context was mediator which introduced America with Orient, because artifacts and values of Eastern origin were imported in America from Europe. The interpretations and understandings of Oriental sources in the United States during era of Oriental Studies genesis were extremely different. It was not a rare situation when historical sources, including Egyptian, became victims of religious fanaticism and different local misconceptions.

New research agenda for Orientalism: a few critical suggestions and comments. Analysis of the ideas' histories and early intellectual interests in Orient which actually preceded emergence and institutionalization of Oriental Studies as a formal field of scientific knowledge allows Author of the article to formulate and number some discussive and debatable questions that can form the hard-core for further activities in Oriental Studies history in the United States, Brazilian Empire and Brazil of Republican era. The author proposes that these problems are the followings:

- Empire and Orient (nationalist and historical tactics and strategies of imagination, invention and mapping of Orient in Brazilian Empire);
- Americanization of Orient (Oriental, Eastern and Asiatic images in American cultural geography, oriental strata in American geographical imagination as invented tradition);
- national forms of Oriental imaginations (different ways of Oriental mythologies formations and academic studies of non-Western societies in Brazilian and American historiographies);
- formalized and institutionalized forms of reproduction of academic form of Orientalism (English language scientific journals dominate in contemporary globalizing world of international science, Brazilian scientific journals also have a stable reputation, but they are practically unknown and not studied in modern Russian Oriental Studies: further analysis of the main forms of institutionalization, themes and periodicals in the context of Oriental Studies in the United States and Brazil could form a “hard core” for historiographical studies of American and Brazilian Orientalisms in academic meaning of this politically and ideologically marked definition);
- contemporary Oriental Studies in the United States and Brazil (despite universality and indubitable political significance and even dominance of the US and Brazil in their regions, stereotypes and myths about these countries are more known in Russia than achievements and successes, theoretical and methodological approaches of Oriental Studies in these countries – American and Brazilian

Oriental Studies in this intellectual context may be the subject of further historiographical studies).

Conclusions. Intellectual strategies and practices based on tricks and maneuvers, which were extremely questionable from moral and ethical viewpoints, proceeded to scientific and academic interpretations of manuscripts and other historical and archaeological sources of Eastern origin. It is widely known that Mormons were successful and active in this direction more than other American religious activists. Mormons were able to buy some Egyptian antiquities, but they were interesting in them only in the context of legitimization and promotion of their religious teachings. Mormons were active not only in the purchase of Oriental Antiquities, they also tried to integrate some events of Eastern history in imagined American context. These aspirations were attempts to develop, strengthen and promote Mormon form of American identity as an invented tradition. The genesis of Oriental Studies in Brazil developed in a fundamentally different cultural and intellectual situation. The role of religious factor was minimal. Local intellectuals and adventurers promoted and stimulated the interested of educated communities in the Eastern and Asian issues.

The early forms of Oriental Studies in the Western Hemisphere proceeded to local national traditions of Orientalism, but this emerging Orientalism was different from European one and developed as its secondary form. American and Brazilian Orientalism were not formed as contact between the colonizers and the colonized, they developed as cultural, intellectual and social reflections about European colonial experience in the East and Asia. Early American and Brazilian Oriental Studies developed as inventing traditions. Oriental Studies in the United States became invented tradition only after institutionalization of their academic and scientific status in the 1842 when American Oriental Society was founded.

This model of Oriental Studies genesis was not reprehensible: early falsifications were not shameful because scholar communities were not consolidated and its representatives were not familiar with the norms of scientific ethics. The institutionalization of Oriental Studies led to revision of its early history when the academic canon was in the period of formation. Some facts of the early Oriental Studies history were understood as negative and reprehensible, but the activities of rogues and religious fanatics became an important stage in genesis of Western collective images of the Orient. The analysis of Oriental Studies history in context of intellectual history and a history of ideas as collective invented traditions will be incomplete and sanitary cleaned without recognition of facts from early Oriental Studies history which are not correlated with modern formal academic rules and regulations.

Acknowledgment. The author is grateful to Olesia Gorte for language revision of this article and her attempts to transform my sometimes too archaic and very boring English in readable and understandable text.

REFERENCES

1. The Book of Mormon. Another Testament of Jesus Christ. Salt Lake City : The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, 2012.
2. The Book of Abraham. The Pearl of Great Price. A Selection from the revelations, translations and narrations of Joseph Smith first prophet, Seer, and revelator to the church of Jesus Christ of Latter-day Saints. Salt Lake City: The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, 2013.
3. *Anderson B.* Java in a Time of Revolution: Occupation and Resistance, 1944–1946. Ithaca – N.Y. : Cornell University Press, 1972.
4. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983.
5. *Anderson B.* Language and Power: Exploring Political Cultures in Indonesia. Ithaca – N.Y.: Cornell University, 1990.
6. *Anderson B.* The Spectre of Comparisons: Nationalism, Southeast Asia, and the World. London: Verso, 1998.
7. *Anderson B.* Under Three Flags: Anarchism and the Anti-colonial Imagination. London: Verso, 2005.
8. *Ashment E. H.* The Facsimilies of the Book of Abraham: A Reappraisal, Sunstone, 1979. Vol. 17. № 18.
9. *Ashment E. H.* Joseph Smith's Identification of "Abraham" in Papyrus JS1, the "Breathing Permit of Hor", Dialogue: A Journal of Mormon Thought. 2000. Vol. 33. № 4. P. 121–126.
10. *Baer K.* The Breathing Permit of Hor: A Translation of the Apparent Source of the Book of Abraham, Dialogue: A Journal of Mormon Thought, 1968. Vol. 3. № 3.
11. *Barreto L.* O Homem Que Sabia Javanês. Antologia de Humorismo e Sátira. Rio de Janeiro: Editora Civilização Brasileira, 1957. Режим доступа: http://www.releituras.com/limabarreto_javanes.asp
12. *Barreto L.* Chelovek, kotoryi znal iavanskii iazyk. Brazil'skie rasskazy. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoi literatury, 1959.
13. *Barreto L.* The man who knew Javanese. R. Echevarria (ed.). The Oxford Book of Latin-American Short-Stories. Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 144–152.
14. *Edwards H.* (ed.) Noble dreams, wicked pleasures: Orientalism in America, 1870–1930. Princeton: Princeton University Press, 2000.
15. *Fleming K. E.* Orientalism, the Balkans, and Balkan Historiography, The American Historical Review, 2000. Vol. 105, № 4, October. P. 1218–1233.
16. *Francaviglia R.* "Like the Hajis of Meccah and Jerusalem": Orientalism and the Mormon Experience. Logan: Utah State University Press, 2012.
17. *Freitas D.* Insurreições escravas. Porto Alegre: "Movimento", 1976.
18. *Gee J.* The Ancient Owners of the Joseph Smith Papyri, Provo, Utah: Foundation for Ancient Research and Mormon Studies, 1999.
19. *Gee J.* A Guide to the Joseph Smith Papyri, Provo, Utah: Foundation for Ancient Research and Mormon Studies, 2000.
20. *Graden D. T.* An Act "Even of Public Security": Slave Resistance, Social Tensions, and the End of the International Slave Trade to Brazil, 1835–1856, The Hispanic American Historical Review, 1996. Vol. 76. № 2. May. P. 249–251.

21. *Guichard S.* Lettres de Bernardino Drovetti, consul de France a Alexandrie (1803 a 1830). Paris: Maisonneuve e Larose, 2003.
22. *Hobsbawm E., Ranger T.* (eds). The Invention of Tradition. Cambridge University Press, 1983.
23. *Irwin R.* Dangerous Knowledge: Orientalism and Its Discontents. New York: Overlook Press, 2006.
24. *Irwin R.* For lust of knowing: The Orientalists and their enemies. London: Penguin and Allen Lane, 2006.
25. *Kontje T.* German Orientalisms. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004.
26. *Little D.* American Orientalism: The United States and the Middle East Since 1945. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2001.
27. *Lovejoy P.* A escravidão na África. Rio de Janeiro: Civilização Brasileira, 2003.
28. *Lunin B.* Iz istorii russkogo vostokovedeniia i arheologii v Turkestane. Turkestanskii kruzhok liubitelei arheologii. Tashkent: Izdatel'stvo Akademii nauk Uzbekskoi SSR, 1958.
29. *Lunin B.* Iz istorii pervogo vysshego vostovednogo uchebnogo zavedeniia v Srednei Azii. Shastina N. (1960) (ed.) Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniia. Sbornik 6. Moskva: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1963. S. 302 – 345.
30. *Lunin B.* Sredniaia Aziia v dorevoliutsionnom i sovetskom vostokovedenii. Tashkent: Izdatel'stvo "Nauka" Uzbekskoi SSR, 1965.
31. *Lunin B.* Sredniaia Aziia v nauchnom nasledii otechestvennogo vostokovedeniia. Istriograficheskii ocherk. Tashkent: Izdatel'stvo "Fan" Uzbekskoi SSR, 1979.
32. *MacKenzie J.* Orientalism: History, Theory and the Arts. Manchester: Manchester University Press, 1995.
33. *Marchand S.* German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race and Scholarship. Washington, D.C.: German Historical Institute, 2009.
34. *Miniazhetdinov I., Pahomova M.* (eds.) Istoriia vostokovedeniia: traditsii i sovremennost'. Moskva: IV RAN, 2014.
35. *Murti K.* India: The Seductive and Seduced "Other" of German Orientalism. Westport: Greenwood Press, 2001.
36. *Nazirova N.* Tsentral'naia Aziia v dorevoliutsionnom otechestvennom vostokovedenii. Moskva: Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literature", 1992.
37. *Nibley H.* The Message of the Joseph Smith Papyri: An Egyptian Endowment, Salt Lake City: Deseret Book Co, 1975.
38. *Reis J. J.* Slave Rebellion in Brazil: The Muslim Uprising of 1835 in Bahia. L.: Johns Hopkins University Press, 1993.
39. *Reis J. J.* Rebelião escrava no Brasil: a história do levante dos malês em 1835. São Paulo: Companhia das Letras, 2003.
40. *Ridley R. T.* Napoleon's Proconsul in Egypt: The Life and Times of Bernardino Drovetti. New York: Rubicon Press, 1998.
41. *Said E.* Orientalism. New York: Pantheon Books, 1978.
42. *Said E.* Culture and Imperialism. New York: Vintage Books, 1993.
43. *Said E.* Kul'tura i imperializm. Sankt-Peterburg: "Vladimir Dal", 2012.
44. *Schwab R.* The Oriental Renaissance: Europe's Rediscovery of India and the East, 1680 – 1880. NY: Columbia University Press, 1984.
45. *Seita G., Papas V.* Bernardino Drovetti, storia di un piemontese in Egitto. Aosta: Le chateau edizioni, 2008.

46. *Shareef M.* The Islamic Slave Revolts of Bahia, Brazil. Pittsburg: Sankore Institute, 1998.
47. *Shastitko P.* Sobytiia i sud'by. Iz istorii stanovleniia sovetskogo vostokovedeniia. Moskva: Izdatel'stvo "Nauka". Glavnaia redaksiia vostochnoi literatury, 1985.
48. *Tolz V.* "Russia's own Orient": the politics of identity and Oriental Studies in the late imperial and early Soviet periods. Oxford: University Press, 2011.
49. *Tolz V.* "Sobstvennyi Vostok Rossii". Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
50. *Tsyhankova E.* Skhodoznachchi ustanovy v Ukrajin. Radians'kyi period. Kyiv: Krytyka, 2007.
51. *Verger P.* Fluxo e refluxo do tráfico de escravos entre o golfo do Benim e a Bahia de Todos os Santos. Salvador: Corrupio, 1987.
52. *Vigasin A., Shastitko P. M.* (eds.). Istoriia otechestvennogo vostokovedeniia s serediny XIX veka do 1917 goda. Moskva: Vostochnaia literature, 1997.
53. *Wokoeck U.* German Orientalism: The Study of the Middle East and Islam from 1800 to 1945. London: Routledge, 2009.

INVENTING AND IMAGINING THE SOUTHWESTERN CHINA: BOTANY STUDIES, 1920–1937¹

Abstract: *this paper has two aims. First, I will explore the general history of the missionaries' studies of natural history which were conducted from 1920 to 1937, southwest of China, and their contributions in this field to the anthropology of the Republic of China at the mainland (1912–1949). Second, I will investigate in detail the multiple subjects such as original inhabitants, local elites, warlords as well as the nature of Southwest China, through which missionaries produced their knowledge.*

Keywords: *Southwest China, China, European expeditions, imagination.*

Arguments and Methods. To examine the relationship between the concepts of knowledge and a variety of social elements, I will employ the sociological approach of knowledge, in which the writer is asked to pay much attention to first, the relationship between the concepts of knowledge and a variety of other social elements; second, the ins and outs of a certain conception. At the same time, for a further understanding of the traits of the missionary botany studies, a comparison will be held to explore the relationship between missionary studies on botany and the disciplined researches on natural history which were done in the same area at the same time (1920–1937).

Brief Review of the Thesis. During the period from 1920 to 1937, many European and American missionaries who were doing their missionary jobs in southwest China also conducted studies on natural history. Depending on wherever their missionary stations located, which were built up by the pioneers of the missionaries, and being guided by the route maps created by disciplined naturalists, those missionary naturalists traversed remote mountains and isolated forests (For these amateur missionary botanists, the missionary networks and the explorative route maps were proved to be critically helpful). As a result, missionaries dealt frequently with both the local natural world and the cultural world. Once they finished their journeys, the missionary botanists produced travel stories and academic researches which were visibly famous for employing local knowledge, such as the using of the plants, the experiences of traveling in the natural world and funny things which took place between the missionaries and their aboriginal assistants in a misunderstanding situation. They published their articles on the Journal of the West China Border Research Society (1923–1946) created by the West China Border Research Society (WCBRS). It is based on these articles, the Journal of the West China Border Research Society and The Chinese Recorder as well as a missionary dairy [16] that my study had been able to make a progress.

¹ I owe my thanks to Chen Bo and Bian Simei, for their help on revising the paper.

Natural Landscapes in the Travels. The natural landscapes and the plants in the mountains and forests were the objects through which the missionary naturalists understanding the relation between the nature and the human in Southwest China. As we will see, the missionary naturalists were often touched by wonderful landscapes. In the morning of August 1, 1921, for example, T. E. Plewman, a missionary who had traveled many times in the mountains was touched by a beautiful landscape. He put the experience in the travels: "The scene was entrancing. Great snow mountains in the distance, five or six villages in sight in the wooded valley, with several watch towers on the hillside and two beautiful streams lending variety to the view, Zr-pao-kiai has the finest outlook of all the native villages I have been in" [14, p. 15]. Similar words been found also in David Crockett Graham's (a missionary, anthropologist and zoologist, 1884–1961) travel notes. July 14, 1924, while travelling in the Yellow Dragon Gorge (nowadays the famous Huanglong Scenic Area), he wrote: "The yellow Dragon Gorge is one of the most beautiful and interesting spots that I have seen" [4, p. 41]. However, according to Graham's next statements about the Yellow Dragon Gorge, there were many holy mountains, and the stumps of several trees were being worshipped by the indigenous people [4, p. 43]. Obviously, in the view of Graham, it was not only the beauty of the landscapes, but also their relationship with the local people that made the landscapes meaningful for him. Therefore, it was not out of surprise when Graham ended his journey with these words: "It is a privilege to study the Chinese and the aborigines with their social and religious customs so different from our own; and it is a joy to see how nature manifests her beauty and her grandeur in so many different ways" [4, p. 45].

However, Frank Kiningdon Ward, a professional botanist, would not agree with Graham; for him, the landscape was a representation of individual emotion rather than a holy landscape. In an evening in 1910, he wrote: "Starting early next morning and leaving the men to pack up and follow, I rode into Atuntzu at one o'clock, to find the village bathed in brilliant sunshine; yet in the afternoon the sky grew black over Pai-ma-shan again, and we heard the thunder rolling and rumbling over that storm-riven mountain. At sunset the peaks, clearly outlined against the blue-black sky, presented an extraordinary appearance, as though recently swept by a terrific snowstorm, for they glowed with a pale reddish-gold tint, which in contrast to the darkling sky and surrounding mountains, now in deep shadow, looked like snow. Then the stars came out in their myriads, and distant lightning could be seen flickering behind Pai-ma-shan" [8, p. 128].

Undoubtedly, from what he described we could tell that there was loneliness in Kiningdon Ward's soul. Compared to Graham, Kiningdon Ward's description demonstrated a thick atmosphere of individualism, beyond, it is also easy for us to figure out from Graham's pictures that the human and the nature were considered as a whole.

Last, but not the least, Graham's writings presented an excellent example in which the local knowledge found a way to go into the missionary naturalist's travels. For example, when talking about the Tibetan's Fuel and Night lights, James Huston Edgar also took the similar way [10, p. 29].

Cooperation and Quarrelling between the Indigenous Assistants and the Missionary Naturalists. Likewise, aboriginal assistants were also recorded in missionaries travel diaries. On the explorative road, missionary naturalists interacted closely with their aboriginal assistants, exchanging all kinds of knowledge and "creating" interesting "stories". On April 25, 1924, Darid. C. Graham wrote a letter to a collector surnamed Ho on his specimen collecting way, and wrote to another friend in Yunnan to ask help from him to hire an "aboriginal insect collector" at same time. The next day, a specimen collector named Chen Gih Uen collected a number of lepidopteron [16, p. 38]. On November 16, 1927, Graham wrote to the "aboriginal collector" living in Yunnan and the "experienced collector" Chen Gih Uen, and expressed his will to hire these two people in his diary [16, p. 67]. On November 25, the "aboriginal collector" Yang Fong Tsang came to Xufu from Yunnan province; the next day, Graham taught him how to dispose mammals and birds specimens through examples of Rat and English sparrow; the taxidermist surnamed Ho received training too. Although they made great progress, they didn't arrive at the proficient level. On November 27, Yang and Ho kept practicing on disposing Rat and English sparrow, and discussed with Graham [16, p. 68]. On November 28, "experienced collector" Chen Gih Uen arrived in Xufu. Compared with the newcomer Yang Fong Tsang, Chen did the collection work with ease. He did a good preparation job, and was sent to collect specimens the following day [16, p. 68]. Since then, taxidermist Ho, Chen Gih Uen, Yang Fong Tsang and Darid. C. Graham formed a relatively stable collection team, and they got along with each other very well for a long period of time. However, the teamwork was not always harmonious. July 15, 1928, a quarrel took place between Graham and Yang in Huang Li Pu, Sichuan province, due to the different ideas towards to the scientific work they held [16, p. 98]. Interestingly enough, the two, Graham and Yang, met with each other half way for the purpose of co-operation and in the name of scientific work's meaning, in the end [16, p. 98].

Brigands: A Danger in the Journey. During the period 1920 to 1937, brigands who were haunting in the mountains and woods in southwest China were really a danger for the missionary naturalists, and often made travelers' journeys indeterminate. In order to avoid the threat from robbers, the missionary naturalists usually spend much time on planning their journeys. In July, 1917, because the brigands and the wondering soldiers were here and there, L. Newton Hayes, a missionary who originally planned to travel to the Emei Mountain had to stay a few weeks in Chengdu. It was until the middle of August 1907, with the news from the Chinese authorities that the brigandage was under control and foreigners might leave for the mountains in a comparatively safer way, did L. Newton

Hayes go to the Emei Mountain with his companies [11, p. 515]. However, not every traveler had such a good luck in that period of time. In 1922, for example, a missionary called W. H. Oldfield and his colleagues were kidnapped by the bandits on their journey. They had to manage to escape. Fortunately, they did it successfully and, understandably contributed that to their god's bless [15, p. 530].

Every coin has two sides, through their interactions with these brigands, missionary naturalists got alternative perspective on an alternative understanding of Southwest China. To some extent, they stimulated the missionaries to conclude a kind of knowledge which was from the interacting experience with the brigands. January 4, 1930, T. E. Plewman who was troubled much by the brigands in the past years transferred his dangerous experiences into a text with illustrations; and he even gave a lecture to his colleagues [5].

Protection from the Local Elites. Obviously, the missionary naturalists were not without protections, in some situations, protections offered by the local government often made their journeys safe. In 1925, for example, the local officer offered Graham 250 soldiers to escort his team and successfully helped them escaping from 300 robbers' disturbance [5, p. 30]. In the summer of 1928, Graham visited the warlord who was controlling the local area when he traveled from Xufu to Yazhou, Sichuan province, and got from him a loyal personnel to join his guard [16, p. 93]. It is in the same journey that Graham dropped in the postmaster, military chief, Catholic priest when reached Ning Yuan Fu, Sichuan province [16, p. 104]. Undoubtedly, all of these influential local elites took part in the missionary naturalists' knowledge production, directly or indirectly.

Knowledge Text of Multiple Subjects: A Case. In addition to the local people (indigenous people, bandits, warlords) and the natural environment mentioned above, their friends were also involved in making the missionary naturalists' texts. In 1922, with the help of his friends such as J. H. Edgar, G. G. Helde and Harald Smith, the botanist from University of Uppsala in Sweden, S. H. Lijestrand finished his researches of medical plants at the Sichuan-Tibet frontier [13, p. 37–46]. In the paper, Lijestrand also disclosed another source of his knowledge about these plants. At the end of the paper, he wrote: "There are many unidentified plants, and the writer plans to continue the survey. A Chinese assistant is engaged to gather specimens during the two flowering seasons in furlough, after which it is hoped to do intensive study of a given section" [13, p. 46]. Obviously, his indigenous assistant was also one of the authors of the text. The final form of the text was unprofessional because there were multi-subjects participating in the production of the text; however, it was exactly because of the unprofessional and undisplined knowledge from the other subjects that the 'local knowledge', namely the classification and terminologies of the local plants, was recorded in the text. However, there is evidence showing that the terminologies of plants in Southwest China made by Lijestrand were eventually accepted by disciplined botanists [3, p. 18]. Undoubtedly, the works of Lijestrand was

a typical case to show the Multiple Subjects in the missionary naturalists' text about their botany researches.

Conclusion. In *British Naturalists in Qing China: Science, Empire, and Cultural Encounter*, Fa-Ti Fan argued that British naturalists' jobs were benefited by the Qing's trade centers (especially Canton) and the information network of the British empire; meanwhile, the British naturalists' natural history studies were influenced by the imperialism as well as the Chinese Sinology (Fan, 2004). As Erik Mueggler put it, although not explored the British naturalists' research between 1911 and 1945, "far the best account of Western natural history in China is by Fa-ti Fan" [6, p. 448]. As far as we can see, the missionary botany Research (1920–1937) in southwest China showed us a more complex situation.

The reproduction of ideas and knowledge was their diffusion as well. In the reproducing process, the local knowledge involved both cultural and natural elements, was playing a key role. All of these made the missionaries botanic knowledge practice a multi-subjectivity trait, including the local natural world, the local people such as the so called aborigines, gentry, warlords, and the missionaries all contributed to the missionary botany writings which were published in journals. What's more, the missionary naturalists' knowledge also entered into the researches of Chinese anthropologists in the Republic of China, although, in the nationalists' views, it is a negative image.

After examining the missionary botanic research from a historical perspective, I found that the "route maps" exemplified through the naturalistic activities often overlapped with the missionary network. Furthermore, in terms of the natural geography, the missionaries' botany studies were benefited from the complicated natural and geographical conditions as well as the diversified botanic conditions in West China; from the social perspective, the botanic researches were influenced by the active social groups such as bandits and local warlords; from the perspective of knowledge, these missionaries' botany researches interacted with Confucian knowledge about human's cognitions of both nature and civilization as well as indigenous people's traditional botanic knowledge about plants in West China; from the perspective of the discipline of anthropology, some missionaries' botany studies were often a constitutive part of their anthropological researches. Consequently, the anthropological research at West China Union University gradually developed out a characteristic from its natural history background under the multi-interactions of above mentioned elements.

The natural-history-based anthropological research was transferred to a specialized and "scientific" approach which was influenced by the ideology of nationalism in the late 1930s. However, under the impact of the reform of the West China Border Research Society by David Crockett Graham, the important missionary anthropologist who outstood out of his colleagues, as well as the migration of the church colleges from the east part which was under Japanese invasion to West China [9], the anthropological research developed from the natural

history in West China was largely continued. These contributed to the fact that the anthropology in West China Union University the land mark of this discipline both in academic thinking and institution. The pattern or form of the anthropology in West China Union University pioneered by missionaries built the concrete foundation of the Western-China school of Chinese Anthropology [2, 12].

REFERENCES

1. "Programmes of society meetings", in Journal of the West China Border Research Society, Vol. 3, 1926–1929.
2. *Chen Bo*. Li An-che and the Western School of Chinese Anthropology, Chengdu: Bashu Publishing House, 2010.
3. Chinese Academy of Sciences, New Latin, Chinese, English plant names, Beijing: Aviation Industry Press, 1996.
4. *David C. Graham*. "A collecting Trip to Songpan", in Journal of the West China Border Research Society, Vol. 2, 1924–1925.
5. *David C. Graham*. "A collecting Trip to Washan and Mount Omei", in Journal of the West China Border Research Society, Vol. 3, 1926–1929.
6. *Erik Mueggler*. "The Lapponicum Sea: Matter, Sense and Affect in the Botanical Exploration of Southwest China and Tibet", note. 17, In Comparative Studies in Society and History, Vol. 47, № 3 (Jul., 2005).
7. *Fa-Ti Fan*. British Naturalists in Qing China: Science, Empire, and Cultural Encounter, Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2004.
8. *Frank Kingdon-ward*. Himalayan enghantment, an anthology, Chosen and Edited with an Introduction by John Whitehead, London: Serindia Publications, 1990.
9. *Hou Deichu*. A Brief Hisory of the Chinese Universities Transferring to Inland in the Anti-Japanese War (Kangrizhangzhengshiqizhongguogaoxiaoneiqianshilve), Chengdu: Sichuan Education Press, 2001.
10. *Edgar J. H.* "The Fuel and Night lights of certain Tibetan tribes», in Journal of the West China Border Research Society, Vol. 4, 1930–1931.
11. *Newton L. Hayes*. "A Trip to Sacred Mount Omei", in Chinese Recorder, 1917.
12. *Li, Shaoming*. "Simple Discussion on the Western School of Chinese Anthropology", Guangxi Ethnic Studies, 2007, № 3.
13. *Lijstrand S. H.* "Observations on the Medical Botany of the Szechuan Thibetan Border, with notes on General Flora", in Journal of the West China Border Research Society, Vol. 1, 1922–1923.
14. *Plewman T. E.* "A Journey into Heofan Velley", in Journal of the West China Border Research Society, Vol. 1, 1922–1923.
15. *Oldfield W. H.* "In the hands of Chinese robbers", in Chinese Recorder, 1922.
16. *Walravens, Hartmut* (ed.) David Crockett Graham (1884–1961) as Zoological Collector and Anthropologist in China, Opera Sinologica documenta1, Harrassowitz Verlag, Weisbaden, 2006.

**BOKO HARAM, THE CAUCASUS EMIRATE AND AL SHABAB:
GENERAL AND PARTICULAR IN THE PRACTICES
OF TERRORISM AND POLITICAL VIOLENCE**

Abstrakt: *this paper studies the causes and efficacy of jihadism as a phenomenon and an analysis of four contemporary jihadist project. On a number of key characteristics (organizational structure, way of mobilizing supporters, the nature of interaction with the population, methods of implemented violence, public opinion and the state reaction, features of propaganda and ideology) are Boko Haram, the Caucasus Emirate and Al Shabab compared. It is also shown, that jihadist organizations go through several stages in its development, what can be useful in prediction of terrorist activity. Also the author gives a forecast of the situation in Russia in the case of the jihadists' success.*

Keywords: *Middle East, Russia, violence, Islam, jihadism.*

Problem definition and operationalization of concepts. The problem of jihadism, which is the direction in political Islam, whose adherents are called to wage an armed struggle against the infidels, have become more urgent following the events of September 11, 2001. She immediately becomes global, not only on the degree of danger to society, but also in areas of distribution. Now the jihadist groups operating in virtually all corners of the Islamic world, from South-west Africa to Southeast Asia and the North Caucasus to Arabia and the Horn of Africa.

Currently Jihadism represents the greatest danger to the so-called fragmented states, especially if they have ethnic and political conflicts and ineffective institutions of public authority. Unfortunately, these conditions are partially satisfied by the Russian Federation. Russian jihadists are located mainly in the North Caucasus are "local". However, a recent reformatting their brethren in Iraq and Syria and close ties with the Caucasian underground "caliphate" talk about the "internationalization" of the threat. With each passing day it is more of an abstract, distant problem becomes a very specific threat, as if the monster approaching (including live, geographical sense) to our borders [19]. That is why the study of Islamism and jihadism is especially important.

In general jihadism is an attempt to impose (as Muslims and all others) some very simplified picture of the world, according to which all of the problems stem from the unjust structure of society. Therefore, to solve all the world's problems is necessary to achieve conversion to the fair, the Islamic principles.

The second thing that is important to understand – Islamism is not brought from outside. All attempts of "exporting the Islamic revolution" undertaken by Iran and the "liberation of the Dagestan" taken by S.Basaev, failed. Moreover, Islamism internally differentiated (and to a certain extent – contradictory) phenomenon. There are three directions. The first is represented by moderate Islamists,

who are betting on the cultural and educational spheres. The second is represented by radicals who seek to “Islamic perestroika” predominantly legal methods. Finally, the third is focused on an uncompromising armed struggle [18, p. 2].

It is the third area, giving priority to the armed struggle, we can call Jihadism. In the last decade jihadism widespread in the Islamic world, winning (literally and figuratively) all the new spaces. Like any radical ideology, Jihadism is addressed to the poor and uneducated sections of the population, youth, and all sorts of “soldiers of fortune”. In a healthy society, these people make up a small minority, and therefore not dangerous. But if society is plagued anomie, crisis of values and experiences permeated the politically motivated violence, “humiliated and insulted» can become the gravediggers of society.

The empirical base and methodology. This article is supposed to consider the four most successful jihadists project in six key characteristics, which involves the creation of a multivariate model analysis of similar structures as the existing ones, and may arise in the future. As the author suggests, the construction of its own model, all the shortcomings and errors of modeling entirely on his conscience. Initial testing of the model was given in [10, p. 428–437]. Its key variables are the organizational structure, way of mobilizing supporters, the nature of the interaction with the public, methods of ongoing violence, the reaction of society and the state, especially the propaganda and ideology.

The actual work is the source of the base, located on the Internet (websites jihadists and various think tanks) and open press as journalistic and academic. The basic method – comparative analysis, the variables which are the basic characteristics of the studied organizations.

Boko Haram: The origin and structure of the organization. It is impossible to say when BH was created, but explicit “statement” Statement Nigerian Islamists made at the end of July 2009 by undertaking a series of revolts in the states of Bauchi, Borno, Kano and Yobe. BH leader, Ustaz Mohammed Yusuf, was a student and adept Ibrahim al Zakzakki – head of the Shiite community in Nigeria. Shiism had entered the country in the 1970s, but a generation later, a significant portion of them disappointed in Zakzakki and its methods of struggle for the building of an Islamic society.

Abubakar Mullah Ahmed united “splitters” to the new structure called Jamaat ut Tadzhdid al-Islam. At the left and Yusuf Mullah Ahmed. He became emir of DTI in the state of Borno [12, p. 19–23]. However, emerged in the early 2000s BH based in Yobe and liaise with a number of foreign Islamist organizations such as the Taliban and al-Qaeda.

In the narrow sense of the term structure of the organization is a network of autonomous cells, apparently capable of rapid and coordinated attack. Anyway, after the arrest of several members of BH on 26 July riots that engulfed four states, they erupted almost simultaneously and were accompanied by armed violence against the police [1, p. 98]. At the head of BH is the imam, his deputy

and secretary general. Similar posts established at local levels in those states where there are supporters of the organization. Apparently, together they form a common management body, the Majlis-ul-Shura. Grass-roots participants of the decision-making process are excluded [9, p. 19].

Structured new movement helped by two factors. Firstly, the governor of one of the states Ahmad Thani, after winning the 1999 elections was the attempt of introduction of sharia as the basis for legislation. By 2001, his attempts were unsuccessful, and soon imitated the model Thani dozen colleagues [9, p. 5].

Secondly, against a background of extreme poverty, insecurity and unemployment (especially among young people), BH enjoyed financial support from a wide variety of groups [1, p. 101]. This resulted in Yusuf and his sympathizers to the ideological conflicts: he was convinced that introduced Sharia law is wrong, too riddled with "Westernism". Perhaps that is why a new movement got its unofficial name Boko Haram, which means "(Western) education is forbidden". However, the group prefers to position himself under the name Jamaat Ahl Sunnah lid'Dua val'Dzhihad (Society for the sake of the people of the Sunnah and the fight against conscription).

Mobilizing supporters. The bulk of the adherents of BH is unemployed, the poor young people. Traditionally, it is going through the sermon, to a much lesser extent (because it is a sin) – through the educational system and the sale of literature, or broadcast in the media. Not the last role was played by oratorical skills Yusuf [8, p. 3].

In recent years, significant cases of forced mobilization in controlled areas, especially the future of martyrs, which becomes even children [11]. All followers of the movement taking part in the sermons (at least, as listeners and agitators), study the Koran and do dhikr. In addition, the encouraged daily physical exercise, as well as training in weapons handling. All this takes place under the guidance and supervision of a mentor Masjid [9, p. 20].

Interaction with the public. Is very limited, and in fact, reduced to two aspects: finding new adherents and funding sources. Propaganda as such a form of interaction is called incorrectly, because, unlike the first two practices, it is the indiscriminate nature and its lack of success does not affect the activity of BH directly.

The nature of ongoing violence. A typical tactic of BH – the attack on the security forces, followed by a retreat to a fortified base at any reference point. Assaults and counterattacks such bases lead to significant civilian casualties. This provocative tactic allows not only to attract new supporters (since the responsibility for the victims of "jihad" are written off to the official authorities), but also reduces the morale of the police.

After the death of Yusuf during the military operation in summer 2009, a new strategy has been updated imam, Sheikh Abu Bakr: its foundations were laid terrorist attacks against the police, the army, the Christians and apostates. However,

many perished in the terrorist attacks of Muslims, including civilians. Attacks were also against social infrastructure (schools, churches, the headquarters of the security forces, the offices of international organizations). Only in 2011 there were more than 100 attacks, which have claimed more than 500 people [13].

The reaction of society and the state. First of all, it should be noted the high degree of cohesion Ulema who opposed the organized BH and are actively campaigning, explaining the inadmissibility of the armed attempts to “just society”. However, while the Nigerians, in general, share this approach, they do not feel sympathy for the official authorities, the opposing BH – especially law enforcement officers. This forces the authorities to seek foreign legitimization of their shares, and even from time to time enter into a truce with the Islamists.

The ideology and propaganda. First of all, BH rejects Western education system, but on a broader scale – in general all the western unit of society, including concepts such as democracy and the secular power. The movement also rejects Western culture, medicine and science (which, however, does not prevent the use of their achievements). Reorganization of society according to Sharia is possible only through an armed struggle against the government. And ideally, the Shariah should be extended to all (including Christian) Nigerian states [2, p. 40]. Also they denied any opportunity to work for the government, especially in the police and military structures.

Caucasus Emirate. The origin and structure of the organization. End of 1980 – the beginning of the 2000s was marked by the so-called “Islamic revival”. It is characterized by an increasing interest in religion and everything connected with it, especially among young people; increase in the number of mosques and their regular parishioners; the emergence of a network of Islamic schools [16, 17]. In the second half of the 2000s Islamists declared the establishment of the state, “Caucasus Emirate”. Organizational IR is a network of terrorist cells, independent of each other in terms of resources and tactical actions.

By the time of the invasion of Islamists in Dagestan (which can be considered the first attempt to build an armed “Emirate”), he held a leading position among the depressed regions of the country; a number of regions of the republic the authorities virtually no control [24, p. 27–33]. A similar, but even more complex situation is in neighboring Chechnya. However, the beginning of the antiterrorist operation (the second war in Chechnya) interrupted an attempt to build an Islamic state in the North Caucasus. As a result, it organized an underground network with a three-level structure – Jamaat (local district or city branch) – Governorate (republic or more districts) – Emirate (“state”).

“Citizens” of Emirate – mostly young people with secondary education, are often unemployed. Of course, the tense socio-economic situation in the region, exacerbated the situation, but was not the cause of terrorism – even in the early 2010s the attacks have not stopped, despite the significant increase in the standard of living. Members of the Emirate are active armed struggle against the “in-

fidels” and “apostates” (wrong from their point of view Muslims), the practice of resorting to address terrorism [26]. Dispersed databases Islamists and their combat units allow them to apply sudden shocks and then completely “dissolved». An important factor is the organizational support (almost all forced) by the business. The Emirate has authorized collecting tribute from the merchants in a particular area; unwillingness to cooperate is punishable by death.

Caucasus Emirate: Mobilization. Involvement of new members to the Jamaat comes during secret meetings, but propaganda is carried out in an open manner, including through the Internet. Most often it occurs due to the incorporation of the relatives of those people who have already “gone to the forest”. This is usually younger brothers or wives of militants, at least – co-workers to work in the “worldly” life [21, p. 5].

Initiate also completed through the “ritual murder” – a policeman, official mufti. Thus, the new adept cut off “way back” his future life depends on fellow Jamaat. For many potential recruits “to the forest” – a way to save their lives and protect loved ones [20, p. 3]. The growing influence of Islamists is forcing security forces to seek assistance from local residents through the “hotlines”, which guarantees anonymity, and hence, security [16, p. 1].

Caucasus Emirate: Interaction with the public. In the early 2000s, compared to the 1990s, there has been a qualitative change in cooperation with the Islamic community. Now all the people outside the Emirate, are seen as potential accomplices “infidels”. The violence, which had previously been directed exclusively against the “federalist”, now focused, primarily, on the locals. The turning point was the terrorist attack in Beslan and so called Nalchik revolt [22, p. 97–98].

The task of attracting people to their side has been replaced with task intimidation to bring local residents from among the subjects of the struggle and only turn them into an object. Nationalism is characteristic of the Chechen separatists, and it has been replaced by “internationalism” of religious radicals, slightly broadened recruiting base – in addition to representatives of the Caucasian peoples, including the Islamists began to appear and the other Russian.

Caucasus Emirate: The nature of violence. Violence, gradually, from the mass and indiscriminate, it was targeted and individual. It moved to the cities and industrial facilities (factories, oil pipelines, etc.), including far beyond the original focus of the emergence of the underground – in the neighboring republics: virtually the entire North Caucasus Federal District was the scene of the ongoing struggle against terrorism. The most important change was the direction of terror against the officials, both spiritual and secular. There is a “movement of the active body” of Islamism in saturated material and human resources areas. There is a growing rejection and misunderstanding between the two worlds, “the plane” and “around the corner”. This last has become a social and political base of the militants Emirate [25, p. 554].

Caucasus Emirate: The reaction of society and the state. Wanting to end the instability in the region, the state often resorts to drastic measures, such as the kidnapping of suspects of belonging to terrorist underground, illegal use of violence and hostage-taking, even [15, p. 15–18]. On the other hand, often committed crimes are simply not registered or are not executed under “terrorism”, which suggests “reducing” the threat [23].

Of course, it gives a certain effect in restoring order, but also carries the risk of a further increase in legal nihilism. Furthermore, that in 2010 in Kabardino-Balkaria have declared themselves the so-called “Black Hawk Down” – an informal organization whose aim is the armed struggle with the Islamists their own ways. This is somewhat similar to the situation with ronderos but one aspect – extralegal status of “hawks”.

Caucasus Emirate: The ideology and propaganda. If you do not go into the religious and philosophical debates, the Islamist ideology is simple. All the misfortunes of the North Caucasus are called “dominance infidels” any form of representative democracy and the other institutions associated with it (civil society, secular adversarial justice, human rights), flatly rejected as “kufr”.

It is significant that a large part of the population, especially young people, to some extent agree with the ideology of the Emirate. According to sociologists, Dagestan Scientific Center, RAS, 54,5 % of the population supports the fundamentalist approach to the choice of the form of rituals. The foothill area, this figure reaches 82 % among the age groups of the maximum rate for persons under the age of 20 years – 58,1 %, and the village more “fundamentalist” than the city – 60,9 % and 42,7 % [14, p. 46–48].

The Middle East is known as a source of international terrorism. But there is also a country of terror from which almost no “spills out” outside. It Somalia for over 20 years, since 1991, the area over the preceding 30 years known as the Republic of Somalia is in a state of permanent political crisis, exacerbated by the virtual collapse of the state in several parts, the existence of internal conflicts and social and humanitarian catastrophe.

Al-Shabab. The origin and structure of the organization. Middle East – it is known to many as a source of international terrorism. But there is one country, the terror from which almost no “spills out” outside. It is Somalia. For over 20 years, since 1991, the area over the preceding 30 years known as the Republic of Somalia is in a state of permanent political crisis, exacerbated by the virtual collapse of the state in several parts, the existence of internal conflicts and social and humanitarian catastrophe.

In the context of the collapse dismantled primarily complex social practices and institutions, and simple, capable of independent existence and often radically reorganized and change their functions. Karl Butzer identifies five factors that generate a collapse: the weakness of institutions (such as the dynastic crisis or

corruption); civil war or invasion; destruction of the environment; demographic crisis; change in ideology or religion [4, p. 36–38].

Obviously, they all occur in Somalia. The institutional void filled Muslim radicals from the “Islamic Courts Union” – preceded al-Shabab organization. ICU is a coalition of warlords, very loose and poorly managed. Only successful counterattack government troops forced the Islamists to do something of army building. It is curious that physical impact of the state contributed to the unity of the radicals – something similar happened in the North Caucasus, leading to the emergence of “Majlis-ul-Shura” headed by S. Basaev, on the basis of which later emerged the Caucasus Emirate.

Al-Shabab: Mobilizing supporters. Orphans and homeless children are often involved in the commission of acts of terrorism, banditry and other unlawful acts by majority clans. Thereby artificially maintained “psychology of war” in the minds of the younger generation, which complicates counter-terrorism work. In addition, children do not have jurisdiction, and most of these crimes go unpunished. Juvenile terrorists just bought. For example, throw a grenade or other explosive costs \$ 20 US [3, 5].

Al-Shabab. Interaction with the public. The main problem faced by the government was corruption and the lack of direct access to official information, especially regarding the distribution of financial and humanitarian aid to countries in the West. Even the introduction in some areas of summary judgment (on the model of military courts) did not change the situation for the better. This situation is aggravated by the eclectic nature of the legal system, combining in different parts of the country norm of customary law, Sharia, and the penal code before the crisis. For this reason, the prosecution of offenders was not always possible, as ICU guaranteed “fair punishment”.

The second problem was the mass violence. Much of Somalia simply impassable to cross: there are a lot of various roadblocks and army camps. Closely related to this problem is the situation of violence among children and adolescents: about 400 thousand, mostly women and children, have been internally displaced, living for years in refugee camps.

Al-Shabab. The nature of violence. Violence radicals directed primarily against refugees and displaced persons, employees of local organizations and law enforcement services. It is selective in nature and is not so much terror as an instrument of influence on the political situation in Somalia. In recent years, Somalia has become a transit area for the kidnappers in order to sell them for forced labor (mainly to Europe and the Persian Gulf), on which profit from the mafia and warlords. The weak and corrupt Somali government can not counter this threat. Even in Somalia, according to UNICEF, in the early 2000s to work from 29 to 36 % of children aged 5 to 14 years. But even more difficult situation with piracy is “powered” by ransom from hostages and captured ships [6].

Al-Shabab. The reaction of society and the state. Given the lack of integrity of the state in Somalia as such, it had to respond to the international community. Realizing the impossibility of unilateral action, the Western countries have been forced to rethink its strategy towards the region. Under the auspices of the United States in 2007 was created the Unified Command of the armed forces in Africa (AFRICOM), whose task is to ensure regional security and resolution of crises. Africa has developed a number of training programs, the result of which was the preparation of 100 000 peacekeepers, which led to increased participation of African countries in peacekeeping operations on the continent. This is bound to affect Somalia – instead of Americans out there now the Ethiopians and Kenyans. This has greatly improved the situation with navigation in the Horn of Africa, and questionable leadership on the criterion of “the danger of Shipping” is now moved to the coast of Nigeria [3, 5]. Another important priority for the West was the promotion of democratic systems and practices on the continent. The logic is simple – a stable democracy (as opposed to authoritarian regimes) is not only reliable allies, but also to guarantee the safety of shipping and export of resources, because “democracies do not fight each other”.

Al-Shabab. The ideology and propaganda. Aside from the obvious Islamic radicalism, al-Shabab focuses on the fight against Western propaganda (including from human rights organizations and peacekeepers) and limited access to education to his subjects. The situation is complicated by the lack of qualified teaching staff, as well as gender, linguistic and religious discrimination. Confession than the practices of Islam often entails harassment by local authorities, and attempts to move to another religion is punishable by death [3, 16].

Conclusions. If you bring together data on the sixth paragraphs, we will see many similarities in the activities of extremist organizations examined. Slight differences in ideology, structure and management, explains, most likely the local conditions of struggle against the state. Revealing a striking similarity in the nature of ongoing violence, interactions with the outside world and how to initiate new adherents. The latter is not due to some “external” causes, and what makes an effective illegitimate violence. Not the last role is played here by the personal factor – the capture or killing of leaders of organizations leads to a decrease in their activity. Obviously, these traits generally characterize the state of modern Russia and the ruling class was unable to reverse the trend of “collapsing”. Islamism as the project offers very simple rules of the hostel. Moreover, these rules are followed strictly, not only because of the religious sanction, but also because of the hard persecution of apostates, including, up to the physical destruction. It is quite clear, attractive landmarks, certain behaviors and building a just society. This is a fundamental point – it is not just in the call to live according to religious Muslim standards, but to live in justice. And in Russia, as we know, is a very serious demand for justice.

Islamism gives its adherents, especially non-Hobbesian social contract: we will guarantee a fair world order in exchange for your obedience and sacrifice in the name of some common ideals (the prospect of death in the course of the armed struggle). This is a very clear social contract. The modern Russian state does not give anything like it. No one knows and does not know what will happen to him, with the country in 20–30 years. Radical Islamists, in contrast, give this understanding, albeit very specific, give a sense of ownership and confidence.

In such circumstances, the effectiveness of violence will grow in proportion to the weakening of the state, as illegitimate violence works on the principle of positive feedback: what it is, the more active resistance, which leads to an escalation of tensions and the eventual collapse of the state. This path has recently undergone Afghanistan and Somalia; corruption, terrorism, anarchy in them – the consequence, not the cause of the weakness of the state. The reason seems to be that while the lack of transparency for all social strata “game rules”, is forced to observe that everyone wins, who first commits a foul.

REFERENCES

1. *Adesoji Abimbola*. The Boko Haram Uprising and Islamic Revivalism in Nigeria // Africa Spectrum. 2010. Vol. 45, № 2. P. 95–108.
2. *Bumah J., Abimbola A.* The Boko Haram Tragedy and Other Issues // The Punch (Lagos), 2009, 6 August.
3. Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor Year Report. Washington, D.C., 2007.
4. *Butzer K. W.* Collapse, environment, and society // PNAS. 2012. Vol. 109, № 10.
5. *Carter Ph.* US Policy in Africa in the 21st Century / Bureau of African Affairs, The Africa Center for Strategic Studies Washington, DC, February 9, 2009.
6. Contact Group on Piracy of the Coast of Somalia (CGPCS) Statement / US Department of State, Bureau of Political-Military Affairs, Washington, DC, January 14, 2009.
7. *Hines Nico* Nigerian Islamists Routed as Army Storms Mosque, 2009. – Режим доступа: www.timesonline.co.uk/tol/world/africa/article6732982.ece#cid=2015164
8. *Isola M., Bwala J.* End of the Road for Boko Haram Leader – How He Attracted Young Fanatics, in: Saturday Tribune (Ibadan), 2009, 1 August, 3.
9. *Murtada A.* “Boko Haram» in Nigeria: Its Beginnings, Principles and Activities. – Kano, Nigeria; Bayero University, 2013.
10. *Polyakov E.* Islam and Islamism in Contemporary Russia: The Lack of State Power or Factor of Stabilization? // World Applied Sciences Journal. 2014. Vol. 30, № 4.
11. *Scheen T.* Kinder des Todes. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/afrika/boko-haram-laesst-in-nigeria-immer-mehr-selbstmordattentate-von-maedchen-verueben-13445524.html>
12. *Sulaiman, Tajudeen.* The Plot to Islamise Nigeria, in: Tell (Lagos), 2009, 30 November, 19–23.
13. Nigeria: Boko Haram Widens Terror Campaign. – Режим доступа: <http://www.hrw.org/news/2012/01/23/nigeria-boko-Haram-widens-terror-campaign>

14. *Abdulagatov Z.* Sostojanie religioznosti kak faktor politizacii religioznogo soznani-ja // Religioznyj faktor v zhizni sovremennogo dagestanskogo obshhestva. Mahachkala: DGU, 2002.
15. *Allenova O., Mel'nikov V.* Ja iz lesu vyshel, byl sil'nyj Ahmat // Kommer-sant-Vlast'. 2004. № 15.
16. *Zjazikov M.* U mononacional'noj respubliki net budushhego // Serdalo. 2008. № 61.
17. *Malashenko A.* Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza. M.: Gendal'f, 2001.
18. *Malashenko A. V.* Kak pobedit' "Islamskoe gosudarstvo" i možno li ego pobedit'? M.: Mosk. Centr Karnegi, 2014.
19. *Mirskij G. I.* Monstr islamizma // Vedomosti. 2014. 16 oktjabrja.
20. *Mustafaev T.* Problema s borodoj... // Chernovik. 2008. 25 aprelja.
21. *Politkovskaja A.* Mechet' zakryta, vse ushli na front // Novaja gazeta. 2005. № 78.
22. *Poljakov E.* Severnyj Kavkaz v zerkale jetnopolitiki: konflikt, nasilie, vlast'. Vo-ronezh: IPC "Nauchnaja kniga", 2014.
23. *Hadzieva M.* Kollegija MVD // Serdalo. 2008. № 63.
24. *Jefendieva D.* Chechenskie sobytija i Dagestan: posledstvija i istoricheskie uroki. Mahachkala: Izd-vo DNC RAN, 2002.
25. *Jefendieva D.* Vzaimootnoshenija chechencev s narodami Dagestana na rubezhe XX–XXI vekov // Chechenskaja Respublika i chechency: istorija i sovremennost': materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. M. 19–20 aprelja 2005 goda [otv. red. H. I. Ibragimov, V. A. Tishkov]; Institut jetnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaja; Kompleksnyj NII RAN, g. Groznyj. – M. : Nauka, 2006.
26. Sluchai napadenija i ubijstva muftiev na Severnom Kavkaze. RIA "Novosti". – Режим доступа: <http://ria.ru/spravka/20101215/309173739.html>

ISLAMISM, REGIONAL INSTABILITY AND PROSPECTS OF THE MIDDLE EAST DEVELOPMENTS AND TRANSFORMATIONS

Abstract: *the author analyzes the main vectors and developments of the political situation in the Middle East region. Islamism is analyzed as a factor that assists to the rise of instability. Political conflicts in the region have both political and religious origins and backgrounds. The Middle East is also analyzed in the context of relations between the Russian Federation and its Western political and economic partners. The author analyzes the causes and characteristics of political and ideological contradictions between the West and Russia. The differences and features of American and Russian foreign policy strategies in the region are also studies. The prospects of international cooperation in the fight against radical Islamism are analyzed in the article.*

Keywords: *Middle East, international relations, regional security, Islamism, radicalism.*

Jihadist encroachment is now perpetuated not only on the remains of secular statehood in Syria and Iraq but also coalescing entire Arabian peninsula and Central Asia. Some lobby interviews and talks behind the scenes have already aroused apprehension of ISIS self-sufficiency and veracious absence of foreign backing and financial nourishment allegedly from Russia. But if Persian Monarchies collaborating with the oversea ally have been conventionally bogged down in historically – ingrained political jiggery-pokery, hodiernal Russian policy in the Middle East is thought to be out of the beaten track. Though sweeping under the rug but therefore causing scientific interests, Russian endorsement in the ISIS agenda has reached ponderable extent.

The primary purpose of this article is not contained by merely a postulation of recently-unveiled facts but also coalescing the extension forecasts of Russian foreign policy agenda in the Middle East. This article particularizes types of Russian assistance towards newly-born epicenter of jihad, including recruitment of religious zealots from Chechnya, speculations on oil black market and procrastination of participation in anti-terrorist coalition in conjunction with impartial scrutiny of ample reasons for Chechen affinity groups to back jihadists.

The deduction of the results acquired by investigational research within the article leads to following results:

- Russian endorsement has already transcended the frameworks of unstoppable recruitment's flows from traditionally Muslim regions, such as Chechnya, Tatarstan and Dagestan;
- Russia explicitly conduces to ISIS's arms supply, drug trafficking, financial baking;
- Russian procrastination to join ant-terror coalition tarnishes its political image as self-appointed unilateral troubleshooter;

- Western partners seem to have guessed that Moscow is not going to burden itself with ISIS but toil to return the favor in the Middle East as outsider;
- Russian regional affinity groups, especially from Chechnya, directly intervene ISIS agenda.

Meticulous scrutiny of unveiled facts may lead to rather controversial conclusions, as on the one hand, Moscow does participate in new boundaries demarcation but explicitly, by the means of its political stooges, and on the other – it fends off to burden itself with feasible calamitous consequences of anti-terror collusion participation. In the light of this affirmation it might be assumed that Russia has modernized its foreign policy into much more perverted and sophisticated type modeled after American example.

During rather protracted period of time ISIS militants had elaborated Sharia laws and managed to penetrate new territories in Syria and Iraq without substantial or even no any widespread condemnation from the West until mass tortures, executions and religious discrimination were brought into the public eye in the last summer [3]. Since that the Security Council has adopted several resolutions being targeted at annihilation of ideologically-biased statehood.

Surprisingly that Russia as self-appointed superpower still has not contributed substantially towards religiously ardent hotspots reconciliation. Moscow has merely called on the U.N. Security Council to ban purchases of oil from terrorist-controlled regions, including the territory held by ISIS, which only proves Russian outsider role in the international anti-ISIS effort.

Furthermore, while the U.S. and its European political satellites have pledged to dispatch intelligence in the hotspot, Russia – one of the main international backers of Bashar al-Assad's Syrian government – is not a member of the U.S.-led "broad coalition" against. On the one hand, it seems that Russia's participation in countering ISIS operations, whether U.N. backed or Western backed, can ameliorate its status in the international arena, strengthen its position and improve its tarnished political image. But these vague possible gains could easily turn in to a complete loss [4].

Furthermore, Russian procrastination over international anti-terror coalition participation also stems from the clash of confronting approaches to the essence of such fight. The problem is that for various reasons it is now challenging for both Moscow and Washington to agree even on the negotiations devoted to elimination of a common threat. There are several reasons for such sunt:

- Different strategies being pursued by the two nations in respect to the Middle East: "American policy in the Middle East lacks a systematic approach. Having not destroyed al-Qaeda in Iraq, the United States switched to Libya, then, having quit what it started, intervened in the Syrian conflict" [5];
- Americans are gambling on democratization and actively intervene in the internal affairs of states. The Russian counter-terrorism strategy, by contrast, is based on supporting the existing regimes, regardless of the situation with democracy and human rights in a particular country;

– Washington’s reluctance to take Moscow as a partner. It is completely eligible that American President approximated Russian allegedly aggressive foreign policy with the threat posed by religious zealots from ISIS. Washington does not need collaboration with Moscow on an equal footing but on a base of submission.

As vindication own affirmation, Russia has announced that airstrikes against ISIS in Syria ought to have been debated in the U.N. Security Council, where Moscow is privileged with the veto power. It seems that our Western partners have already guessed that Moscow is not going to burden itself solely with Islamic but toil to return the favor in the Middle East, as discussing the diplomatic puzzle presented by Syria, a senior U.S. administration official recently told CNN, “The Russians are not our friend here”.

So there in no ample reason to think that Russia will formally join the U.S.-led coalition. And generally speaking, in some ways overzealous leader like Putin who tends to see great-power competition in zero-sum terms, presumably appreciates the fact that U.S. attention and resources continue to be tied down in the Middle East while Russia might be an outsider keeping its potential for decisive geopolitical battle which is already looming on the horizon [1]. But insulating itself from international cooperation against ISIS Russia toils to guarantee national security relying mostly on own compatibilities and closed ties with Central Asia, to be precisely, with Tajikistan.

Leading Russian mass-media agencies quoted unnamed sources in the Russian General Staff as saying the amount of planned military aid to Tajikistan could reach 70 billion rubles (over \$1,2 billion at current rate) within the next few years. The arms and equipment would include personal weapons and ammunition, communication systems, aircraft, artillery systems and missiles. Most of the aid will be second hand hardware currently on the Russian forces’ balance.

The aid will be rendered within a major program of joint modernization of Tajikistan’s military signed between Moscow and Dushanbe in 2014. The major objective is to strengthen the border between Tajikistan and Afghanistan. The task has become especially vital after the Coalition Forces’ withdrawal from Afghanistan and a geopolitical loophole for own influence proliferation. But it would be a kind of informative concealment to say that Russia insulates itself from geopolitical rivalry in the Middle East, on the contrary, Moscow does participate in new boundaries demarcation but does it explicitly, by the means of its political stooges, – Chechen affinity groups.

According to head of Russia’s Secret Service, nearly 1,700 Russian citizens have joined ISIS in Syria and Iraq. Despite the fact that leaders of Caucasus Republics as well as Federal security forces are always on guard, no one can guarantee perfect security. Russia’s direct involvement in any coalition would mean a direct fight against ISIS. The ISIS plague knows no borders, that much has already become clear. A Caucasus front against ISIS is a calamitous threat and Russia will have to bear the burden [6, 9].

With a cooling in western track diplomacy accompanied by quashing of cross border trade Russia is endeavoring to handle with desperate necessity of diversifying external export-import flows and gaining additional political support at international stage. Having its foreign policy priorities reoriented, Russia is taking pain to bolster its diplomatic, economic and military clout in the Arab world along several tracks, among them through Egypt, a regional leader that has been declared by President Vladimir Putin as “a very promising country». But If for Cairo such unsuspected patronage lures with political, military-technical, energy, trade, investment and other opportunities, Russia is jeopardizing to bog down in conflict-laden region with long-festering grievances among its actors. Such, at first side, extemporaneous foreign policy trend requires a well-balanced analysis that is offered in this article.

The all-out destabilization caused by the Arab Spring [7] and Muslim Brotherhood rule [10] aroused far reaching calamitous repercussions for the state. Country still faces a threat of disintegration, mostly because of popular support and almost ubiquitous sympathies for Islamists in conjunction with national economy state of shambles. Emaciated Egypt has been virtually permeated by the rising extremism fueled from the outside by the civil war in Libya and the continuing bloodshed in Syria and Iraq, pushing the new government to focus on domestic stability and revive national economy from the ashes of the civil war.

Cairo is patching up the economy through ambitious projects like the recently commissioned second lane of the Suez Canal worth USD 8,2 billion, the USD 45-billion construction of a new capital for all national ministries and foreign diplomatic missions, and the construction of nuclear power plants and other facilities. It is not necessarily to be as wise as Solomon to assume that such ambitious initiatives clamor for tranches of financial largesse. Unable to build a relationship with Washington [8] on its own terms, Cairo has had to approach Moscow which has come across as sympathetic to Mr. Sisi’s domestic policies and is ready to assist him in fighting terrorism, first of all ISIS. Egypt also counts on Russia’s support in its quest for better relations with the BRICS and for a free trade area with the Eurasian Economic Union. In addition, Cairo regards Moscow as an additional source of weaponry, energy and technology. But If aspirations which encourage Egyptian affinity groups to proceed with rapprochement with Moscow are relatively obvious, Kremlin’s stimulus are supposed to be much more perverted and nebulous.

First of all, since Egypt is still influential in the Arab world and in Africa, it may offer Russia dividends both in bilateral and regional terms. Egypt is Russia’s key trade and economic partner in North Africa, with turnover invariably rising despite all of the regional perils. By the end of 2014, bilateral trade reached USD 5,5 billion, doubling that recorded in 2013. Russian exports are dominated by oil products (about 30 percent) and grain (about 20 percent). Egypt, the largest importer of Russian wheat, accounts for almost 30 percent of Russia’s overall wheat exports [2]. Almost 90 percent of Egypt’s exports to Russia are fruits and vegetables, while Egyptians are ready to increase their food supplies, which seems quite appropriate and timely in view of the Russian food embargo.

Secondly, the expansion of the Suez Canal has made Egypt a preferable logistical hub for Russian giant grain companies and industrial enterprises which have seized the opportunity to penetrate sales markets of the third party countries.

Today, the bilateral Russian-Egyptian relationship is definitely on the rise. Presidents Putin and Sisi during their first face-to-face meeting in February 2014 manifested their personal concernment of fruitful interstate collaboration. After that, they met in Sochi on August 12, 2014, in Cairo on February 9–10, 2015, in Moscow on May 9, 2015, and again in Moscow on August 26, 2015. Moreover, on August 6, 2015, President Sisi received with all the official ceremonies Russian Prime Minister Dmitry Medvedev who attended the opening ceremony of the new Suez Canal – such periodicity of top-level negotiations should be regarded as an ultimo ratio in favor of new strategic alliance to be shaped.

Having facts at disposal to be impartially assessed, following short-term scenario of bilateral relations elaboration might be unveiled:

- The Russian-Egyptian Commission on Trade and Economic Cooperation in upcoming December will adopt a roadmap for implementing new joint projects;
- Russia will proceed with supplying the Antei-2500 system and selling 50 Ka-52 helicopters for the Mistral helicopter carrier;
- Hydrocarbons will be an obvious priority. Rosneft and Egyptian General Petroleum Corporation have already compromised on the basic terms for the delivery of Russian oil products and liquefied petroleum gas;
- Egyptians have already manifested their aspirations to cooperate with the Russian aerospace industry. In the light of these statements, joint – ventures in aerospace industry are likely to be implemented;
- Russian businesses undoubtedly will gain dividends and intensify own involvement in actualizing foreground Egyptian economy projects by cooperating in the construction and upgrading of industrial, energy, transportation, logistical and residential facilities in Egypt, as well as the employment of the GLONASS navigation system;
- The ostensibly historically-unprecedented largest bilateral project for the construction of a nuclear power plant based on Russian technology that is worth USD 20 billion being built in northwest Egypt in nearest future.

To conclude, It should pointed out that meticulous scrutiny of unveiled within presented article facts leads to the comprehension of fact that Russia being spooked with sanctions and quashing of cross border trade with Western partners has modernized its foreign policy into much more perverted and sophisticated type by rethinking strategy and reoriented priorities. Egypt seems to be a rocket side for Russian business to penetrate new sales markets within the African continent and Arabian Peninsula, while the extension of political collaboration clearly depicted by regular high level talks acts in favor of Russian reinstatement of its stance in the Arab world.

ISIS troops are saturated by Chechen religious zealots or military contractors representatives who are under indisputable influence and control of Mr. Kadirov and his superior – Putin. Pro-Russian belligerent groups among ISIS activists guarantee Moscow's conversance in forming its agenda. Demonstrative performance of Russian might in ISIS was implemented when one of the insubordinate zealots was violently killed on Kadyrov's personal order. Russian endorsement has already transcended the frameworks of unstoppable recruitment's flows from traditionally Muslim regions, such as Chechnya, Tatarstan and Dagestan, and also included arms supply, drug trafficking, financial backing and Kremlin.

To conclude, it should be pointed out that Russia being spooked with sanctions and economic isolation has modernized its foreign policy into much more perverted and sophisticated type, the recent manifestation of which is Moscow's explicit influence in the Middle East, implementing so masterfully that without careful scrutiny it will scarcely reveal itself. Kremlin has no longer cultivated extemporaneous foreign policy initiatives, but only circumscribed ones targeted at return of Moscow's determinant influence on urgent geopolitical quarrels reconciliation.

REFERENCES

1. Al Qaeda Releases First-Ever English Terror Magazine, Anti-Defamation League, 2010 July 15. – Режим доступа: <http://www.adl.org/combating-hate/international-extremism-terrorism/c/inspire-magazine-issue-1.html#.UOMLjVfQt-0>
2. Implementation of the European Neighborhood Policy in Egypt. Progress in 2011 and recommendations for action. Delivering on a new European Neighborhood Policy. Brussels: EU-Commission, 2012.
3. Berry J. W., Kim U., Minde T., Mok D. Comparative studies of acculturative stress, *International Migration Review*, 1987, Vol. 21, P. 491–511.
4. Dubovikova M. How Russia can sway the anti-ISIS fight, *Al Arabiya*, 2015, February 25. – Режим доступа: <http://english.alarabiya.net/en/views/news/middle-east/2015/02/25/How-Russia-can-sway-the-anti-ISIS-fight-.html>
5. Isaev L. M., Shishkina A. R. *Siriia i Yemen: nezavershennyye revoliutsii*. Moskva: URSS, 2012.
6. Mirzayan G. Russian security services ready to help U.S. fight ISIS, says FSB chief, *Russia beyond the headlines*, 2015, February 26. – Режим доступа: http://rbth.co.uk/international/2015/02/26/russian_security_services_ready_to_help_us_fight_isis_says_fsb_44023
7. Primakov D. Sistematizatsiia grazhdanskogo zakonodatel'stva v Egipte v kontse 19 – seredine 20 veka, *Pravovedenie*, 2008, № 5, S. 86–92.
8. Sharp J. M. *Egypt: Background and U.S. Relations*, Congressional Research Service. 2012, December 6, P. 5–6.
9. Yavaz M. H. *Secularism and Muslim Democracy in Turkey*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
10. Zeghal M. Religion and Politics in Egypt: The Ulema of Al-Azhar, Radical Islam and the State, *International Journal of Middle East Studies*, 1999, Vol. 31, № 3, P. 371–399.

“ISLAMIC STATE” IN GERMAN MASS MEDIA: BACKGROUNDS, CHALLENGES AND SEARCH FOR SOLUTIONS

Abstrakt: *this article is focused on analysis of German Mass Media reaction to the actions of the terrorist organization “The Islamic State of Iraq and Syria” and the role that ISIS plays in the Middle East conflict.*

Keywords: *ISIS, German Mass Media, Middle East conflict, terrorism.*

During the past decade hardly anyone could say anything about the term of “Islamic State”. Unfortunately, this was radically changed when the IS declared a sacred war Jihad on an unprecedented scale. The terror of the Mideast reached Europe in year 2004 when 191 people were killed as a result of a train explosion. This was followed by London bombings in the subway in year 2005 with 56 victims. Both attacks were carried out by al-Qaida.

The most recent tragic events which the terrorist organization of “The Islamic State of Iraq and Syria” has taken the responsibility for are the Paris attacks in November 2015 which left 130 people dead and 350 injured. Taking into account how close Germany and France relations had become during the euro integration process and their neighboring geographical position, the terrorist onslaught in the French capital provoked considerable political backlash from the German government [4]. For instance, the Interior Minister Thomas de Maizière on 12th September 2014 confirmed that actions of the so-called “Islamic State” is strictly forbidden on the territory of Germany due to the IS-run German language propaganda in order to recruit new fighters. Practically, in year 2007 the law was passed that specifically banned the Islamic State from taking any action in Germany and dubbed it terroristic.

Looking closer into the phenomenon of the so-called “Islamic State” (often referred to as IS, ISIS, ISIL or Daesh), it turns out that it is not that new, as many tend to believe in the modern world. Even though the IS became internationally known a couple of years ago, its history encompasses more than one decade. For the more comprehensive understanding of what “Islamic State” really is and how it could be rooted out, we should look into the way this terrorist organization appeared and developed over its lifetime. This extremist group traces its roots back to year 2003 when the notorious overthrow of Saddam Hussein’s regime in Iraq and the controversial US military invasion took place. But, actually, the problem goes even further back in history to year 1921 when the British mandate for this territory came to an end. The state of Iraq which united three parts of the former Ottoman Empire was created. As a result, the Sunnite, the Shiite and the Kurdish nations turned out to be sharing one country, where the Sunnite minority (less

than one third of Arabic population in Iraq) got the power into its hands. One of such Sunnite leaders was Saddam Hussein, who, notwithstanding the allegations of employing cruel methods in governing, managed to keep the country in stability for the time of his rule. After the United States decided to remove Hussein and unilaterally (without the resolution of the Security Council of the United Nations) dispatched troops in Iraq, the situation has changed drastically. With the help of the US government the Sunnite minority was deprived of power for the first time in many years and the Shiite majority (approx. two thirds of Arabic population in Iraq) took hold of power in the country. The United States were convinced that the government engineering, which presupposed in Iraqi case abandonment of their traditions as a way to democracy, would bring prosperity and security to this country. Sadly, this was not the case.

The Sunnite part of the population, Iraqi Ba'ath party and many other minorities did not want to put up with their new position and, as a result, the extremist organization "al-Qaida in Iraq" was grounded in order to fight back the Americans and the new-formed government. The Iraqi Kurds (in the North) were also in disagreement with the new political setup in Bagdad which made them turn to the guns. Additionally, many regional powers such as Iran, Turkey, Saudi Arabia, Qatar and also some terrorist organizations managed to make use of the unstable situation. Iran turned out to be particularly "effective", which with the support of Iraqi Shiite population managed to gain tremendous influence over the official Bagdad. Moreover, Saudi Arabia with the backup from Washington has sponsored numerous Sunnite terrorist organizations in Iraq in order to destabilize a neighboring state and pursue its short-term goals concerning oil trade. Unfortunately, hardly anyone realized that taking advantage of vulnerable Iraqi position could turn out into such a catastrophe for everyone around in the region and in the world. As a result, plenty of radical Islamic armed gangs appeared over the next few years, which not only keep providing for instability in the Mideast but also pose a threat to the whole global community [8].

The withdrawal of the US military forces from Iraq in year 2011 marked new epoch in the development of the Mideast conflict. Some say, that without US help, the situation in Iraq would have been worse. But looking into the results of this "help", we can easily argue that point. Firstly, the presence of the US Army, which brought "democracy" on the Iraqi soil, has contributed greatly to the appearance of numerous terrorist organizations, one of them was ISIS. Secondly, after the US troops left the Middle East region the "al-Qaida in Iraq" expanded further in Iraq and even on the territory of Syria (from that moment on "al-Qaida in Iraq" call themselves "The Islamic State of Iraq and Syria" or "ISIS"). Interestingly, as the Americans were going back home, they decided to leave most of their weaponry to the official Iraqi Army, but most of the armament got into ISIS hands which helped terrorists a great deal. Thirdly, in year 2013 the number of ISIS followers is believed to have been some 10 000 members. And last but not least, this

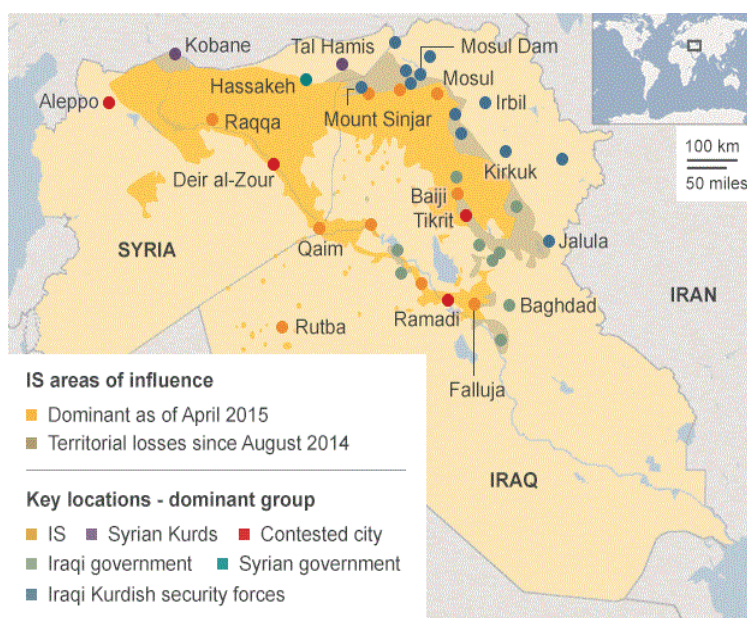
organization which was created partially due to the US invasion has evolved to be the richest and the most dangerous terrorist organizations in the world.

The perception of the ISIS in the eyes of the global community has changed over the time and it has become a huge issue in the world Mass Media, not excluding the German Media World. No need to say that this terrorist organization is of enormous concern to the Republic of Germany for number of reasons. To begin with, Germany has been going through the massive refugee crisis in Europe for more than a year now, partially due to the ongoing conflict in the Mideast which makes thousands of people leave their homes every day to find a better life without war and terror. But while many people in Germany do empathize with the refugees, quite a few fear that among those fleeing the war, might be the IS terrorists plotting to carry out new attacks in Europe and in Germany in particular. In that regard, one of the biggest German TV broadcasters ARD-Deutschland has published an opinion poll which was aimed to find out how the majority of Germans feel about the great number of refugees arriving in their country. Surprisingly, just in the period of time from October to November 2015 the number of German citizens scared of uncontrolled refugee influx in Europe drastically increased: from 38 to 51 % (out of 1003 participants) [12]. This data can help us partially explain the rising number of arsons of the refugee reception centers in Germany and the incremental number of far-right demonstrations against "Islamisierung des Abendlandes" (in translation – "Islamization of the West"). Since the refugee crisis does not seem to end in the short-term perspective, we can expect this number of both demonstrations and attacks on refugees to rise which can provide for further split-up of Germany and the EU in general.

In addition, the IS topic is frequently mentioned in connection with the regulation of the Middle East conflict, where the Germany foreign office plays a crucial role. Federal Chancellor Angela Merkel herself believes that without peaceful settlement at the negotiating table with all the parties interested in Syria and Iraq (but, obviously, without terrorists) there can be no substantial solution for neither the Europe's refugee crisis nor collective security in the region. One of the most significant obstacles on the way of creating peace in the Mideast is considered to be the IS which has been consistently destabilizing the situation there. The German government has not yet really considered dispatching Bundeswehr in Syria but it is clear, that, especially after the Paris attacks, the Merkel's cabinet is now inclined to an idea of following the "Realpolitik" way of thinking rather than just using tools of diplomacy [5]. To tell the truth, the German government has granted the US military drones, as NATO ally, the right to carry out attacks in the Mideast using the Rammstein air base. Obviously, the German society has expressed its dissatisfaction with the fact that the US air strikes are carried out with the help of Germany, but Berlin did not give a public answer to that concern. Pacifistic beliefs are quite well-spread in Germany and engaging in or supporting a war, especially somewhere away from the borders, is extremely difficult for the current German

government. Notwithstanding the public sentiment on that issue, on 26th November 2015, German government decided to take controversial step in fight against the IS in Syria by providing military help (e. g. scout military aircrafts) to French government. The decision was perceived as extremely questionable by German society and the comprehensive reaction of population is yet to come [6].

It is worth mentioning that in the first document published by the IS called “Announcement of the Islamic State’s birth” as the foremost goal was proclaimed conquering the North part of Iraq with the purpose of creating there military Sunni state as soon as the US-led coalition forces leave Iraq. Interestingly, but as we see, ISIS did not declare Jihad against the “infidels” around the world, which makes us wonder what made them leave this more or less “peaceful” path later on. In the course of time a few terrorist guerillas have strengthened the ISIS and the situation has changed drastically when al-Qaida started intensively supporting the IS both military and financially. Particularly, the ISIS made the world reel when during their advancement in Iraq last summer they managed to conquer a number of cities in the North of Iraq and part of Syria meeting hardly any resistance from official military forces on their way. Mosul (later on – the capital city of ISIS) was one of those key cities which were warred down by the IS then, where they gained full control of TV-towers, administrative buildings, banks and the international airport. Consequently, the IS sprawled further on the territory of Iraq and Syria and nowadays the IS-controlled areas of influence look like that (Pic. 1).

Pic. 1. Source: <http://www.bbc.co.uk/>

As we can observe, the war-torn Middle East region is challenged by ISIS, Syrian and Iraqi curds (in the North) alongside with many other extremist religious militias fighting each other (such as Jabhat al-Nusra), which makes it extremely complex to find a peaceful path and stop the Mideast butchery [7].

As we have already mentioned, one of the most interested parties in the peaceful regulation of the conflict in the Middle East is the Federal Republic of Germany. Undoubtedly, we should keep in mind that Germany's foreign policy cannot be taken away from the framework of the EU's external affairs. But still, it is worth mentioning that due to the recent events with uncontrolled refugee influx in Europe (where Germany has to deal with large number of immigrants single-handed) we can be sure, that the eventual settlement of the Mideast conflict is of the paramount importance for the Republic of Germany. Besides, the recent terrorist attacks connected with shootings and bombings in Paris (February and November 2015) and downing of the Russian airplane with 224 people on board (October 2015) raised the wave of anger and fear in the German society, especially following the threats of the IS that next terrorist attack can take place in any other European capital [9]. As a sign of great disturbance, the planned on 17th November 2015 (just couple of days after the Friday 13th Paris massacre) football game between Germany and the Netherlands was cancelled just right before the start due to the message of a possible planned bomb-attack [1].

In that regard a few major German broadcasters and newspapers (such as "Deutsche Welle") deliberate on the question of how the IS can successfully finance itself while fighting Jihad, planning new terrorist attacks all over the world and recruiting new followers using religious propaganda at the same time. At the last G20 summit in Turkey (Antalya) it was stated that the IS budget is some US\$ 2 billion (almost the same as Moldova's GDP) which they earn by illegal oil trade, kidnapping, human trafficking, slavery of women and smuggling of antiques [11]. In that regard the G20 leaders (not excluding Russian President Vladimir Putin) have agreed that the global community should do everything in their power to put an end to any support of ISIS from the outside world, which, unfortunately, terrorists still receive. Consequently, states should stop buying oil or antiques that ISIS sells on the black market. But what surprises the most is the fact that even being virtually "cut off" from the outside world (though some financial support still comes from al-Qaida and a number of other countries), they manage to organize their activity quite effectively. For instance, each ISIS fighter has a monthly salary of US\$ 400 up to 600 (depending on the size of family) which is paid even in case of fighter's death. Additionally, such things as electricity, tap water, accommodation and even the road infrastructure are being taken care of by the "State". That level of organization truly astonishes, mark German newsmakers, so that it could be said that the terrorism has reached unprecedentedly high level of cooperation.

As to the fight against the IS, we have seen a radical shift in the German Mass Media recently, especially, regarding the opinion on the role of Russia in the conflict [3]. As many of us might know, the relationships between the Russian Federation and the West do not enjoy the same high level of trust and cooperation as they used to, due to the well-known Ukrainian crisis, disputed Crimea annexation and sanctions “wars”. Consequently, the confrontation logic was followed in the interest clash of Russia and the West coalition in the Mideast conflict and, first of all, in Syria. In a nutshell the situation in Syria goes as following: the incumbent president of the Syrian Arabic Republic Bashar al-Assad is accused by the West (primarily by the USA) of promoting his own “totalitarian” regime and destroying his own population with chemical and other forbidden types of weapons [10]. Similarly to the Iraqi scenario, the United States seemed to be pursuing the goal of another military invasion in order to find weapons of mass destruction and stop the “tyrant”. Fortunately, with the engagement of the Security Council and enormous Russian diplomatic effort, a unilateral military operation was avoided. But the confrontation did not stop there and the opposing parties kept arguing about the role of al-Assad in the political process in Syria and in the Mideast in general. Traditionally, the German diplomacy of Angela Merkel’s cabinet has been moving in the wake of Washington’s foreign policy, which made Russian-German relations way colder in comparison with Gerhard Schröder times. After the introduction of economic sanctions we witness the lowest-ever level of bilateral relations between our countries. Luckily, the political dialogue does not stop and Russia – EU cooperation continues (with a good example of so-called Minsk process in Normandy format). But still, until the present time, the German Mass Media has condemned Russia on numerous occasions, mainly for its Ukraine policy and recently started Syria air operations. The German news agencies believe that President Putin’s decision to engage in the conflict was not motivated by fighting ISIS. On the contrary, they concerned that this operation is aimed to back up the Assad’s regime, which Russia has been continuously defending against the West.

From the first day of the Russian military operation, the German TV agencies have reported civilian deaths in Syria (some of those allegations are believed to appear even before the first bombings actually took place) and blamed our country for supporting the “tyrant” butchering his own population. But after the aforementioned Paris attacks the point of view of the German Mass Media on the Russian role in Syria totally changed. French President François Holland announced after the terrorist attacks on 13th November 2015 that he is willing to cooperate with Russia in fighting ISIS (instead of carrying out air attacks separately) in order to eliminate the terrorist threat as soon as possible [2].

The question of whether it is still possible to root out ISIS and the threat that it carries has been discussed in German press for quite a while. For instance, the newspaper “DIE WELT” has issued an article called “Der Vormarsch von

Isis ist nicht zu stoppen" ("The advance of ISIS cannot be stopped"). This paper pessimistically views the situation in Syria and Iraq marking that only in Syria ISIS has control over the territory which is 4 times bigger than neighboring Libya. Moreover, terrorists keep marching and conquering new oil-rich territories expanding their caliphate. Saudi Arabia (one of the biggest US allies in the region) keeps supporting the Sunnite the terrorist organization financially and the Kurdish leader calls for the referendum for his population. Thus, Iraq and Syria virtually stand on the verge of a break-down. In return, Iran and Russia strongly support the territorial integrity of those states, advocating that in case of disintegration of these key countries, any chances of bringing peace in the region will vanish.

A different opinion seems to be represented by the magazine "Bild", which contemplates on the recent decision of the German government to provide weapons apart from humanitarian aid to the Iraqi government and abandon by that a years-long policy of noninterference. The argument of the German government is that the military conflict which unravels right on the NATO borders is being seriously opposed in Bundestag, citing that by delivering more weapons in the region they will only worsen the sorrowful situation. But what almost everyone in Germany understands at the moment is that no country could ever eliminate ISIS alone, and what the global community really lacks is the amount of cooperation against the threat that terrorists from ISIS impose.

To conclude with, nowadays we witness an absolutely different perception of the German Mass Media on the topic of "Islamic State" in compare with only two years ago. It is still not clear whether we can destroy this dangerous organization in the short-term period of time or it will continue to grow. One thing seems to be clear for the German society: the more time the world powers spend fighting each other, the bigger ISIS will become and the stability of our world hugely depends on whether we could operatively find a cure against this fast-growing disease called "Islamic State" or not.

REFERENCES

1. *Ahrens P.* Länderspiel-Absage wegen Terrorgefahr: Mit Sicherheit richtig / P. Ahrens // Spiegel online. – 2015. – 17. November. – Режим доступа : <http://www.spiegel.de/sport/fussball/hannover-laenderspiel-absage-deutschland-niederlande-die-hintergruende-a-1063322.html>
2. *Becker A.* Russland und der Westen: Gemeinsam gegen den IS / A. Becker // Deutsche Welle. – 2015. – 19. November. – Режим доступа: <http://www.dw.com/de/russland-und-der-westen-gemeinsam-gegen-den-is/a-18862609>
3. *Bidder B.* Jetzt wollen alle mit Putin reden / B. Bidder // Spiegel online. – 2015. – 18. November. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/islamischer-staat-jetzt-wollen-alle-mit-wladimir-putin-reden-a-1063419.html>

4. *Diehl J.* Sicherheitslage in Deutschland: Die verunsicherte Republik / J. Diehl // SPIEGEL ONLINE. – 2015. – 18. November. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/sicherheitslage-in-deutschland-die-verunsicherte-republik-a-1063509.html>
5. *Erk D.* Offener, geeinter, aber auch kälter / D. Erk // Die Zeit. – 2015. – 22. November – Режим доступа: <http://www.zeit.de/politik/deutschland/2015-11/zehn-jahre-angela-merkel-bundeskanzlerin>
6. *Gathmann F.* Militärhilfe für Frankreich: Fünf Probleme des Anti-IS-Einsatzes / F. Gathmann // Spiegel online. – 2015. – 27. November. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/islamischer-staat-fuenf-probleme-des-deutschen-anti-is-einsatzes-a-1064857.html>
7. *Gebauer M., Weiland S.* Der schwierige Krieg gegen den IS / M. Gebauer, S. Weiland // Spiegel online. – 2015. – 18. November. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/syrien-der-schwierige-krieg-gegen-den-islamischen-staat-a-1063058.html>
8. *Hodali D.* IS will Ressentiments schüren / D. Hodali // Deutsche Welle. – 2015. – 18. November. – Режим доступа: <http://www.dw.com/de/is-will-ressentiments-sch%C3%BCren/a-18860832>
9. *Sydow C.* Terror gegen Russland und Frankreich: Die neue Strategie des IS / C. Sydow // Spiegel online. – 2015. – 18. November. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/islamischer-staat-anschlaege-von-paris-markieren-strategiewechsel-a-1063211.html>
10. *Von Rohr M.* Anti-Terror-Strategie: Gegen den IS, aber nicht mit Assad / M. Von Rohr // Spiegel online. – 2015. – 17. November. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/politik/ausland/krieg-in-syrien-westen-darf-sich-nicht-mit-assad-verbuenden-kommentar-a-1063094.html>
11. *Wenkel R.* Wie sich der IS finanziert / R. Wenkel // Deutsche Welle. – 2015. – 19. November. – Режим доступа: <http://www.dw.com/de/wie-sich-der-is-finanziert/av-18861856>
12. Sorge über Flüchtlinge bleibt hoch. – Режим доступа: <http://www.tagesschau.de/inland/deutschlandtrend-431.html>

С. С. Иванов

К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ САКСКИХ ПЛЕМЕН ПРИТЯНЬШАНЯ С ДЕРЖАВОЙ АХЕМЕНИДОВ

Аннотация: в период подчинения Средней Азии государством Ахеменидов во второй половине VI в. до н. э. уже первым персидским царям – Кирю II и Дарию I – пришлось столкнуться с мощным политическим объединением местных кочевников, известных как саки-тиграхауда, или «острошапочные» саки. Данная группа кочевников, как считает ряд исследователей, располагалась в Притяньшанье. Политический конфликт между саками-тиграхауда и Ахеменидами возникает при Кире II, который строит вдоль границы с ними цепь крепостей. Однако в острую фазу данный конфликт перетекает при царе Дарии I, который совершает как минимум два похода против «острошапочных» саков, в результате которых покоряет их. Данная группа саков получает определенную политическую автономию в рамках империи Ахеменидов, поскольку ее верховный правитель назначался из среды местной знати. Вместе с соседними саками-хаомаварга и каспиями Северной Индии «острошапочные» саки входили в состав XV сатрапии. На правах покоренного народа они должны были выставять воинский контингент в состав персидской армии, а также выплачивать дань, часть которой, видимо, предоставлялась ценными предметами и товарами из местных ресурсов. С ослаблением центральной власти персидских царей и рядом восстаний в подвластных сатрапиях на рубеже V и IV вв. до н. э. саки-тиграхауда выходят из подчинения Ахеменидов. По-видимому, это не сопровождалось масштабными военными конфликтами. Теперь Ахемениды вынуждены были выстраивать совершенно новую политическую линию по отношению к сакам Притяньшанья. Видимо, персидские владыки прибегают к дипломатическим методам, вследствие которых саки-тиграхауда становятся союзниками империи Ахеменидов. Это подтверждается тем фактом, что саки Притяньшанья в 330 г. до н. э. присылают гибнущей империи Ахеменидов военный контингент. Таким образом, политические взаимоотношения саков-тиграхауда и Ахеменидов проходят три фазы: острый военно-политический конфликт, период подчинения Ахеменидам и период политического союза.

Ключевые слова: Средняя Азия, Притяньшанье, империя Ахеменидов, сакские племена, политические взаимоотношения.

Abstract: during the conquest of Central Asia by Achaemenids in the second half of the VI century BC, already the first Persian kings – Cyrus II and Darius I had to deal with powerful powerful political union of local nomads, known as Saka-tigrahauda or “top-pointed” Sakas. This group of nomads, in pinion of some researchers, located in Tien-Shan region. Political conflict between Saka-tigrahauda and Achaemenids occurs when Cyrus II, who built a chain of fortresses along the border with them. However, in the acute phase of the conflict flowed under king Darius I, who arranged at least two campaigns against “top-pointed” Sakas, in which he conquered them. This group Saks receives a certain political autonomy within the framework of the Achaemenid

Empire, as its supreme governor appointed among the local nobility. Together with the neighboring Saka-houmavarga and Caspians of Northern India "top-pointed" Sakas were part of the XVth satrapy. On the rights of the conquered people, they had to put a military contingent to the Persian army, and also paid tribute, part of which, apparently, was given valuable items and goods from local resources. At the period of weakening of the central authority Persian kingdom and a number of uprisings in the satrapies at the turn of the V and IV centuries BC, Saka-tigrahauda were out of the subordination of the Achaemenids. Apparently, this event was not accompanied by large-scale military conflicts. Now the Achaemenids were forced to build an entirely new political line in relation to "top-pointed" Sakas. Apparently, the Persian rulers used diplomatic methods due Saki-tigrahauda become allies of the Achaemenid Empire. This is confirmed by the fact that "top-pointed" Sakas send the military contingent to perishing Achaemenid Empire in 330 BC. So the political relations of Saks-tigrahauda went through three phases: military and political conflict, the period of subjugation to Achaemenids and period of political alliance with them.

Keywords: Central Asia, Tien-Shan region, Achaemenid Empire, Saka tribes, political relationship.

Во время завоевания Средней Азии во второй половине VI в. до н. э. первые правители государства Ахеменидов столкнулись с крупными кочевыми объединениями региона, одним из которых были саки-тиграхауда («острошапочные» саки) древнеперсидских надписей.

Как убедительно доказал К. А. Акишев, отчасти развив точку зрения В. В. Григорьева [4, с. 51–52] и С. П. Толстова [15, с. 243], саки-тиграхауда в VI – первой половине II в. до н. э. занимали обширный регион Притяньшанья [2, с. 11–20; 1, с. 61–63]; его мнение было поддержано рядом других специалистов. Сравнительно недавно Д. А. Щеглов показал, что локализация саков-тиграхауда в древнеперсидских источниках определенно связана с востоком Средней Азии [16, с. 52–54]. Поэтому, несмотря на неоднозначные точки зрения на расселение этой группировки саков, все большее подтверждение находит версия об их размещении именно в Притяньшанье.

Политический конфликт между сакскими племенами Притяньшанья и державой Ахеменидов возникает, по-видимому, еще при основателе этого государства – царе Кире II (559–530/529 гг. до н. э.). Важнейшей причиной установления столь враждебных взаимоотношений были, вероятно, тесные культурные и экономические взаимосвязи мира кочевников и оседлых областей Средней Азии, которые были нарушены персидским завоеванием региона [6, с. 77].

Нам пока доподлинно не известны все детали возникновения военных конфликтов между Киром II и кочевым миром Средней Азии. Однако косвенным указанием на потенциальные конфликты между Персидским царством и саками-тиграхауда может указывать строительство вдоль границы с ними, по Сырдарье, цепи крепостей, важнейшей из которых была Кирополь, или Курушката (Кирэсхата), которая располагалась в районе современных Ходжента или Ура-Тюбе [5, с. 52–53; 7, с. 383; 10, с. 62–63; 17, р. 40]. Данное строитель-

ство традиционно приписывалось Киру II (Strab., XI, 11, 2) [18, р. 213]. Причем, как предполагает У. Хекель, оно могло иметь место в 530 г. до н. э. [19, р. 97], т.е. непосредственно перед роковой кампанией Кира II против массагетов в 530/529 г. до н. э. Подобное масштабное строительство оборонительной линии заставляет думать, что основатель государства Ахеменидов достаточно тщательно продумывал не только систему защиты подвластных персам районов Средней Азии, но также подготавливал прочный плацдарм для продвижения персов на северо-восток – за Сырдарью.

Последующие персидские цари в целом продолжают политику Кира II в отношении кочевников Средней Азии. В особенно острую фазу конфликт между саками-тиграхауда и персами входит при царе Дарии I (522–486 гг. до н. э.).

После восхождения на престол и подавления антиперсидского восстания в оседло-земледельческих областях Средней Азии в 522–521 гг. до н. э. Дарий I занимает крайне враждебную позицию против саков-тиграхауда. Он совершает по крайней мере два крупных похода против данной этнополитической группы саков. Однако в официальной ахеменидской версии имеется упоминание только об одном таком военном мероприятии, которое состоялось в 519 г. до н. э., о чем есть прямое указание в V столбце Бехистунской надписи (Strab., V, 71, 1–14). Древнегреческий историк Полиэн недвусмысленно сообщает еще об одном, неудачном, походе Дария I против саков (Polyen, VII, 12). Если учесть, что вторая упоминавшаяся в древнеперсидских надписях группа саков в Средней Азии – саки-хаомаварга – была подчинена персами еще при Кире II, то не возникает сомнений, что данная кампания была направлена именно против «острошапочных» саков.

Исходя из этого, можно предполагать, что первая кампания Дария I против саков-тиграхауда имела место в 520 г. до н. э. Следующий, видимо, второй по счету, поход состоялся весной 519 г. до н. э., основные его детали излагаются в Бехистунской надписи Дария I (Polyen, V, 73–75). Согласно ей, персидскому царю удалось нанести сакам-тиграхауда тяжелое поражение, вскоре после которого был схвачен и приведен к Дарию верховный властитель «острошапочных» саков – Скунха. После чего персидский царь поставил над ними нового, угодного ему (Polyen, V, 74, 20–30).

Примечательно, что изложение событий Бехистунской надписью данного похода в значительной мере совпадает с рассказом о войне саков с Дарием I в «Стратигемах» Полиэна (Polyen, VII, 11, 6), что явно говорит о том, что основные детали данного похода были достаточно хорошо известны в Древнем мире.

Итак, по-видимому, Дарий I действительно в 519 г. до н. э. нанес ощутимое поражение сакам Притянышанья, приведя их в определенную степень покорности Ахеменидской державе. Однако из контекста официальной персидской версии не совсем ясно, что побудило персидского царя к организации по крайней мере двух крупных походов против саков-тиграхауда. Причина-

ми в данном случае послужили не только напряженные отношения со времен Кира II, но и также, по-видимому, активное участие данной группы саков в восстании против власти персов в земледельческой части Средней Азии в 522–521 гг. до н.э.

Впрочем, данные походы Дария I против саков-тиграхауда нельзя рассматривать только как завоевательные, так как здесь имеет место и стремление персидского царя покарать «острошапочных» саков за участие в поддержке восстания в Средней Азии, обезопасив в будущем северо-восточные границы своего царства от попыток вмешательства кочевников во внутривосточную ситуацию его среднеазиатской части [15, с. 105–107]. Но, с другой стороны, саки-тиграхауда никогда до того не были подданными империи Ахеменидов, потому поход Дария I против них нельзя рассматривать как чисто карательную экспедицию против мятежников [5, с. 102–103].

Примечательно также то, что многие исследователи при анализе военного похода Дария I против саков-тиграхауда склонны отождествлять их с массагетами Геродота [14, с. 51–66; 11, с. 126–129; 20]. Однако нужно учесть, что локализация массагетов традиционно привязывается к Арало-Каспийскому региону, в то время как саки-тиграхауда, как было показано ранее, могут быть локализованы в Притяньшанье, из чего следует, что массагеты и «острошапочные» саки – совершенно разные группировки древних кочевников Средней Азии. Это также было обосновано А. А. Немировским, который убедительно отметил, что если бы саки-тиграхауда были тождественны массагетам, то Дарий I обязательно подчеркнул бы данный факт в Бехистунской надписи [9, с. 220–223].

Итогом рассмотренных походов Дария I стало частичное подчинение власти персов саков-тиграхауда. То обстоятельство, что персидский царь поставил над ними нового вождя из их же среды, явственно говорит о непрочном их подчинении, поскольку обычно Ахемениды ставили во главе сатрапий в качестве сатрапов персов [5, с. 103]. Впрочем, в ряде случаев персидские цари сохраняли на покоренных ими территориях власть местных династов [17, с. 410–412]. Возможно, что в данном случае саки Притяньшанья оказались в сходном административном положении. Саки-тиграхауда Притяньшанья с самого начала получили достаточно широкие автономные права в административной структуре Персидской империи.

Впрочем, зависимость саков-тиграхауда от Ахеменидов все же была явной, поскольку во дворце персидских царей в Персеполе имеются рельефы, изображающие делегацию саков-тиграхауда, приносящих дань [21, pl. 37]. Это подтверждается и данными Геродота, который упоминает, что в первой половине V в. до н. э. саки вместе с восточными каспиями¹ входили в состав XV сатрапии, причем, по-видимому, здесь имелись в виду обе среднеазиатские группы саков древнеперсидских надписей – и тиграхауда, и хаомавар-

¹ Восточные каспии, или каспиры, населяли северную часть Индии [14, р. 42].

га² – поскольку здесь они даются без точной этнической идентификации. И далее древнегреческий историк добавляет, что данная сатрапия выплачивала 250 талантов дани (Herod., III, 93) (это эквивалентно примерно 8,5 т серебра – огромная по тем временам сумма)³. Возможно, что значительная часть этой суммы выплачивалась не серебром, а различными ценными товарами и изделиями из местных природных ресурсов, как это показано на персепольских рельефах. Однако сам факт того, что сакские племена отправляли такую значительную сумму в виде налогов в Персеполь, не оставляет сомнений в том, что саки-тиграхауда входили в состав XV сатрапии и были подвластны персидским царям. Однако напрямую они, по-видимому, были подчинены сатрапу Бактрии, бывшему также главой среднеазиатской топархии [12, с. 47–49].

На правах зависимого народа «острошапочные саки», вероятно, приняли участие в Греко-персидских войнах (500–449 гг. до н. э.). При описании персидского войска, вторгшегося в Грецию, Геродот упоминает «амиргийских» саков, в которых можно видеть саков-хаомаварга древнеперсидских надписей. Однако «отец истории» при этом отмечает, что они носили высокие колпаки (Herod., VII, 64). А поскольку этот признак характерен в первую очередь для саков-тиграхауда, то данный пассаж позволяет заключить, что в составе персидской армии был смешанный контингент саков, состоявший как из тиграхауда, так и хаомаварга.

В определенной форме зависимости саки-тиграхауда, по-видимому, остались и при сыне Дария I – последующем ахеменидском царе Ксерксе (486–465 гг. до н. э.), потому как в Антидэвовской надписи этого царя саки Притянышанья также значатся в списке народов, подчиненных империи Ахеменидов [14, с. 119]. Это также подтверждается изображениями саков-тиграхауда, приносящих дань на рельефах восточной части лестницы Ападаны во дворце персидских царей в Персеполе [21, pl. 37, b]. Остаются они подвластными персам и в период правления Артаксеркса I (465–425 гг. до н. э.), поскольку изображены среди подвластных Ахеменидам народов, изображенных на барельефах «стоколонного» зала в Персеполе.

Однако, по-видимому, примерно на рубеже V и IV вв. до н. э. саки-тиграхауда выходят из подчинения империи Ахеменидов. Это время в целом было связано со значительными геополитическими изменениями в Средней Азии, сопровождавшимися, скорее всего, ощутимыми военными конфликтами. Так, становится независимым государство Хорезм, отпадают саки-хаомаварга [3, с. 371–373].

Причинами столь быстрого падения политического влияния в Средней Азии Ахеменидов стали крупные внутренние конфликты на рубеже V–IV вв.

² Саки-хаомаварга занимали территории Памиро-Алая и, возможно, часть Ферганской долины [8, с. 173–174; 13, с. 13–16; 14, р. 37–39].

³ Примечательно, что другие крупные густонаселенные сатрапии государства Ахеменидов выплачивали не на много большую сумму серебром.

до н. э., в результате которых от державы Ахеменидов отходит часть сатрапий [5, с. 245]. Поэтому нет ничего удивительного, что ряд территорий на окраинах государства Ахеменидов, в том числе и саки-тиграхауда, воспользовавшись кризисом и слабостью центральной власти, становятся независимыми, что, по-видимому, не сопровождалось масштабными военными конфликтами.

Теперь для Ахеменидов наступает другое время – выстраивания иных геополитических отношений с кочевым миром среднеазиатского региона, носящих уже не характер гегемона и подчиненных народов, а более равноценных – неслучайно в письменных источниках отмечено, что в третьей четверти IV в. до н. э. кочевники Средней Азии выступают не как подданные, а как союзники персидского царя [5, с. 248]. Именно в таком качестве, к примеру, упомянуты античными авторами «саки» в войске Дария III Кодомана в битве при Гавгамелах в 331 г. до н. э. (Агр., III, 8, 3). Поэтому можно предполагать, что теперь уже не путем военного давления, а путем дипломатических усилий Ахемениды в первой половине IV в. до н. э. устанавливают с саками-тиграхауда стабильные мирные и союзнические взаимоотношения.

Вследствие длительного сохранения тесного военно-политического союза кочевники Притяньшанья приходят на помощь гибнущему в 30-х гг. IV в. до н. э. государству Ахеменидов. Это ясно проявилось в приходе к бактрийскому сатрапу Бессу в Бактрию в 330 г. до н. э. отряда «скифов из-за Танаиса» (Curt., VII, 4, 32), под которыми, вне сомнений, нужно подразумевать именно саков-тиграхауда древнеперсидских надписей.

Итак, военно-политические отношения между саками-тиграхауда и государством Ахеменидов со второй половины VI по вторую треть IV в. претерпели существенные изменения: от острых военных конфликтов при первых персидских царях – Кире II и Дарии I – и последующего военного подчинения их персами до положения политических союзников последних персидских владык.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Акишев К. А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана / К. А. Акишев. – М., 1978.
2. *Акишев К. А.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или / К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. – Алма-Ата, 1963.
3. *Балахванцев А. С.* К вопросу о времени отпадения Хорезма от державы Ахеменидов : источниковедческий аспект / А. С. Балахванцев // Записки Восточного отделения Российского археологического общества. СПб., 2006. – Т. II (XXVII).
4. *Григорьев В. В.* О скифском народе саков / В. В. Григорьев. – СПб., 1871.
5. *Дандамаев М. А.* Политическая история Ахеменидской державы / М. А. Дандамаев. – М., 1985.
6. *Дьяконов М. М.* Очерки истории Древнего Ирана / М. М. Дьяконов. – М., 1961.
7. История таджикского народа / под ред. Б. А. Литвинского и В. А. Ранова. – Душанбе, 1998. – Т. 1 : Древнейшая и древняя история.

8. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «крыши мира» / Б. А. Литвинский. – М., 1972.
9. *Немировский А. А.* Массагеты Геродота и саки тиграхауда / А. А. Немировский // Эдубба вечна и постоянна. – СПб, 2005.
10. *Олмстед А.* История Персидской империи / А. Олмстед. – М., 2012.
11. *Пьянков И. В.* К вопросу о маршруте похода Кира на массагетов / И. В. Пьянков // Вестник древней истории. – 1964. – № 3.
12. *Пьянков И. В.* «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э. / И. В. Пьянков // Вестник древней истории. – 1965. – № 2.
13. *Пьянков И. В.* Саки (содержание понятия) / И. В. Пьянков // Известия АН ТаджССР. Отделение общественных наук. – 1968. – № 3 (53).
14. *Струве В. В.* Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии / В. В. Струве. – Л., 1968.
15. *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации / С. П. Толстов. – М.-Л., 1948.
16. *Щеглов Д. А.* Структура «списков стран» древнеперсидских надписей / Д. А. Щеглов // Изучение культурного наследия Востока. Культурные традиции и преемственность в развитии древних культур и цивилизаций. – СПб., 1999.
17. *Briant P.* From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire. Winona Lake, 2002.
18. *Cook J. M.* The Rise of The Achaemenids and Establishment of their Empire. Cambridge, 1985. Vol. 2. The Median and Achaemenian Periods.
19. *Heckel W.* The Conquests of Alexander The Great. N.Y., 2008.
20. *Piankov I. V.* The Ethnic History of the Sakas // Bulletin of the Asia Institute. Vol. VIII. The Archaeology and Art of Central Asia Studies From the Former Soviet Union, 1994.
21. *Schmidt E. F.* Persepolis. Chicago, 1953. Vol. 1. Structures, reliefs, inscriptions.

REFERENCES

1. *Akishev K. A.* Kurgan Issyk. Iskustvo sakov Kazakhstana / K. A. Akishev. – М., 1978.
2. *Akishev K. A.* Drevnyaya kul'tura sakov i usuney doliny reki Ili / K. A. Akishev, G. A. Kushaev. – Alma-Ata, 1963.
3. *Balakhvantsev A. S.* K voprosu o vremeni otpadeniya Khorezma ot derzhavy Akhemenidov : istochnikovedcheskiy aspekt / A. S. Balakhvantsev // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Rossiyskogo arkheologicheskogo obshchestva. SPb., 2006. – Т. II (XXVII).
4. *Grigor'ev V. V.* O skifskom narode sakov / V. V. Grigor'ev. – SPb., 1871.
5. *Dandamaev M. A.* Politicheskaya istoriya Akhemenidskoy derzhavy / M. A. Dandamaev. – М., 1985.
6. *D'yakonov M. M.* Ocherki istorii Drevnego Irana / M. M. D'yakonov. – М., 1961.
7. *Istoriya tadjikskogo naroda / pod red. B. A. Litvinskogo i V. A. Ranova.* – Dushanbe, 1998. – Т. 1 : Drevneyshaya i drevnyaya istoriya.
8. *Litvinskiy B. A.* Drevnie kochevniki «kryshi mira» / B. A. Litvinskiy. – М., 1972.
9. *Nemirovskiy A. A.* Massagety Gerodota i saki tigrakhauda / A. A. Nemirovskiy // Edubba vechna i postoyanna. – SPb, 2005.
10. *Olmsted A.* Istoriya Persidskoy imperii / A. Olmsted. – М., 2012.

11. *P'yankov I. V.* K voprosu o marshrute pokhoda Kira na massagetov / I. V. P'yankov // Vestnik drevney istorii. – 1964. – № 3.
12. *P'yankov I. V.* «Istoriya Persii» Ktesiya i sredneaziatskie satrapii Akhemenidov v kontse V v. do n. e. / I. V. P'yankov // Vestnik drevney istorii. – 1965. – № 2.
13. *P'yankov I. V.* Saki (soderzhanie ponyatiya) / I. V. P'yankov // Izvestiya AN TadzhSSR. Otdelenie obshchestvennykh nauk. – 1968. – № 3 (53).
14. *Struve V. V.* Etyudy po istorii Severnogo Prichernomor'ya, Kavkaza i Sredney Azii / V. V. Struve. – L., 1968.
15. *Tolstov S. P.* Po sledam drevnekhorezmiyskoy tsivilizatsii / S. P. Tolstov. – M.-L., 1948.
16. *Shcheglov D. A.* Struktura «spiskov stran» drevnepersidskikh nadpisey / D. A. Shcheglov // Izuchenie kul'turnogo naslediya Vostoka. Kul'turnye traditsii i preemstvennost' v razvitii drevnikh kul'tur i tsivilizatsiy. – SPb., 1999.
17. *Briant P.* From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire. Winona Lake, 2002.
18. *Cook J. M.* The Rise of The Achaemenids and Establishment of their Empire. Cambridge, 1985. Vol. 2. The Median and Achaemenian Periods.
19. *Heckel W.* The Conquests of Alexander The Great. N.Y., 2008.
20. *Piankov I. V.* The Ethnic History of the Sakas // Bulletin of the Asia Institute. Vol. VIII. The Archaeology and Art of Central Asia Studies From the Former Soviet Union, 1994.
21. *Schmidt E. F.* Persepolis. Chicago, 1953. Vol. 1. Structures, reliefs, inscriptions.

ОПИУМНЫЙ ФАКТОР В ТРАГИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ 1916 г. В СЕМИРЕЧЬЕ

Аннотация: в статье делается попытка освещения некоторых спорных вопросов в истории трагических событий 1916 г. в Семиреченской области Туркестанского края. Слабое влияние центральной государственной власти в Семиречье, недостаток честных, порядочных и квалифицированных кадров, низкий оклад явились благоприятными условиями для расцвета коррупции, беззакония и произвола русской и туземной администрации. Бесправное и безоружное туземное население обладало огромным состоянием в виде земли, бесчисленных стад скота, денег и ценного имущества. Оно являлось легкой добычей для вооруженных грабителей и их покровителей, занимавших высокие должности в руководстве краевой, областной и уездной администрации. В Пржевальском, Пишпекском и Джаркентском уездах самым выгодным и быстрым способом обогащения стало выращивание опиумного мака, который был завезен китайскими переселенцами – дунганами. Летом 1916 г. ожидался рекордный урожай опиума. Однако, по мнению автора, более 80 % урожая опия (около 108 т на сумму 3,6 млн руб.) были утаены от государства и стали яблоком раздора между областным и уездным начальством, полицейскими, сотрудниками Опийного комитета, военными и китайскими скупщиками. Именно поэтому «восстание» коренного населения в этих уездах началось значительно позже, чем в других областях Туркестана, – в то время, когда сбор опия подошел к концу. Борьба за огромные богатства зажиточных жителей этих уездов сопровождалась варварским кровопролитием и жестокостью. Ответственность за разжигание кровавого конфликта в Семиречье в 1916 г. лежит на высшем руководстве Туркестанского края и Семиреченской области. Под покровительством военного губернатора Семиреченской области Фольбаума полицмейстер г. Верного штаб-ротмистр Поротиков организовал неофициальную систему сыска среди мусульман, промышлявшую вымогательством и грабежами туземного населения. Во всех местах, где они побывали накануне «восстания», впоследствии возникли массовые беспорядки.

Под предлогом борьбы с мятежниками военные по приказу военного губернатора Семиречья в течение нескольких месяцев реквизировали лошадей и транспорт у коренного и русского населения. Фактическое грабительство мирного населения поставило под угрозу осуществление хозяйственной деятельности в крае, обрекая жителей Семиречья на голод и нищету. Так называемое «восстание» 1916 г. нанесло непоправимый урон экономике Семиречья, лишив Россию важного источника продовольствия в военное время, и стало предвестником социалистической революции.

Ключевые слова: казахи, киргизы, «восстание» 1916 г., социальные отношения.

Abstract: the article attempts to highlight some controversial issues in the history of the tragic events of 1916 in the Semirechensk field, which could threaten to Russia losing control of this vast strategic territory in the development of which have been spent decades and huge amounts of money. The weak influence of the central government in Semirechye, a lack of honest, decent and qualified staff, low salaries were favorable

conditions for the flourishing of corruption, lawlessness and arbitrariness of the Russian and the native administration. Disenfranchised and unarmed indigenous population has a huge state in the form of land, innumerable herds of cattle, money and valuable assets. They are easy prey for armed robbers and their patrons, who held high positions in the leadership of the boundary, regional and district administration. The Przewalsk, Pishpek and Dzharkent counties and the most profitable and fastest way of enrichment was opium poppy cultivation, which had introduced by Chinese immigrants – Dungan. In the summer of 1916, it was expected record harvest of opium. However, more than 80 % of the harvest of opium (about 108 ton for 3,6 mln Rub.) had concealed from the State and became a bone of contention between the regional and district authorities, police, Opium Committee, and military and the Chinese buyers. That is why the “revolt” of the indigenous population in these counties began much later than in other areas of Turkestan – at a time, when the collection of opium ended. A struggle for the vast riches of wealthy residents of these counties had accompanied by barbaric bloodshed and cruelty. Responsibility for instigating the bloody conflict in Semirechye in 1916, lies on the top of leadership of Turkestan and Semirechye. Under the auspices of the military governor of the Semirechye Folbaum, the police chief of Vernyi city (Almaty), the staff captain Porotikov organized informal system of investigation among Muslims, which hunted extortion and looting of the native population. In all the places, where they visited before the “uprising”, then began any riots.

Under the guise of fighting with the rebels, the military, on the orders of the military governor of Semirechye, within a few months requisitioned horses and trucks, from the indigenous and Russian population. The actual robbery of civilians jeopardizes the implementation of economic activity in the province, condemning the residents of Semirechye to hunger and poverty. The so-called “revolt of 1916” caused irreparable damage to the economy of Semirechye, depriving Russia of an important source of food in times of war, and became the forerunner of the socialist revolution.

Keywords: *Kazakhs, Kyrgyz, 1916 “uprising”, social relations.*

Так называемое «восстание» 1916 г. в Семиречье стало самой трагической страницей истории казахского и кыргызского народов. Советская историография оценивала его как национально-освободительное, антиколониальное восстание широких трудящихся масс Туркестанского края, направленное против царской администрации и гнета собственных эксплуататоров. Снятие идеологического покрова с освещения тех трагических событий и рассекреченные архивные документы позволяют по-новому оценить ряд важных моментов в общей картине этого факта. До сих пор оставались открытыми вопросы «могли ли безоружные разобщенные народы Туркестанского края самостоятельно организовать открытое выступление против хорошо вооруженной крупнейшей империалистической державы?», «достигли ли эксплуатация и гнет трудящегося населения, в том числе дунган, такой ужасающей степени, что народ стал рисковать своей жизнью и жизнями своих детей, начиная восстание?», «кому было выгодно разжечь столь внушительный конфликт в Туркестанском крае в разгар Первой мировой войны?», «какую роль сыграли дунгане Пржевальского

уезда и опиумный фактор в трагических событиях 1916 г.?», «почему восстание в Семиречье началось значительно позже, чем в других районах Туркестана, и приняло такой жестокий характер?»).

Локализация событий рамками Российской империи и опора лишь на документы русских властей, очевидцев и непосредственных участников восстания не позволяют дать более широкий объективный анализ указанных событий без учета сложившейся международной обстановки в этом регионе. Не только внутри России, но еще более за ее пределами существовали могущественные силы, крайне заинтересованные и располагающие достаточными ресурсами, чтобы столкнуть колониальные народы Туркестана с царской Россией.

С целью остановить дальнейшее продвижение России на Восток и по возможности подорвать ее влияние в среднеазиатском регионе империалистические державы не брезговали никакими средствами, включая шпионаж, фальсификацию, дезинформацию, подрывную деятельность, эскалацию конфликтов, использование недовольства колониальных народов против русского господства.

Восстание происходило в сложной геополитической обстановке, в то время, когда Россия была втянута в войну, а соперничающие с ней государства использовали все средства для ослабления ее позиций в Европе, Средней Азии и Казахстане. Усиление экономической и военной мощи Российской империи было крайне невыгодно европейским государствам, стремившимся распространить свое влияние на евроазиатском континенте. Англия, Турция и особенно Германия тратили огромные средства на дестабилизацию внутривосточной обстановки в России и на ее окраинах, не жалея средств на пораженческую и социалистическую пропаганду. В высших аристократических кругах, среде интеллигенции России существовали силы, способствующие ее поражению в войне с Германией.

В Семиречье максимального накала достиг конфликт интересов многотысячной толпы казаков, русского ссыльного элемента и крестьян-переселенцев, желавших получить больше хорошей земли, и местного населения – владельцев этой земли – кыргызов и казахов, лишенных прежнего обилия земли и воды.

Представители передовой русской интеллигенции с горечью писали: «Покорив киргизский край, русские не могли перейти к культурной работе потому, что первоначальное завоевание совершалось исключительно с целью обогащения и первые завоеватели были совершенно не подготовлены к культурной роли. Это были грубые, невежественные люди с первобытной нравственностью, с сомнительным прошлым, и при всем при этом они оказались развитее инородцев, но не настолько, чтобы, покорив их, могли сознательно перейти к мирной культурной работе, они не приложили усилия даже к тому, чтобы разумно воспользоваться богатыми дарами природы или прокормить себя своим трудом. Напротив, они выбрали другой, более легкий способ наживы – грабеж покоренного инородца и расхищение природных богатств» [7, с. 170].

Слабое влияние центральной государственной власти в Семиречье, крайний недостаток честных, порядочных и квалифицированных кадров, низкий оклад, бесправие и невежество местного населения явились благоприятными условиями для расцвета коррупции, беззакония и произвола представителей русской и туземной администрации. Зарплата управленца среднего уровня русской администрации составляла 300 руб. в год, или 25 руб. в месяц. А бесправное и безоружное туземное население обладало огромным состоянием в виде земли, бесчисленных стад скота, денег и ценного имущества. Оно являлось легкой добычей для вооруженных грабителей и их покровителей, занимавших высокие должности в руководстве краевой, областной и уездной администрации.

К тому же внутри киргизского общества (так до революции называли кыргызов и казахов) обострился конфликт между крупными феодалами и беднейшим населением, происходивший на фоне искусно поддерживаемой царской администрацией родовой и партийной борьбы. Бедственное положение коренных народов Семиречья ухудшилось начавшейся Первой мировой войной. Война застала туземное население Туркестана забитым, запуганным и униженным. Царский указ о призыве туземцев в качестве рабочих на тыловые работы стал последней каплей, переполнившей чашу терпения мусульман, и поводом к восстанию.

Первые стихийные протесты населения были направлены против своей туземной администрации, которая и в это тяжелое время не отказалась от возможности поживиться за счет своего народа. Собиравшиеся ими подати и пожертвования в помощь армии вскоре приняли форму вымогательства, а большая часть этих денег оседала в карманах волостных и их приспешников – джигитов и туземных «жандармов». Представители русской администрации не предпринимали никаких мер к разъяснению населению указа о реквизиции, а занимались вымогательством: откупная система возбудила вражду между богатыми и бедняками, почему и начались волнения.

В хлопководческих районах, где только коренное население могло обеспечивать страну дешевым хлопком, и степных, малопригодных к земледелию, администрация с успехом проводила мероприятия по поддержанию мира и спокойствия среди населения. А в плодородных земледельческих экономически благополучных волостях Семиречья, напротив, делалось все, для того чтобы вынудить мусульманское население к бунту. Полицейские, казаки и русские крестьяне, ряд представителей волостной администрации, листовки и иностранные агенты так или иначе подстрекали население к открытому неповиновению властям, наводили панику и распространяли ложные слухи.

Ответственность за разжигание кровавого конфликта в Семиречье в 1916 г. лежит на высшем руководстве Туркестанского края и Семиреченской области. Первый генерал-губернатор Туркестана К. Кауфман от лица Российского государства признал за коренным населением Семиречья – кыргызами и казаками – право на бессрочное пользование отдельными площадями земли, а также освобождение их от несения воинской повинности. Но уже с 1897 г. на-

чинается отбирание у кыргызов и казахов земель, которые государством признавались состоящими за ними в бессрочном пользовании. Такая деятельность ряда недобросовестных чиновников Переселенческой организации, не раз подвергавшаяся критике за хищнический характер, приводила к ломке традиционных форм землепользования, порядка кочевания и массовому обезземеливанию коренного населения.

Вопреки этому праву военный губернатор Семиреченской области М. А. Фольбаум в 1915 г. инициировал прирезку верненским казачьим станицам для пополнения первоначального надела казаков, сократившегося вследствие естественного прироста населения. Переселенческое управление планировало провести эту прирезку так, чтобы как можно меньше нарушить интересы таких киргизских хозяйств, которые уже носили характер земледельческого хозяйства. Генерал Фольбаум, несмотря на протесты даже некоторых чинов Переселенческого управления, потребовал изъять у киргизов «правильную площадь», прилегающую к наделу казаков. «3500 киргизских семейств, ведущих оседлое земледельческое хозяйство, подлежало уничтожению в интересах правильности фигуры площади земли, подлежащей прирезке казакам по воле губернатора Фольбаума», – писал с возмущением современник [1, с. 6].

Инициированное Фольбаумом распоряжение об изъятии из пользования киргизов крупных скотоводческих участков с представлением их русским арендаторам для разведения племенного скота вызвало особенно заметное волнение среди кочевников. Причем новым «арендаторам» предоставлялось право выкупа этой земли в собственность. Однако они нередко не приступали к разведению скота, а начинали эксплуатировать земли путем сдачи их в аренду под пастбу скота тем же киргизам, у которых эти участки были изъятые.

Тысячи гектаров земли, где вели свое хозяйство десятки тысяч коренных жителей Семиречья, передавались в собственность приближенным военного губернатора Семиреченской области. Одним из таких арендаторов был полицмейстер г. Верного Поротиков, которому был предоставлен участок земли в 4 тыс. десятин. (4370 гектаров) для племенного хозяйства. На этом участке Поротиков устроил заимку, поселив 250 кобылиц и выписав из Аулие-Ата 20 жеребцов по 1000 руб. и т.д. После пригнал из Китая 1200 лошадей, из которых продал в войска 500 штук, остальных оставил в горах. Надо заметить, все это Поротиковым было нажито за время службы полицмейстером и прикрывалось именем брата, который жил в Петропавловске и богатством не обладал [9, с. 70].

Известно, что настояниями Фольбаума в Пржевальске также была создана заводская конюшня с жеребцами Деркульского, Ново-Александровского, Лимаревского и Стрелецкого заводов, где выращивались первые в Семиречье улучшенные лошади [4].

Штаб-ротмистр Поротиков – умный и дерзкий чиновник, не отличавшийся честностью, также сыграл огромную провокационную роль в разжигании кровавого конфликта в Семиречье. Он организовал неофициальную систему

сыска среди мусульман. Постепенно вокруг него сложилась мощная мафиозная группировка, которая промышляла вымогательством и грабежами среди туземного населения. Деятельность группировки поддерживалась и прикрывалась главой области и правоохранительными органами.

Современник писал, что при помощи приближенного наманганского сарта Закира Исабаева, хорошо знакомого с местным населением, Поротиков набрал шайку отбросов из коренного населения, и те разбрелись по селам и кишлакам, выдавая себя за жандармов (сыщиков), наводя панический страх на туземцев и нещадно их обирая. Поротикову удалось войти в доверие к бывшему в то время военному губернатору Семиреченской области Фольбауму и настолько подчинить его своему влиянию, что доклада полицмейстера, даже необоснованного, было достаточно, чтобы туземец попал в тюрьму. Страх перед жандармами был настолько велик, что перед ними преклонялись, от них откупались самые влиятельные «почетные» киргизы и манапы. Жаловаться на них было бесполезно [6, л. 14]. Злоба населения против целой сети «жандармов» стала одним из слагаемых в общей сумме народного недовольства в Семиречье.

Именно эти люди были настоящими хозяевами Семиречья: к ним стекалась полная информация обо всех событиях, происходящих в толще местного населения, о настроении народа; их боялись, потому что в их руках находилась полицейско-судебная власть и военные. Эти хорошо организованные, жестокие и алчные группы вымогателей в союзе с администрацией и военными провоцировали население на агрессию и панику, чтобы затем иметь законные основания для подавления «восстания».

В одном из архивных документов описываются действия агентов полицмейстера Поротикова перед событиями в Верненском, Пишпекском, Пржевальском уездах: «Задолго до означенных событий (13 июля) агентами были арестованы несколько киргизов, а также они побывали в дунганском поселке Каракунузе, арестовали волостного Булара Могуева, не пожелавшего дать выкуп. Во всех местах, где побывали они, впоследствии возникли серьезные события» [12, д. 46, л. 141].

Отказ волостного управителя Николаевской (Дунганской) волости Б. Могуева дать выкуп агентам Поротикова, очевидно, стал причиной рапорта полицмейстера от 13 июля 1916 г. военному губернатору Семиреченской области М. А. Фольбауму о том, что после съезда 11 волостей на урочище Улькун-Саз Узун-Агачской волости киргизы этих волостей во главе дунганского Николаевского волостного управителя Пишпекского уезда Булара Могуева предполагают приехать в Верный с ходатайством об отмене призыва туземцев на военные работы. Поротиков также писал: «О Буларе Могуеве еще в начале объявления войны в 1914 г., а в особенности с объявления войны с Турцией, поступали сведения о его выступлениях с противоправительственной пропагандой среди туземного населения, направленной к объединению под его руководством всех мусульман в Семиреченской области для образования самостоятельной про-

винции. Особенно Булар Могуев пользуется популярностью среди не только дунган, но и кара-киргиз Пишпекского и Пржевальского уездов» [13, оп. 1, д. 16926, л. 16].

По этому доносу Фольбаум отдал приказ арестовать Б. Могуева и под усиленным конвоем доставить в Верный. Назначенное следствие привлекло в качестве свидетелей начальника Пишпекского уезда, его помощника и участкового пристава и не нашло подтверждения фактам, изложенным в рапорте Поротикова и его агентов. Восемнадцатого октября 1916 г. Б. Могуев был освобожден из-под ареста [13, оп. 1, д. 19369, л. 15–16, 22–24, 44–45].

Распоряжение о наборе туземцев для работы в тылу действующей армии было получено в г. Верном 1 июля 1916 г. и стало совершенно неожиданным как для администрации, так и для населения.

Участившиеся слухи о готовящемся восстании киргизов побудили областное начальство собрать съезд всех волостных и старейшин для разъяснения потребностей предстоящей реквизиции и выяснения настроения туземцев.

Двадцать второго июня более тысячи кыргызов, казахов, сартов и дунган из 17 волостей собрались у губернаторского дома и, вознеся молитвы за здоровье государя императора, изъявили полную готовность дать рабочих в действующую армию, о чем Фольбаум сообщил в Ташкент генерал-губернатору Туркестанского края.

Однако эта демонстрация покорности толпы была умело инсценирована полицмейстером Поротиковым, который, как позднее выяснилось, при помощи Замира Исабаева набрал своих приспешников, заполнивших передние ряды толпы. Они уверили губернатора, целуя ему сапоги, что, если государю угодно, все туземцы от 7 до 70 лет пойдут на работы и даже в войска. На самом деле, и Поротикову это было известно лучше всех, туземная молодежь уже не первый день запасалась лошадьми, уведа их у богатых и зажиточных, и переделывала топоры и косы в оружие, готовясь к вооруженному сопротивлению в случае, если власти прибегнут к силе [6, л. 19].

Поротиков и его приспешники, действующие под покровительством Фольбаума, провоцировали население и выжидали, когда гнев туземцев достигнет особого накала и широкого масштаба. Вызванные слишком рано войска из Туркестана могли быстро усмирить население и помешать предварительно ограбить эти, несомненно, самые богатые уезды Семиречья. Неслучайно трижды в день Фольбаум докладывал генерал-губернатору Туркестанского края, что в области все спокойно, хотя ежедневно получал сведения о брожении среды туземного населения.

Один из очевидцев восстания 1916 г. и борец с большевиками в Туркестане П. С. Назаров в 1932 г. опубликовал на Западе работу, где прямо обвинил представителей русских властей в преднамеренной организации тех кровавых событий. Он пишет: «Восстание было, конечно же, подготовлено и организовано немецкими агентами и турецкими военнопленными с одобритель-

ного согласия высокой “русской” администрации. Правительство в Петербурге не могло придумать ничего лучшего, как назначить Генерал-губернатором Туркестана во время войны немца – фон Мартсона (генерал от инфантерии в 1914–1916 гг. – *М. Д.*), а военным губернатором Семиречья – другого немца, Фольбаума! Фон Мартсон спровоцировал восстание мусульман в Туркестане преднамеренно, путем неожиданного призыва на фронт для военных работ» [11, р. 149].

Этого же мнения придерживался социал-демократ Бройдо, который писал: «Приказ о “реквизиции” (не мобилизации) на тыловые работы взрослого туземного населения является приказом, явно провоцирующим восстание. Ни один администратор, конечно, не мог думать о возможности его реализовать. Самой маленькой мобилизации среди русских предшествовала подготовка, разъяснение, сама мобилизация обыкновенно сопровождалась действиями, которые должны были обеспечить “спокойствие” и т.д. Ничего подобного при объявлении реквизиции киргизов не произошло. Было приказано составить списки и доставить. Некоторые полицейские рассказывали киргизам об их работе на фронте следующим образом: «Вот, дескать, лежат в окопах “наши”, через поле – немцы. Друг в друга стреляют, а вы между ними должны рыть окопы» [1, с. 18].

Руководство высшим военным ведомством Российской империи не могло не предвидеть негативной реакции на царский указ о мобилизации туземцев на тыловые работы. Демократическая часть IV Думы, в том числе А. Ф. Керенский, прямо указывала на провокационную роль государства в лице бюрократии в центре и на местах в разжигании огромного по географическим масштабам и ожесточенности конфликта. Он подчеркивал, что именно некомпетентность и коррумпированность корыстных чиновников, карательные акции, сопровождавшие набор тыловиков, вызвали массовую расправу туземцев над русскими переселенцами и на порядок более крупные жертвы со стороны местных народов [2, с. 91–94].

Характерным моментом так называемого «восстания туземцев» в Семиречье в 1916 г. является то, что здесь оно началось гораздо позже, чем в других областях Туркестана. Если массовые беспорядки при составлении списков мобилизуемых рабочих в других районах Туркестана начались уже в начале июля, то в Джаркентском, Пишпекском и Пржевальском уездах – самых богатых уездах Семиречья – беспорядки начались в первой декаде августа. Именно в этих уездах выращивался опиумный мак и именно здесь беспорядки приобрели самые ужасные формы.

Фольбаум обладал полной информацией об экономическом положении каждой волости и материальном достатке ее жителей. Согласно всеподданнейшему отчету Военного губернатора Семиреченской области 1915 г. выдался самым урожайным за последнее десятилетие не только для земледельцев, но и для скотоводов области.

Хорошо уродился хлеб: из 6 уездов области недобор был зарегистрирован только в Копальском и Джаркентском уездах. Свободные излишки хлеба исчислялись в 10 с лишним млн пудов (около 17 млн т) по области, что составляло более 8 пудов (более 132 кг) на душу населения. Благодаря излишкам цены на пшеницу составляли от 45 до 80 коп. за пуд (1 пуд = 16,4 кг, а пшеница стоила от 2,7 до 4,9 коп. за 1 кг). Попытка хлеботорговцев искусно поднять цену была сразу пресечена установлением твердых цен на пшеницу, зерно и муку. Но из-за проблем с транспортными перевозками хлеб из азиатской части России не мог быть доставлен в необходимом количестве в центральные районы, которые во время войны переживали серьезный продовольственный кризис, при наличии избытка продовольствия внутри страны.

Для скотоводов 1915 г. оказался особенно благоприятным. По окончании полевых работ прирост поголовья скота определялся на 32 % выше, чем в 1914 г. Благодаря повышенному спросу на Семиреченский скот и продукты животноводства в пределы Европейской России было вывезено скота в 4 раза больше, чем в 1914 г. Количество вывезенных продуктов животноводства (кожа, овчина, шерсть) увеличилось втрое и составило сумму более 20 млн руб. При этом цены на скот и продукты животноводства увеличились в два раза.

Сумма вкладов в 1915 г. в кредитных организациях с 344 418 руб. увеличилась до 628 870 руб., т.е. на 82 %.

Число выданных ссуд с 9022 возросло до 15603, их сумма составила 1 050 245 руб. Увеличилось поступление государственных и земских сборов и погашение недоимок прошлых лет, составив к январю 1916 г. 283 656 руб.

Из других государственных доходов отмечался прогрессивный рост поступлений от эксплуатации госимущества и казенных оброчных статей. В 1915 г. этих доходов поступило около 109 тыс. руб., тогда как в 1913 г. их было только 30 тыс. руб. [13, оп. 1, д. 20053, л. 5–8].

Таким образом, к моменту «восстания» уровень жизни населения Семиречья был самым высоким не только в сравнении с предыдущими десятилетиями, но и с последующими.

В Пржевальском, Пишпекском и Джаркентском уездах самым выгодным и быстрым способом обогащения стало выращивание опиумного мака. Культуру эту завезли китайские переселенцы – дунгане, которые первоначально выращивали его тайно.

В 1916 г. дунганам было официально предложено заложить маковые плантации – в с. Александровском – 19 десятин (19,2 га), а в Николаевском (Каракуруз) – 160 десятин (162 га), но так как предложение поступило слишком поздно, мак засеяли в половинном объеме от запланированного. Начав работы в марте-апреле, 24 июня александровские дунгане приступили к вытяжке опия.

И. Иванов, непосредственно наблюдавший весь процесс выращивания и сбора опия в этих дунганских селениях, отмечал, что для выполнения работы

по вытяжке опия на 1 десятину требуется 10 рабочих. При благоприятных условиях можно было снять с 1 десятины до 40 фунтов (18 кг) опия-сырца. Расходы по производству 1 фунта опия составляли 5 руб., а Опиный комитет принимал опий по цене 15 руб. за фунт, таким образом доход получался гораздо больший, чем с других культур. Китайские скупщики давали за 1 фунт до 50 руб., поэтому часть урожая утаивалась производителями и попадала в руки скупщиков. А с китайско-подданных дунган вообще было сложно получить в казну урожай опия. В конце статьи И. Иванов отмечает: «Бесспорно, что выдвинутая войной добыча опия пользует в наш край сотни тысяч рублей и даст количество лекарства, достаточное не только для нашей армии, но и для армий наших союзников» [3].

В Пржевальском уезде опиный мак культивировался и раньше, ежегодно опиумом здесь засевалось не менее 3 тыс. десятин (3,3 тыс. га). По показаниям Шебалина, заведующего Пржевальским переселенческим подрайоном, в марте 1916 г. было получено телеграфное распоряжение об организации в уезде посевов опиного мака. К концу посевного периода было выяснено, что посеяно опиного мака около 7 тыс. десятин (7,6 тыс. га). Лучшими работниками по прополке полей мака и особенно сбору опиума считались кашгарские сарты и китайцы, которых ко времени снятия опиума в уезде появилось до 5–6 тыс. человек и до тысячи человек китайских дунган.

Благодаря хорошей погоде урожай мака был прекрасен. Съём опиума начался 5 июня. Разгар сбора опиума пал на вторую половину июня. Истрачено на опиум государством свыше 54 тыс. руб. При урожае в 1119 пудов опия, сданного в казну, прибыль составила 100 %. Первые фунты опиума были приняты в казну 11 июля. Деньги население получало от казны по 15 руб. за фунт, немедленно по сдаче опиума, и цены были в 3–4 раза выше обычных. Летом 1916 г. только Опиным комитетом было выплачено населению 535 тыс. руб., что дало «значительный доход массе трудящихся киргизов».

Правда, пришлые китайцы-скупщики опиума для вывоза в Китай были недовольны: им пришлось платить по 40–50 руб. за дзеин (2,5 фунта), чтобы конкурировать с казной. Но тут получались крупные неприятности. Скупленный и подготовленный к отправке опиум попадал в казну. Стража доставила не один десяток пудов в приемное отделение опиумной организации [12, д. 2, л. 9–11, 76], что не могло не вызвать недовольства опиесовых монополизацией скупки опия.

Весь сбор опия должен был сдаваться Правительственному комитету по установленной государством цене, в Китае же за этот опий можно было выручить 100 руб. за фунт. Помимо дунган, завезших сюда эту культуру, мак стали сеять киргизы, калмыки и русские, так как специфика выращивания мака требовала огромной массы рабочих рук. В 1916 г. почти все киргизы ушли от своих нанимателей, чтобы принять участие в этом выгодном предприятии. Как отмечал современник, киргизы к 1916 г. поняли, что не нужно брать кредиты

и стали выращивать пшеницу, сурепу, мак. Урожаи были хорошие, и денег у каждого было много [5, с. 278].

И хотя цены на рабочие руки в то лето выросли почти в три раза, найти работника-киргиза даже за 15 руб. в месяц было невозможно. Химическая лаборатория, принимавшая опий от населения, осаждалась массой людей, приносивших его. Большинство в толпе сдававших опий принадлежало киргизам, затем по числу представителей шли дунгане, а потом уже – русские.

В дунганских селениях, несмотря на общую картину достатка и довольства, происходило сильное расслоение общества: в руках немногих богатых сосредотачивалась власть и огромные состояния, большинство же населения терпело нужду. Во время войны положение дунганских трудящихся масс в Семиречье еще больше ухудшилось, что было связано с непрерывной реквизицией рабочего скота и изъятием сельхозпродукции, увеличением налогов и повинностей, постоянным принудительным сбором «добровольных» пожертвований, ростом дороговизны в крае. Об этом говорится в ряде отношений военному губернатору Семиреченской области [13, оп. 1, д. 16908, 18913]. К тому же трудоспособные дунганские мещане были мобилизованы на войну: на фронтах Первой мировой войны воевало около 1500 дунганских солдат [10, л. 35].

Так как часть урожая контрабандным путем увозилась в Китай, где цены на него были в несколько раз выше, государственная закупочная цена опия накануне восстания также выросла, что позволило обогатиться многим производителям. Это сыграло немаловажную роль в развитии и подъеме торговли на знаменитой Каркаринской ярмарке, куда помимо местных купцов стекались торговцы из Ташкента, Пржевальска, Пишпека, сотни кашгарских торговцев, многие из которых являлись обладателями огромного количества товаров и денежных средств. Так, в Пржевальске жил известный богач султан Мурат Акрам Тюрязев, обладатель огромного состояния; волостной управитель Маринска Маруфу имел имущество и деньги на сумму около 40 тыс. руб. и 3 тыс. баранов; 106 кашгарских туземцев имели на руках не менее 150 тыс. руб. Перед «восстанием» и во время организованных беспорядков все эти люди, как и мирное население, не только туземное, но и русское, были ограблены, а многие убиты [13, оп. 2, д. 16330, л. 17].

Сотни контрабандистов приехали из Китая с крупными денежными средствами для закупки опия, да и среди простого туземного населения многие выручили хорошие деньги за урожай. Таким образом, во время Первой мировой войны, накануне событий 1916 г., у значительной части населения Семиречья, особенно в Пржевальском уезде, наблюдался существенный рост благосостояния, а у многих его жителей на руках находились немалые по тем временам денежные средства и ценное имущество.

Как уже отмечалось, Опиный комитет летом 1916 г. выплатил населению за сданный опиум 535 тыс. руб., т.е. в казну было сдано только 36 тыс. фунтов

(16,2 т) опия. Если с одной десятины получали до 40 фунтов опия (16,3 кг с 1 га), то урожай с 7 тыс. десятин должен был составить 280 тыс. фунтов (почти 124 т) опия. Таким образом, мимо государственной казны прошло более 240 тыс. фунтов (108 т) опия на сумму 3,6 млн руб. (при цене 15 руб. за фунт). Таким образом, государство получило менее 13 % от всего выращенного урожая опия, а население получило за производство опия лишь 15 % от стоимости всего урожая. Остальные 85 % урожая опия, утаенные от государственной казны, стали яблоком раздора между областным и уездным начальством, полицейскими, сотрудниками Опиного комитета, военными и китайскими скупщиками.

Подданные Китая стали зачинщиками мятежа в Мариинской волости Пржевальского уезда. В Семиречье и Кашгарии ходили упорные слухи, что в подготовке восстания участвовал даже бывший губернатор Кашгара Ю Нома, а из Синьцзяна в Семиречье якобы тайно поставлялось оружие.

Есть все основания полагать, что именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что так называемое «восстание» туземцев в уездах, где выращивался опиный мак (Пржевальский, Пишпекский и Джаркентский), началось значительно позже, чем в других областях Туркестана, в то время когда сбор опия подошел к концу. А борьба за огромные богатства зажиточных жителей этих уездов сопровождалась варварским кровопролитием и жестокостью.

Жандармы и сотрудники Опиного комитета охраняли опиесовов и скупщиков, препятствуя вывозу опия в Китай. Многие дунгане отправили свои семьи в Китай заблаговременно, намереваясь присоединиться к ним после сбора опия; этого же момента ждали тысячи китайскоподданных дунган, китайцев, сартов, на руках у которых находились деньги и опиум в общей сложности на сотни тысяч и даже миллионы рублей. Мирным способом вывезти ценности из Семиречья для них не было никакой возможности. Для этой многотысячной массы людей были крайне выгодны беспорядки и волнения, чтобы, воспользовавшись ими, вывезти опиум в Китай.

Предвидя мятеж киргизского населения Семиречья и будучи прекрасно осведомленной о брожении среди местного населения, администрация Семиреченской области не вела разъяснительную работу среди населения. Особенно это касается «богатых» районов Семиречья, близ Каркараинской ярмарки, которые более остальных уездов подверглись разграблению, а военный губернатор Семиречья Фольбаум, с согласия генерал-губернатора Туркестанского края Куропаткина, своими действиями фактически целенаправленно способствовал разжиганию здесь кровавого конфликта.

Задолго до «восстания» туземцев в Семиречье Куропаткин и Фольбаум произвели учет своим военным силам и уже с июля расставили их в тех пунктах, «где можно было ждать беспорядков» [8, с. 83]. Они заранее изучили все горные перевалы и ущелья, ведущие в Китай, расставив там военные отряды. Оттесняя «бунтовщиков» к узким горным проходам, военные и жандармы истребляли их по дороге, обчищая туземцев и забирая опиум, скот, имущество и деньги.

Фактически руководящие главы Туркестанского края и Семиреченской области, основной задачей которых было служение Отечеству и поддержание правопорядка на этой азиатской окраине России, заранее основательно готовились к подавлению и уничтожению податного коренного населения с целью грабежа, вместо того чтобы использовать имеющиеся ресурсы для умиротворения туземцев.

Двадцатого июля 1916 г. Фольбаум обращается в штаб округа с просьбой все сношения с гарнизонами Семиречья делать только через него. Свою просьбу он аргументировал следующим образом: «т.к. начальники малых гарнизонов делают распоряжения о реквизициях или охране селений, противные моему плану, чем усложняется работа и вносится ненужная нервозность и даже тревога. Объединяя всю военную и гражданскую власть на месте, только один я могу планомерно начальствовать над местными силами, как гражданскими, так и военными. В области спокойно, даже откочевки в горы или пески не представляют чего-либо непоправимого». Командующий войсками генерал Ерофеев из Ташкента удовлетворил эту просьбу и приказал по всем вопросам обращаться непосредственно к губернатору Фольбауму [13, оп. 1, д. 20064, л. 9].

По приказу Фольбаума во всех русских и некоторых дунганских селениях власти начали формировать дружины ополчения для подавления мятежа. Реквизиция лошадей и транспорта у коренного и русского населения по непосредственному приказу Фольбаума производилась в течение нескольких месяцев во всех волостях и поставила под угрозу осуществление хозяйственной деятельности в крае, обрекая жителей Семиречья на голод и нищету. Фактически под предлогом борьбы с мятежниками военные по указанию военного губернатора Семиречья попросту грабили мирное население.

Не только обеспечение продовольствием воюющей армии, но и экономическое благополучие некогда самых богатых волостей области было подорвано деятельностью военного губернатора Семиреченской области Фольбаума. Уездные начальники не раз обращались к нему с мольбами остановить аукционную распродажу лошадей, которых реквизировали в их уездах. Но лошади так и не были возвращены, и где находились, было неизвестно. Аукционные продажи продолжались повсеместно, а у местного населения уездов лошадей для работы не осталось [13, оп. 1, д. 20064, л. 130].

Обеспокоенный создавшимся положением, при котором вооруженные отряды отбирали у мирного населения весь имеющийся транспорт и лошадей, заведующий переселенческим делом в Семиреченском районе писал в докладной записке: «По Верненскому уезду под рабочих киргизов и на казенный транспорт взято более 2,5 тысяч лошадей и телег, что составляет почти все наличное количество работоспособного инвентаря сельского населения. Если потребуются доставка зерна в Ташкент, то доставлять будет нечем, т.к. все транспортные средства по селам исчерпаны. Если не будет согласования деятельности по набору лошадей и подвод, то области грозит полное обнищание» [13, оп. 1, д. 20064, л. 130].

В рапорте и. д. военного губернатора Семиреченской области А. И. Алексеева Николаю II о восстании в области в 1916 г. отмечается, что в Пржевальском уезде киргизский скот, исчислявшийся к 1916 г. 2 327 472 головами, может считаться весь погибшим. В остальных уездах, где насчитывалось свыше 6 млн голов, убыль определяется, по предварительным данным, в 30 %. Многие хозяйства совершенно остались без рабочего и молочного скота.

Из-за восстания излишек урожая исчислялся всего в 1,7 млн пудов против 10,3 млн пудов излишка 1915 г. А вызванная восстанием убыль кочевого населения в области к январю же 1917 г. приблизительно исчислена в 38 тыс. кибиток с населением свыше 150 тыс. душ обоего пола. Нападению мятежников, не считая отдельных хуторов, займок и пасек, подверглись 94 селения, в которых сожжено и разрушено 5373 двора. Убито 1905 человек, ранено 684, взято в плен и без вести пропало 1105 [14, с. 415].

Итак, имея в своем распоряжении весь полицейско-административный ресурс и военные силы, Фольбаум использовал их как повод для новых реквизиций всего населения Семиречья и для физического уничтожения коренного населения, ради чего в жертву были принесены русские крестьяне. В круг его должностных обязанностей (за которые он исправно получал жалование) входила охрана государственных интересов и обеспечение спокойствия податного населения как условия для дальнейшего поступления налогов и снабжения страны и армии продовольствием. Сосредоточив в своих руках всю полноту власти, Фольбаум целенаправленно и планомерно осуществлял свой план, в результате которого было истреблено и вытеснено в Китай несколько сот тысяч человек коренного населения, уничтожены сотни русских и киргизских селений, разрушена экономика самых богатых уездов Семиречья. Провоцирование массовых беспорядков было удобным способом отъема земли, скота и имущества у народов Семиречья. А объявление жертв грабежа мятежниками освобождало власти и военных от судебного преследования за содеянные злодеяния.

Благодаря народам Семиречья в Россию непрерывным потоком поступали лошади для армии, а также мясо, рыба, масло, шкуры, кошмы, хлопок и хлеб. Проведенная операция по вытеснению коренного населения с их исконных земель привела к срыву продовольственных поставок для нужд армии и страны в целом. Голод и рост цен на продовольствие в России стали одними из главных причин недовольства населения, которое через год приведет к краху всего государства.

Так называемое «восстание 1916 г.» нанесло непоправимый урон экономике Семиречья и России, лишив страну важного источника продовольствия в военное время, и стало предвестником социалистической революции, приблизив победу Германии над Россией. Неслучайно Президент России В. В. Путин назвал проигрыш России Германии в Первой мировой войне «актом национального предательства» большевистского правительства. Он отметил: «Мы проиграли проигравшей Германии, по сути, капитулировали перед ней, а она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой» [15].

В то время, когда Россия с перенапряжением сил вела войну в Европе, провоцирование кровавого конфликта в Семиречье, угрожавшего гибелью русского дела на этой восточной окраине, было выгодно прежде всего внешним врагам. Но внутри страны, в высших эшелонах власти, были силы, предавшие интересы России в собственных корыстных целях. Российское государство, переживавшее социально-экономический кризис, ослабленное войной, не смогло противостоять сращиванию интересов ее внешних и внутренних врагов, которым удалось развязать кровавый конфликт 1916 г. в Семиречье.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бройдо Г. И.* Восстание киргиз в 1916 г. / Г. И. Бройдо. – М., 1925.
2. Доклад А. Ф. Керенского на закрытом заседании IV Государственной Думы. Декабрь 1916 г. // Исторический архив. – 1977. – № 2. – С. 91–94.
3. *Иванов И.* Добыча опия в Пишпекском уезде / И. Иванов // Семиречье : ежемесячный сельскохозяйственный и мелиорационный журнал. – 1916. – № 11.
4. *Краснов Н. П.* Воспоминания о русской императорской армии / Н. П. Краснов. – М. : Айрис-Пресс, 2006.
5. *Лачко А. Ф.* Копийные материалы по теме: «Аграрная политика царизма в годы столыпинской реакции» / А. Ф. Лачко ; Рукоп. фонд ИЯЛИ НАН КР, инв. 54, 1948.
6. Мятеж киргиз в Семиреченской области в 1916 г. (его причины, течение и постепенная ликвидация) / Фонд редких книг и рукописей Гос. библиотеки Респ. Казахстан, инв. 62, 1916–1917.
7. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова и акад. В. И. Ламанского. – СПб., 1903. – Т. 18 : Киргизский край.
8. *Рыскулов Т.* Восстание туземцев Туркестана в 1916 г. / Т. Рыскулов // Очерки революционного движения в Средней Азии. – М., 1926.
9. *Чулошников А. П.* Восстание казахов в Семиреченской области в 1916 г. / А. П. Чулошников ; Фонд редких книг и рукописей Гос. библиотеки Респ. Казахстан, инв. 66 // Красный архив. – 1926. – Т. 3 (16). – С. 68–75.
10. *Юсуров Х.* Переселение дунган в Семиречье / Х. Юсуров ; РФ ИЯЛИ НАН КР, инв. 1063, 1951.
11. *Nazaroff Paul.* Hunted Through Central Asia. – Oxford University Press, 1993.
12. ЦГА Кыргызской Республики. Ф.И-75, оп. 1.
13. ЦГА Республики Казахстан. Ф. 44.
14. ЦГВИА, ф. Главный штаб, Азиатская часть, 1917 г., д. 26, л. 18–34.
15. Известия. – 2012, 27 июня.

REFERENCES

1. *Broydo G. I.* Vosstanie kirgiz v 1916 g. / G. I. Broydo. – M., 1925.
2. Doklad A. F. Kerenskogo na zakrytom zasedanii IV Gosudarstvennoy Dumy. Dekabr' 1916 g. // Istoricheskii arkhiv. – 1977. – № 2. – S. 91–94.

3. *Ivanov I.* Dobycha opiya v Pishpekskom uezde / I. Ivanov // Semirech'e : ezhe-mesyachnyy sel'skokhozyaystvennyy i melioratsionnyy zhurnal. – 1916. – № 11.
4. *Krasnov N. P.* Vospominaniya o russkoy imperatorskoy armii / N. P. Krasnov. – M. : Ayris-Press, 2006.
5. *Lachko A. F.* Kopiynye materialy po teme: «Agrarnaya politika tsarizma v gody stolyupinskoy reaktsii» / A. F. Lachko ; Rukop. fond IYaLI NAN KR, inv. 54, 1948.
6. Myatezh kirgiz v Semirechenskoy oblasti v 1916 g. (ego prichiny, techenie i postepennaya likvidatsiya) / Fond redkikh knig i rukopisey Gos. biblioteki Resp. Ka-zakhstan, inv. 62, 1916–1917.
7. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudey / pod red. V. P. Semenova i akad. V. I. Lamanskogo. – SPb., 1903. – T. 18 : Kirgizskiy kray.
8. *Ryskulov T.* Vosstanie tuzemtsev Turkestana v 1916 g. / T. Ryskulov // Ocherki revolyutsionnogo dvizheniya v Sredney Azii. – M., 1926.
9. *Chuloshnikov A. P.* Vosstanie kazakhov v Semirechenskoy oblasti v 1916 g. / A. P. Chuloshnikov ; Fond redkikh knig i rukopisey Gos. biblioteki Resp. Kazakhstan, inv. 66 // Krasnyy arkhiv. – 1926. – T. 3 (16). – S. 68–75.
10. *Yusurov Kh.* Pereselenie dungan v Semirech'e / Kh. Yusurov ; RF IYaLI NAN KR, inv. 1063, 1951.
11. *Nazaroff Paul.* Hunted Through Central Asia. – Oxford University Press, 1993.
12. TsGA Kyrgyzskoy Respubliki. F.I-75, op. 1.
13. TsGA Respubliki Kazakhstan. F. 44.
14. TsGVIA, f. Glavnyy shtab, Aziatskaya chast', 1917 g., d. 26, l. 18–34.
15. Izvestiya. – 2012, 27 iyunya.

ЛИВИЯ ПОСЛЕ КАДДАФИ: ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ НЕУДАВШЕЕСЯ ГОСУДАРСТВО?

Аннотация: в октябре 2011 г. бойцами ливийской оппозиции был схвачен и убит Муамар Каддафи, бессменный правитель Ливии с 1969 г. Несмотря на то, что созданный полковником Каддафи политический режим нельзя назвать демократическим, тем не менее невозможно отрицать, что в последние десятилетия Ливия достигла существенных экономических успехов. Несмотря на экономические достижения Муамара Каддафи, ему не удалось удержать власть с началом «арабской весны». После свержения Каддафи Ливия представляет собой конгломерат из нескольких квазигосударств. Центральное правительство фактически управляет лишь Триполи и окрестностями. По мнению автора, у Ливии в ее нынешнем виде не может быть нормального будущего. Пример Ливии является наглядным свидетельством того, что попытка извне насадить в арабских странах демократический режим западного типа является абсолютно бесперспективной и ведет к катастрофическим последствиям для государственности этих стран.

Ключевые слова: политический режим, «арабская весна», гуманитарная интервенция, квазигосударство, исламисты.

Abstract: In October 2011 the Libyan opposition fighters had been captured and killed Muammar Gaddafi, unchallenged ruler of Libya since 1969. Despite the fact that Colonel Gaddafi created a political regime can not be called democratic, however, it is undeniable that in recent decades, Libya has made significant economic progress. In spite of the economic achievements of Muammar Gaddafi, he was unable to hold on to power with the beginning of the "Arab Spring". After the overthrow Gaddafi, Libya is a conglomeration of several quasi-states. The central government actually controls only Tripoli and surrounding areas. According to the author, Libya in its current form can not be a normal future. The case of Libya is a clear indication that the attempt to impose from the outside in the Arab countries of the Western type democratic regime is totally futile and leads to disastrous consequences for the state of these countries.

Keywords: political regime, "the Arab spring", humanitarian intervention, quasi-state, the Islamists.

Двадцатого октября 2011 г. отряды Национального переходного совета взяли ливийский город Сирт. При попытке вырваться из города колонна машин, где находился Муамар Каддафи с немногочисленной охраной, была уничтожена самолетами НАТО с воздуха. Тяжело раненный полковник Каддафи, бессменный правитель Ливийской Джамахирии на протяжении 42 лет, был найден повстанцами в придорожной канаве и убит после жестоких пыток и издевательств. Через несколько дней, 28 октября, руководство НАТО приняло решение о прекращении военной операции в Ливии, поскольку главная цель

интервенции была достигнута – Муамар Каддафи уничтожен, а власть перешла к поддерживаемой Западом оппозиции.

Несмотря на то, что созданный полковником Каддафи политический режим нельзя назвать демократическим, тем не менее невозможно отрицать, что в последние два десятилетия Ливия достигла существенных экономических успехов, ликвидировала всеобщую нищету и обеспечила своим гражданам достаточно высокий (по меркам арабских стран) уровень жизни. Основу экономики Ливии составляла нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность, на долю которой приходилось до 32 % ВВП страны. Запасы нефти в Ливии оцениваются в 4 млрд т. Кроме того, имеются значительные запасы железной руды и газа. На втором месте находилась обрабатывающая промышленность. Ее крупнейшим объектом является металлургический завод в Мисурате. Легкая и пищевая промышленности были развиты относительно слабо. Благодаря перераспределению нефтяных доходов на социальные нужды в Ливии удалось создать бесплатные медицину и образование, возможность получать нуждающимся в жилье молодым семьям 64 тыс. долларов единовременно, а за каждого новорожденного ребенка – 7 тыс. долларов, материальную помощь на ведение бизнеса в размере 20 тыс. долларов. Была создана сеть магазинов для малоимущих семей, где продукты продавали по очень низким ценам, а также сеть аптек с бесплатными лекарствами. Государство выдавало беспроцентные кредиты на покупку автомобилей и новых квартир.

Несмотря на очевидные экономические достижения режима Муамара Каддафи, ему не удалось удержать власть с началом «арабской весны». После свержения в 2010 г. в Тунисе президента Бен Али, бессменно правившего с 1987 г., волнения перекинулись и на соседнюю Ливию.

Считается, что гражданская война в Ливии началась в феврале 2011 г. с немногочисленных демонстраций в городе Бенгази. В начале волнений в Бенгази никто из протестующих не призывал к свержению «вождя ливийской революции», не было даже лозунгов о свободе слова. Все началось с того, что родственники заключенных, расстрелянных во время бунта в тюрьме Абу-Салим в 1996 г., потребовали увеличить компенсацию за смерть своих родных. Но после того как власти ответили отказом, лозунги демонстрантов сменились на более радикальные. В толпе протестующих все чаще стали появляться вооруженные мужчины. Каждая демонстрация стала заканчиваться либо разгромом полицейских участков, либо захватом военных складов с оружием. В ответ на эти события Муамар Каддафи оправил в Бенгази войска для усмирения беспорядков.

После того как мэр города Бенгази сбежал в Триполи, местные жители организовали управленческий комитет из уважаемых в городе людей. С 27 февраля по 25 августа 2011 г. в Бенгази базировалась штаб-квартира Национального переходного совета, который объединил в своих рядах всех противников Каддафи. Несмотря на то, что события в Бенгази казались многим незначительным эпизодом, они вызвали жесткую ответную реакцию властей

в Вашингтоне, Париже и Лондоне. Создается впечатление, что они только и ждали мало-мальски значимого повода для того, чтобы вмешаться в ситуацию в этой стране. «Мы знали, что если промедлить хотя бы день, в Бенгази может быть устроена бойня, которая потрясет весь регион и запятнает совесть всех людей доброй воли в мире», – заявил Президент США Барак Обама [1].

Семнадцатого марта 2011 г., по настоянию США, Совбез ООН принял Резолюцию № 1973, тем самым дав согласие на гуманитарную интервенцию в Ливии.

Военная операция международных сил в Ливии под названием «Одиссей. Рассвет» началась 19 марта 2011 г. Первые удары были нанесены авиацией Франции, а затем к ней присоединились США и Великобритания. Ливийская ПВО, оснащенная устаревшим советским оружием, оказалась абсолютно бессильной против авиации союзников. Определенную обеспокоенность американцев и их союзников вызывали советские ЗРК С-200ВЭ. Именно по ним был нанесен первый удар новыми, совсем недавно принятыми на вооружение крылатыми ракетами *Tomahawk Block IV* с кораблей 6-го флота США в Средиземном море.

К началу апреля 2011 г. США, уничтожив всю устаревшую ливийскую ПВО и авиацию, официально уведомили своих союзников о выходе из операции «Одиссей. Рассвет». В дальнейшем в интервенции против Ливии принимали участие Франция, Англия, Италия и Катар. Каждая из этих стран имела на это свои серьезные причины.

Что касается Франции, то ее власти были не в восторге от идеи полковника Каддафи о введении «золотого динара» – общей валюты для большинства африканских стран. Такая единая валюта уже давно существовала – это африканский франк, который в ходу в 14 африканских странах, бывших французских колониях. Французские власти резонно опасались, что «золотой динар» Каддафи может значительно потеснить их африканский франк.

Были у президента Франции Николя Саркози и другие, субъективные, причины добиваться свержения полковника Каддафи. В марте 2011 г. в ответ на осуждение Францией действий ливийского лидера по подавлению оппозиции сын Каддафи Сейф аль-Ислам рассказал о том, что Саркози получил от его семьи 50 млн евро на ведение своей предвыборной кампании. Этими словами семья Каддафи подписала себе смертный приговор.

Италия приняла участие в военной операции против Ливии, также имея на то свои веские причины. С 2004 г. итальянская корпорация *Eni* совместно с ливийской Национальной нефтяной корпорацией начала строительство газопровода *Greenstream*, проложенного по дну Средиземного моря. В церемонии открытия газопровода приняли участие тогдашний итальянский премьер Сильвио Берлускони и Муамар Каддафи.

Опасаясь того, что Каддафи может перекрыть *Greenstream* и устроить Италии серьезные перебои с поставками газа, в апреле 2011 г. итальянские власти отдали распоряжение своим ВВС присоединиться к ударам коалиции по

Ливии. Кстати, еще до завершения военной операции итальянская корпорация *Eni* заключила новые контракты на покупку нефти с повстанцами из Национального переходного совета и стала активно, вместе с ними, наращивать объемы добычи и продажи ливийской нефти до уровня 1,6 млн баррелей в год. Ну и конечно, в Италии не могли простить Каддафи, что в 1970-х гг. он изгнал из Ливии более 100 тысяч итальянских поселенцев, живших там с тех пор, когда Ливия была итальянской колонией.

У многих в мире вызвало искреннее удивление участие в операции против Каддафи Катара. Уже в конце марта 2011 г. катарское руководство договорилось с Национальным переходным советом, что весь экспорт ливийской нефти на мировой рынок будет осуществлять в качестве посредника *Qatar Petroleum* – ведущая добывающая компания Катара, а вырученные от продажи нефти средства будут идти на финансирование вооруженной борьбы с режимом Каддафи. Несмотря на то, что Катар обладает огромными запасами нефти и газа, лишними эти ресурсы не бывают никогда.

У Великобритании были свои старые счеты с Муамаром Каддафи – за катастрофу пассажирского самолета над шотландским городком Локерби, устроенную ливийскими спецслужбами. Кроме того, в свое время Каддафи оказывал активную финансовую поддержку Ирландской республиканской армии и поставлял ей оружие. Таким образом, причин принимать участие в военной операции против Каддафи у Великобритании было предостаточно.

В течение полугода повстанцы, поддерживаемые авиацией НАТО, вели бои с армией Каддафи. В августе 2011 г. отряды Национального переходного совета взяли ливийскую столицу Триполи в кольцо. Двадцатого августа группа повстанцев взяла под свой контроль мечеть Бен Наби в центре города. С помощью громкоговорителей, обычно используемых для сигнала к молитве, повстанцы начали обращаться к своим сторонникам с просьбой присоединиться к восстанию. После того как повстанцам удалось закрепиться в Триполи, из близлежащих городов и деревень в столицу в течение суток прибыли сотни бойцов оппозиции.

В это же время в Триполи морем на десантных кораблях были заброшены бойцы 22-го полка Специальной воздушной службы армии Великобритании. Рядом с британцами сражались бойцы спецназа из Катара, ОАЭ, а также бойцы спецподразделения *Groupe d'Intervention de la Gendarmerie Nationale* вооруженных сил Франции. Двадцать первого августа самолеты НАТО 46 раз атаковали Триполи. Британские летчики использовали ракеты *Hellfire AMG-114N*, создающие эффект термобарического, или вакуумного, взрыва. В итоге повстанцы захватили резиденцию Каддафи в казармах Баб-аль-Азизия. Однако полковника Каддафи и членов его семьи в Триполи не оказалось. Число погибших в ходе операции по захвату Триполи составило около 3 тыс. человек.

После захвата Триполи повстанцами Каддафи с семьей перебрался в родной город Сирт. Двадцатого октября 2011 г. самолеты ВВС Франции нанесли

удары по одиннадцати военным машинам армии Каддафи, составлявшим часть большой колонны, которая быстро двигалась по дороге из Сирта. Существует версия, согласно которой Муамар Каддафи пытался бежать из Ливии в Нигер, но французские летчики открыли огонь и уничтожили конвой из внедорожников. В ходе налета машина полковника была подбита, а сам он тяжело ранен в обе ноги. Сопровождающие Каддафи перенесли его в дренажный трубопровод, проложенный под дорогой, где он и был найден повстанцами Национального переходного совета.

Кады издевательств повстанцев над раненым Каддафи облетели все телеканалы мира. Повстанцы наносили еще живому Каддафи многочисленные штыковые ранения и сыпали в раны песок. Издеательства продолжались несколько часов, после чего Каддафи за ноги протащили по улицам Сирта. После этого тела убитых Муамара Каддафи и одного из его сыновей были выставлены на несколько суток на всеобщее обозрение в холодильнике для овощей в торговом центре в Мисурате. Двадцать пятого октября Муамар Каддафи был тайно похоронен в Ливийской пустыне. После убийства Муамара Каддафи в Сирте были осквернены и уничтожены могилы его матери, отца, дяди и еще нескольких родственников. По сообщениям прессы, боевики из группировки «Течение джихада» разрушили надгробные плиты, вытащили из могил кости и сожгли их [1].

В результате гражданской войны и иностранной интервенции власть над большей частью территории страны получил Переходный национальный совет, признанный на тот момент странами Запада. Третьего августа 2011 г. он официально переименовал страну в «Ливию», вернув государству бывший флаг, который использовала ливийская монархия во главе с королем Идрисом [2]. В состав Национального переходного совета входил 31 представитель крупнейших ливийских городов. В августе 2012 г. переходный совет передал власть новому законно избранному парламенту – Всеобщему национальному конгрессу [3].

В настоящее время Ливия представляет собой конгломерат из нескольких квазигосударств. Центральное правительство фактически управляет лишь Триполи и окрестностями [5]. Пустынная юго-западная область Феццан, населенная в основном кочевниками, объявила о своей автономии в сентябре 2013 г. Город Мисурата, находящийся к востоку от Триполи, фактически превратился в независимое город-государство, закрытое для прочих ливийцев. Власть в нем принадлежит совету, в который входят влиятельные бизнесмены, избранные горожанами из своего числа. Они смогли вывести из города все вооруженные группировки и даже отправить в Триполи собственную армию. Город был окружен цепью блокпостов, пропускающих внутрь только тех людей, за кого может поручиться житель Мисураты, благодаря чему была обеспечена безопасность. В Мисурате работает крупнейший в стране морской порт.

На побережье к востоку от Сирта расположены несколько нефтеналивных портов, находящихся под контролем так называемой «Гвардии защиты

нефтяных объектов» со штабом в Адждабии. В Бенгази, также формально объявившем автономию, правит Совет Киренаики [4]. С 2014 г. в Ливии идет гражданская война между различными исламистскими группировками и международно признанным национальным правительством. Ливийские исламисты сражаются за контроль над всей страной и добиваются значительных успехов. В сентябре 2014 г. Катар и Судан снабдили ливийских исламистов оружием. В ответ на это правительства ОАЭ и Египта нанесли удары с воздуха по боевикам в Триполи и Бенгази. Среди джихадистов в Ливии имеются не только сторонники «Аль-Каиды», но и группировки, связанные с «Исламским государством». Некоторые эксперты уже рассматривают ливийский город Дерна с населением в 150 тыс. человек как третий центр «Исламского государства» в Африке, наравне с «Джунд аль-Халифа» в Алжире и «Ансар Бейт аль-Макдис» в Египте [1].

Ситуация с защитой прав человека после свержения режима Каддафи стала стремительно деградировать. Сразу после захвата власти повстанцы совершили десятки жестоких убийств, не говоря уже о пытках, избиениях и незаконном аресте тысяч людей, подозреваемых в поддержке Каддафи. В результате гражданской войны 400 тысяч ливийцев были вынуждены бежать из своих домов. Большинство из них влилось в поток беженцев из Ирака и Сирии, с которым сейчас не знают, что делать власти Евросоюза.

Понятно, что у Ливии в ее нынешнем виде не может быть нормального будущего. Пример Ливии является наглядным свидетельством того, что попытка извне насадить в арабских странах демократический режим западного типа является абсолютно бесперспективной и ведет к катастрофическим последствиям для государственности этих стран. Приходится констатировать, что в странах арабского Востока возможна либо светская диктатура, наподобие режимов Каддафи в Ливии и Асада в Сирии, либо хаос, анархия и приход к власти радикальных исламистов. Несомненно, что над уроками Ливии стоит задуматься тем, кто продолжает продвигать проект демократизации «Большого Ближнего Востока».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Как убили ливийскую мечту. – Режим доступа: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/5138/>
2. Государства – члены ООН. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/members/>
3. Власть в Ливии передана Всеобщему национальному конгрессу. – Режим доступа: <http://spb.rbc.ru/topnews/09/08/2012/663871.shtml>
4. Гуляй-пустыня. Как живет Ливия в условиях анархической конфедерации. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2013/10/07/liberty>
5. Пророчество Полковника. – Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2014/09/05/libya/>

REFERENCES

1. Kak ubili liviyskuyu mechtu. – Rezhim dostupa: <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/5138/>
2. Gosudarstva – chleny OON. – Rezhim dostupa: <http://www.un.org/ru/members/>
3. Vlast' v Livii peredana Vseobshchemu natsional'nomu kongressu. – Rezhim dostupa: <http://spb.rbc.ru/topnews/09/08/2012/663871.shtml>
4. Gulyay-pustynya. Kak zhivetsya Livii v usloviyakh anarkhicheskoy konfederatsii. – Rezhim dostupa: <http://lenta.ru/articles/2013/10/07/liberty>
5. Prorochestvo Polkovnika. – Rezhim dostupa: <http://lenta.ru/articles/2014/09/05/libya/>

**«ПРОРАБОТКА ПРОШЛОГО» В ИНДОНЕЗИИ:
ТРУДНОСТИ И СЛОЖНОСТИ «ВСПОМИНАНИЯ»
МАССОВЫХ УБИЙСТВ 1965–1966 гг.
В КОНТЕКСТЕ КОНКУРИРУЮЩИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПАМЯТЕЙ
И КОЛЛЕКТИВНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОШЛОМ**

Аннотация: термин «*vergangenheitsbewaltigung*» предложен немецкими историками для описания исторической памяти в условиях формирования различных версий истории и прошлого как коллективной вины и политической ответственности. Анализ событий «*pembantaian di Indonesia*» (массовые акты политически мотивированного насилия и убийств противников режима в 1965–1966 гг.) возможен в контексте этой парадигмы. Политический переворот 1965 г. и волны политически и религиозно мотивированного насилия относятся к числу «тяжелых» страниц в индонезийской и исторической памяти, так как породили различные версии индонезийской национальной памяти и диаметрально противоположные интерпретации событий. В статье анализируются различные версии индонезийской исторической памяти, тактики и стратегии «вспоминания» и «забывания».

Ключевые слова: Индонезия, *vergangenheitsbewaltigung*, *pembantaian di Indonesia*, историческая память, идентичность.

Abstract: the “*vergangenheitsbewaltigung*” definition was proposed by German historians to describe historical memory in context of different versions of histories formation in the context of collective guilt and political responsibility. The analysis of events of “*pembantaian di Indonesia*” (the mass acts of politically motivated violence and killings of political opponents in the 1965th and the 1966th) is possible in the context of this paradigm. The political upheaval of the 1965 and wave of politically and religiously motivated violence are among “hard” pages in Indonesian historical memory because it spawned different versions of national Indonesian memory and diametrically opposed interpretations of events. The different versions of Indonesian historical memory, tactics and strategies of “remembering” and “forgetting” are analyzed in the article.

Keywords: *Indonesia*, *vergangenheitsbewaltigung*, *pembantaian di Indonesia*, historic memory, identity.

Термин «*vergangenheitsbewaltigung*» предложен немецкими историками и используется ими для описания процессов, протекающих в рамках исторической памяти и связанных с выработкой консолидированных версий истории и прошлого в тех случаях, когда те или иные события отягощены комплексами коллективной вины и политической ответственности. Начиная с 2000-х гг., термин «*vergangenheitsbewaltigung*» активно используется для изучения немецких и неевропейских – восточных, азиатских, африканских – политиче-

ских и исторических сюжетов. Анализ событий, известных как «pembantaian di Indonesia» (массовые акты политически мотивированного насилия и убийств противников режима, пик которых пришелся на период 1965–1966 гг.), возможен в рамках описанной выше парадигмы, обозначаемой сложно переводимым на русский и индонезийский язык термином «vergangenheitsbewältigung».

Политический переворот 1965 г. и последовавшие за ним волны политически и частично религиозно мотивированного и легитимированного насилия относятся к числу «тяжелых» страниц в индонезийской исторической памяти, так как породили различные версии как самой национальной памяти, так и диаметрально противоположные восприятия и объяснения этих событий. В Индонезии сложилась своя историография, которая с тех или иных политических и идеологических позиций оценивает, описывает и интерпретирует «pembantaian di Indonesia» [42, 53, 64, 97, 100], имевшие место в середине 1960-х гг. Последние интерпретации и попытки ревизии событий 1965–1966 гг. были маловероятны и фактически невозможны в Индонезии в период существования недемократического режима Сухарто [46, 81], но они стали возможны в условиях демократического перехода.

Именно проблемы массовых убийства в Индонезии в середине и частично во второй половине 1960-х гг. будут в центре авторского внимания в настоящей статье, в которой будут представлены различные дискурсы событий «pembantaian di Indonesia 1965–1966» в контексте как официальных (художественный фильм Pengkhianatan G30S/PKI), так и альтернативных версий и форм исторической и политической памяти, их проявления в современной индонезийской культуре памяти, в исторической политике Индонезии, дискурсе школьных учебников по истории, академической историографии и средств массовой информации. Кроме этого, в настоящей статье будут проанализированы различные уровни восприятия событий «pembantaian di Indonesia» в контексте европейской и американской коллективной памяти (документальный фильм The Act of Killing) как форма делегитимации и криминализации политически и религиозно маркированного и санкционированного насилия в исторической памяти. Таким образом, внимание автора будет сфокусировано на изучении исторических и историографических травм функционирования национальной памяти в Индонезии в контексте «вспоминания» и «забывания», то есть вытеснения или конструирования образов «pembantaian di Indonesia 1965–1966».

Прежде чем обратиться к проблемам отражения и функционирования событий «pembantaian di Indonesia 1965–1966» в индонезийской исторической памяти, следует кратко осветить те исторические и политические процессы, которые имели место в Индонезии в середине и второй половине 1960-х гг. Отметим, что эти события относительно подробно отражены в историографии, а изучение чисто исторической событийно-хронологической стороны террора и политических убийств в задачи настоящей статьи не входит.

В значительной части исследований, посвященных истории Индонезии 1960-х гг., утверждения, что к середине десятилетия страна переживала глубокий кризис, успели стать «общим местом». В данной статье нас интересует только общая последовательность событий в контексте их дальнейшей интерпретации. В ночь с 30 сентября на 1 октября 1965 г. в Индонезии имела место попытка государственного переворота [70], организованная подполковником Унтунгом при участии коммунистической партии [59], на чем настаивали более поздние политические элиты страны. События достаточно хорошо описаны [5, 6, 21, 30, 31, 41], часть документов, которые формируют источниковый корпус текстов по истории движения [88], опубликована. Репрессивность и принудительность в подобной ситуации в историографии позиционируются в качестве системных характеристик «нового порядка» [103], установленного в результате событий 1965 г. Сторонники и участники переворота в индонезийской историографии и исторической памяти фигурируют как «Gerakan 30 September» или «Gestapu» («Gerakan September Tiga Puluh») [28, 30, 31, 36, 37, 55, 75, 76, 82, 83, 86]. Переворот завершился неудачно, хотя его участники убили несколько высших офицеров, что дало повод к более активному участию армии – при подавлении мятежа выдвинулся генерал-майор Сухарто, назначенный президентом Сукарно 2 октября 1965 г. главнокомандующим. Попытка переворота положила начало процессу «перетекания» власти от Сукарно к Сухарто: 1 февраля 1966 г. последний получил звание генерал-лейтенанта, 11 марта Сукарно оказался вынужденным разрешить Сухарто действовать от имени президента, а спустя год (12 марта 1967 г.) оказался отстраненным от должности и отправленным под домашний арест. В результате 27 марта 1968 г. Временный народный консультативный конгресс избрал Сухарто президентом.

Все эти политические процессы и перипетии сопровождались актами политически и религиозно маркированного и мотивированного насилия, вошедшими в историю Индонезии и в индонезийскую историческую память как «pembantaian di Indonesia 1965–1966». В рамках «pembantaian di Indonesia 1965–1966», вероятно, следует выделять два пласта политических убийств: 1) убийства, инициированные участниками неудачного переворота и 2) убийства, связанные с расправой над его гипотетическими организаторами, вдохновителями и вероятными сторонниками. Эти акты насилия получили различное развитие и отражение в индонезийской исторической и политической памяти. История и последовательность политических убийств в Индонезии, связанных с подавлением «движения 30 сентября» [11, 13, 14, 16, 23, 26, 66, 77, 63, 92, 93, 101], достаточно подробно изучены в историографии [19, 20, 60, 82, 83], а численность их жертв относится к числу дискуссионных проблем [19, 20, 21, 41, 60]. Несмотря на в целом морализаторский и идеалистический тон советской, российской и западной историографии, которые при описании террора в Индонезии проявили поразительное и редкое единодушие, факты, связанные с массовыми убийствами, успели стать частью индонезийского национального самосознания, будучи подвергнутыми значительной мифологизации.

Интеграция фактов массовых убийств в Индонезии в индонезийскую историческую и политическую память началась уже во второй половине 1960-х гг. и была инициирована как светскими, так и умеренными исламскими интеллектуалами, которые оказались близки к режиму Сухарто. Факты убийств не только не отрицались, они были известны, рассматриваясь, оцениваясь и интерпретируясь в пределах официально разрешенного и дозволенного общественного, научного, интеллектуального и культурного дискурса.

Память об убийствах в Индонезии периода правления Сухарто оказалась в значительной степени фрагментированной. В стране фактически сосуществовали две памяти – официально санкционированная и оппозиционная, альтернативная. Официальная историческая память была основана на воспроизводстве комплекса нарративов, связанных с мученичеством генералов, которые были убиты в результате переворота. В официальный пантеон героев и жертв коммунистов были интегрированы генерал-лейтенант Ахмад Яни (министр обороны, начальник штаба Верховного оперативного командования), генерал-майор Раден Супрапто и генерал Мас Тиртодармо Харионо (заместитель министра обороны), генерал-майор Сисвондо Парман (глава армейской разведки), бригадные генералы Дональд Панджайтан и Сутойо Сисвомихарджо. Кроме этого, в пантеон военных героев попал и лейтенант Пьер Тендеан – адъютант генерала Абдула Харриса Насутиона, который был целью участников заговора [3, 12, 56, 71, 77, 94]. Эти генералы и офицеры в рамках официальной версии исторической памяти были подвергнуты значительной позитивной мифологизации и героизации, а их коммеморация оказалась не только официально разрешенной, но и активно стимулируемой. Место убийства генералов Lubang Buaya [25] было подвергнуто музеификации и интегрировано в принятую режимом Сухарто [22] официальную версию исторической и политической памяти. В 1969 г. погибшим генералам был установлен известный памятник Monumen Pancasila Sakti, который стал местом паломничества и проведения разного рода политически маркированных церемоний и гражданских ритуалов.

Политический режим Сухарто, культивируя лояльность режиму со стороны интеллектуального сообщества и стремясь развивать его особую политически маркированную и идеологически выверенную идентичность, стимулировал ограниченное обращение со стороны интеллектуалов к проблеме массовых убийств в Индонезии, что проявилось в создании фильма *Pengkhianatan G30S/PKI* (полное название *Penumpasan Pengkhianatan G30S/PKI*) [15, 62], который отражал исключительно официальную точку зрения на события «*pembantaian di Indonesia 1965–1966*». Режиссер Арифин Нур [8, 9, 17] снял фильм по сценарию, написанному политиками, которые имели самое непосредственное отношение к режиму Сухарто. В роли сценаристов выступили министр образования Нугрохо Нотосусанто [24] и министр юстиции Исмаил Салех [45].

Создатели фильма ставили перед собой, вероятно, несколько взаимосвязанных задач, стремясь легитимизировать отстранение от власти Сукарно,

переложить вину за произошедшие события на индонезийских коммунистов [52, 72, 73, 69], изрядно демонизировав последних и содействуя тем самым формированию образов Другого. Кроме этого, фильм активно и открыто использовался в политической пропаганде, чему содействовало и то, что один из его создателей, Нотосусанто [57, 58], уже имел определенный опыт выполнения политического заказа, связанного с формированием и продвижением официальной версии истории Индонезии. Начиная с 1984 г., политические элиты Индонезии, понимая важность как поддержания принимаемых ими интерпретаций событий, связанных с массовыми убийствами, так и формирования версии исторической и политической памяти, которая соотносилась бы с нуждами и потребностями режима, инициировали ежегодный показ фильма 30 сентября. Учащиеся школ и университетов, а также государственные служащие должны были посещать эти киносеансы. В условиях столь активного государственного продвижения Pengkhianatan G30S/PKI [32] стал тем фильмом, который к 2000 году, по данным опроса журнала «Темпо» [32, 33, 34, 47, 49, 90], из 1101 опрошенного студента смотрели 97 %, а из них 87 % – более одного раза [1, 39], что свидетельствует о широте охвата официальных стратегий формирования и продвижения государственной версии исторической памяти.

Фильм Pengkhianatan G30S/PKI, снятый в 1984 г. и активно демонстрируемый в следующий юбилейный год, выполнял и откровенно индоктринизаторские задачи, формируя принципы патернализма, что проявилось в сознательном создании и продвижении образа Сухарто в качестве национального героя, отца и спасителя нации, законного наследника и приемника создателя независимой Индонезии Сукарно. Усилия создателей фильма были направлены и на продвижение еще одной версии пантеона национальных героев (в более раннюю входили индонезийские националисты, которые боролись за независимость), представленных погибшими в результате попытки государственного переворота генералами, изображавшимися добрыми верующими людьми, истинными героями и патриотами, павшими от рук подлых предателей. В рамках официального политического воображения Индонезии середины 1980-х гг. наилучшим образом на статус последних, то есть универсальных Других, претендовали китайцы и коммунисты.

С началом процессов политического транзита в Индонезии стали высказываться и альтернативные точки зрения, а часть общественных и политических активистов попыталась сформировать другую версию национального пантеона, в состав которого вошли бы жертвы массовых политических убийств. Такой пантеон в общественно-политическом и интеллектуальном дискурсе современной Индонезии отличается не только альтернативным характером официальным версиям истории, но и носит преимущественно виртуальный и воображаемый характер, функционируя не в форме политических практик и гражданских ритуалов коммеморации, но в виде разного рода сайтов и электронных ресурсов, создаваемых и поддерживаемых общественными активиста-

ми. Этот альтернативный пантеон формируется из жертв репрессий, которые ранее могли быть известными политиками или культурными деятелями. Усилиями общественных активистов вокруг них создается ареол жертвенности и мученичества, а на статус мучеников (и ранее пребывавших в центре внимания исследователей [19, 20, 61, 89, 106]), вокруг которых предлагается формировать новые версии исторической памяти и выстраивать коммеморационные практики и ритуалы, претендуют Дипа Айдит (глава Индонезийской коммунистической партии), Нжото Лукман (один из лидеров коммунистического движения), Ибн Рагла (профсоюзный деятель), Судисман (член политбюро ИКП), Хайрул Саллах и Викана (деятели индонезийского национального движения, которые были среди похитителей Сукарно и Хатты в августе 1945 г., желавших заставить их провозгласить независимость).

Факт массовых убийств, таким образом, был известен в стране и в мире уже во время пребывания у власти Сухарто (будучи интегрированным, разумеется, в официальный политический дискурс и связанные с ним практики конструирования исторической памяти, которые в рамках авторитарного режима обрели весьма специфические формы и проявления), но активно начал обсуждаться только после демократизации Индонезии. Первая попытка ввести проблему политически маркированного и мотивированного насилия во время отстранения от власти Сукарно в общественно-политический дискурс Индонезии была предпринята в 1998 г., когда парламент Индонезии инициировал создание специальной Комиссии правды и примирения [107]. Среди целей Комиссии было изучение фактов массовых убийств в середине 1960-х гг. и выработка предложений новых интерпретаций этих событий, которые могли бы содействовать политической консолидации нации, а не ее дальнейшему расколу и фрагментации по линиям приверженности к той или иной политической идеологии или принципам и ценностям религиозного исламского фундаментализма, так как публичное признание убийств ставило не только вопрос об участии или неучастии армии, но и определенного числа сторонников политического ислама. В подобной ситуации инициатива общественного обсуждения политических убийств в Индонезии перешла к австралийским и американским журналистам, аналитикам и политическим комментаторам [57, 58, 102]. В условиях фрагментации и политически мотивированной поляризации индонезийского общества дискурс массовых убийств середины 1960-х гг. переместился из собственно индонезийского информационного пространства и Интернета в англоязычный сегмент Интернета. При этом индонезийские интеллектуалы в ряде случаев все же обращаются к проблемам массовых убийств и политически маркированного насилия, но подобные публикации [10], в отличие от общих изданий о событиях 30 сентября 1965 г., не носят в Индонезии систематического характера. Тем не менее проблема массовых политических убийств середины 1960-х гг. [48, 68, 85, 96, 98, 99] и ответственности за них на протяжении 2000–2010-х гг. все более активно начинает затрагиваться

индонезийскими интеллектуалами, хотя термин «*sembantaian*» [54], и ранее фигурировавший в политической публицистике Индонезии, переводимый как «убийство» или «резня», нельзя признать принципиально новым для индонезийского общественного дискурса и индонезийского политического языка. Изменения в индонезийской исторической и политической памяти, связанные с массовыми убийствами середины 1960-х гг., протекали крайне медленно, так как индонезийское общество не проявляло значительной готовности и желания принимать столь неприятные и эмоционально маркированные страницы национальной истории. Поэтому легитимация сложной и неприятной памяти о массовых политических убийствах оказалась связана с осознанием как исторической универсальности, так и столь неизбежной незаконности политического насилия. Легитимации термина «*sembantaian*» в индонезийском контексте содействовали его историзация, распространение на более ранние этапы истории Индонезии [38] и знакомство индонезийского читателя с фактами массовых политически мотивированных убийств в других регионах мира [29], что позднее дало возможность индонезийским интеллектуалам трансплантировать термин в индонезийский контекст. В целом проблема, которую попыталась поднять и обсудить Комиссия, оказалась не только политически актуальной, но и чрезвычайно болезненной для индонезийского общества. На этом фоне не должно вызывать удивления и то, что не только работа Комиссии, но и сама инициатива создания таковой встретила не только поддержку у сторонников демократизации, но и хорошо организованное противодействие со стороны ее противников. Поэтому Верховный Суд Индонезии практически сразу же признал ее создание незаконным, и деятельность Комиссии была приостановлена.

Отсутствие государственных органов, которые занимались бы вопросами массовых убийств в Индонезии, компенсируется активностью различных неправительственных организаций. Крупнейшей является *Yayasan Penelitian Korban Pembunuhan 1965/1966* (УРКР) – фонд, основанный в 1999 г. Деятельность фонда вызвала ответную реакцию со стороны политических наследников Сухарто: в 2000 г. его офис подвергся нападению индонезийских антикоммунистов [95]. Организация занимается изучением политических репрессий в середине 1960-х гг. (в частности, начиная с 1999 г., проводились исследования массовых захоронений в районе поселения Демпес около Каливино [87]), а также периодически подвергает ревизии официальные и устоявшиеся версии о жертвах массовых убийств как о китайских или коммунистических агентах, формируя их альтернативное восприятие как невинных жертв [74]. Фонд в целом стремится культивировать альтернативные версии исторической памяти, основанные на интеграции самих фактов массовых убийств в историческую и политическую память Индонезии, ставя под сомнение официальные исторические памяти, основанные на воспроизводстве нарративов, предложенных еще в середине 1960-х гг.

В подобной ситуации проблема политических убийств середины 1960-х гг. продолжает оставаться очень неприятной для индонезийского общества, мнение и отношение которого развивается как фрагментированное в отношении к этим событиям. В целом проблема массовых убийств воспринимается крайне болезненно и на современном этапе [43], о чем, например, свидетельствуют публикации [79], разного рода информационные отчеты [44, 105], касающиеся национальной консолидации и примирения или даже возможной компенсации жертвам и их родственникам, хотя некоторые политические и общественные деятели в Индонезии, входящие в состав Национальной комиссии по правам человека [50, 51], признают, что массовые убийства 1965–1966 гг. представляли собой грубейшие нарушения прав человека. Современное индонезийское общество в интерпретации событий середины 1960-х гг. развивается как фрагментированное [80], о чем свидетельствуют публикации в СМИ [7, 18, 27, 50, 51, 91], в том числе и индонезийских, которые в 2000-е гг. активно включились в обсуждение ранее табуированной проблематики, связанной с массовыми убийствами. Интеллектуалами могут высказываться различные точки зрения, а сам социум далек от консолидации и примирения сторонников различных версий исторической и политической памяти. Большинство индонезийских историков, которые являются авторами школьных учебников, пытаются предложить компромиссную и частично консолидирующую точку зрения на события середины 1960-х гг.

Современная индонезийская историография при описании и анализе «*prembantaian di Indonesia 1965–1966*» остается традиционной и консервативной, в особенности в школьных учебниках по истории [4, 78], которые продолжают оставаться политизированными, и сводится к нескольким положениям, а именно: политически маркированные и мотивированные убийства имели место на территории различных регионов Индонезии в период 1965–1966 гг., политическое насилие носило неизбежный характер, его участники руководствовались наилучшими патриотическими побуждениями и стремились спасти Индонезию, обезопасив ее как от коммунистической, так и от китайской политической угрозы. Численность жертв этих убийств была не столь значительной, как стремятся и пытаются доказать западные историки, и составила не более 80 тыс. человек. Попытки объяснения и изучения подобной устойчивости исторических мифов, связанных с массовыми убийствами, предпринимались в научной литературе [65]. Большинство авторов полагает, что значительная часть современных индонезийцев является носителями консервативной версии национального самосознания и исторической памяти, и поэтому они не проявляют интереса и склонности к пересмотру исторических мифов, основанных на демонизации коммунистов и других жертв террора середины 1960-х гг. При этом такая весьма умеренная и консервативная оценка и интерпретация событий, связанных с политическими убийствами, стимулирует современных идейных наследников Сухарто периодически инициировать различные действия, диапазон

и направленность которых может варьироваться от обращения в суд с просьбой запрета подобной интерпретации до массового и публичного сжигания изданий (жертвами подобных актов, инициированных сторонниками ортодоксальной версии событий, связанных с массовыми убийствами, стали 14 различных учебников [67]), где в той или иной степени обсуждается проблема убийств.

Альтернативные точки зрения на массовые политические убийства, которые связаны с попытками ревизии устоявшихся и сложившихся версий исторической памяти, более активно продвигаются в современных визуальных искусствах, в частности в кинематографии. Альтернативные версии визуального восприятия появились в 2000-е гг., хотя подобные попытки имели место и ранее (например, в 1982 г. вышел в прокат фильм *The Year of Living Dangerously* [65, 95]), но они не отличались авторским характером, в целом пребывая в рамках мейнстрима массовой культуры потребления. В рамках современной ревизии сложившегося в индонезийском обществе восприятия «*pembantaian di Indonesia 1965–1966*» следует выделять три попытки визуализации альтернативной исторической памяти, представленной фильмами *Puisi Tak Terkuburkan*, *40 Years of Silence: An Indonesian Tragedy* и *The Act of Killing*.

В 2000 г. вышел индонезийский фильм *Puisi Tak Terkuburkan* [35; 84], центральным героем которого был индонезийский поэт Ибрахим Кадир, ставший жертвой политических репрессий в 1965 г. *Puisi Tak Terkuburkan* фактически стал первой попыткой подвергнуть ревизии стереотипы, предложенные в середине 1980-х гг. в фильме *Pengkhianatan G30S/PKI*. В 2006 г. вышел документальный фильм *40 Years of Silence: An Indonesian Tragedy (40 Years of Silence: Sebuah Tragedi Indonesia* [40]), авторы которого стремились актуализировать альтернативный дискурс восприятия массовых убийств в Индонезии и подвергнуть ревизии ортодоксальную точку зрения, которая стала чрезвычайно распространенной в результате продвижения фильма *Pengkhianatan G30S/PKI*. *40 Years of Silence: An Indonesian Tragedy* [2] является попыткой актуализировать микроисторические уровни и формы исторической памяти на примере личного опыта четырех семей с Центральной Явы и Бали. В 2012 г. историческая память о массовых убийствах была актуализирована в фильме *The Act of Killing (Jagal* [104]), в котором Аанвар Конго, принимавший участие в убийствах, рассказывает о событиях 1965–1966 гг.

Таким образом, современная индонезийская память о «*pembantaian di Indonesia 1965–1966*» в ее визуализированной версии развивается как в значительной степени фрагментированная. В визуальном дискурсе продолжает играть определенную роль официальная версия, предложенная Сукарно в фильме *Pengkhianatan G30S/PKI*, которая в современной Индонезии сосуществует с попытками актуализировать другие пласты и измерения исторической памяти, основанные на реабилитации жертв. При этом *40 Years of Silence: An Indonesian Tragedy* и *The Act of Killing* не предлагают и не продвигают демонизацию и негативную мифологизацию участников убийств, предлагая пока только робкую дегероизацию.

Подводя итоги, следует отметить ряд факторов, связанных как с функционированием коллективных образов и представлений о «*sembantaian di Indonesia 1965–1966*» в исторической памяти Индонезии, так и различные коллективные и социально-коммеморативные тактики и стратегии, которые сложились в стране в контексте отношения к событиям политического террора и политически мотивированного насилия середины и второй половины 1960-х гг., что весьма условно может быть определено как индонезийская версия «*vergangenheitsbewaltigung*». Историческая память в отношении «*sembantaian di Indonesia 1965–1966*» развивается как в значительной степени фрагментированная. Установление и последующее функционирование в Индонезии режима «нового порядка» привело к институционализации официального дискурса в индонезийской исторической памяти в отношении изучаемых событий. Начиная с середины 1960-х гг., доминировали политически и идеологически выверенные оценки и интерпретации событий, связанных с актами массовых убийств. Жертвы этих событий в официальной версии исторической памяти не подвергались виктимизации и реабилитации. При этом ответственность участников массового политического террора также относилась к числу тем, которые были нежелательны для обсуждения в публичном общественно-политическом дискурсе Индонезии.

В подобной ситуации историческая индонезийская память развивалась в форме одновременного сосуществования двух ее версий: первая была представлена официальными оценками, вторая – альтернативными и неформальными попытками объяснения. На протяжении длительного времени альтернативная версия индонезийской исторической памяти имела маргинальный характер, представляя собой форму подавляемой, вытесняемой и репрессированной исторической памяти. Несмотря на диаметрально противоположные, идеологические выверенные и политически мотивированные оценки и интерпретации событий, связанных с массовыми убийствами в Индонезии, обе версии индонезийской исторической памяти фактически использовали и применяли общие, один и те же или, как правило, похожие и весьма сходные практики, тактики, стратегии и механизмы работы с прошлым, его идеологически выверенной и политически обусловленной проработки, извлечения, интерпретации и последующей – позитивной или негативной – мифологизации фактов.

Индонезийские интеллектуалы, которые в силу тех или иных причин политического, идеологического или религиозного выбора замалчивали, осуждали или вынужденно принимали события «*sembantaian di Indonesia*» как неизбежную историческую данность предложили несколько версий исторической памяти, функционирование которой имело свои основания. К числу подобных оснований и форм индонезийской версии «*vergangenheitsbewaltigung*», вероятно, следует отнести 1) персонификацию террора в форме виктимизации и героизации жертв, что содействовало формированию различных идеологически мотивированных версий пантеона национальных героев или, наоборот, врагов и изменников нации; 2) визуализацию событий середины 1960-х гг., что при-

вело к появлению ряда художественных и документальных фильмов, которые отражают различные версии индонезийской исторической памяти; 3) политизацию историографии, проявившуюся в попытках обсуждения событий массового террора в контексте их восприятия профессиональным историческим сообществом, а также отражения в специализированной литературе, в частности в индонезийских учебниках по истории.

Анализируя эти три формы работы с прошлым и его проработки, мы пришли к заключению об их одновременном (со)существовании и (со)функционировании в современной исторической и политической памяти в Индонезии. Вероятно, различные версии восприятия и интерпретации событий «*pembantaian di Indonesia 1965–1966*» следует воспринимать как конкурирующие формы индонезийской исторической памяти. Их одновременное сосуществование в современной Индонезии указывает на то, что историческая и политическая память в стране развиваются в рамках фрагментированной модели. Консолидированная и компромиссная версия исторической и политической памяти в Индонезии на современном этапе не сложилась, а некоторые пласты в исторической памяти претендуют на статус репрессированной, вытесняемой и маргинализированной памяти. Тем не менее Индонезия в условиях транзита к демократии пережила и прошла через период формального вспоминания тех событий, которые ранее относились к числу нежелательных в силу причин политического и идеологического плана. При этом во внимание следует принимать и тот фактор, что это вспоминание носило в значительной степени условный характер, так как в Индонезии периода «нового порядка» события, связанные с политическим террором середины 1960-х гг., не были принудительно подвергнуты забыванию – их функционирование протекало в рамках официальной версии исторической памяти, в которой они получали соответствующую идеологически выверенную и политически маркированную оценку.

На современном этапе «*vergangenheitsbewältigung*» в отношении событий «*pembantaian di Indonesia 1965–1966*» более заметной становится тенденция к виртуализации тех пластов исторической памяти, которые связаны с описанием и восприятием массового политически мотивированного террора в Индонезии. Виртуализация одновременно содействует формализации памяти, делая некоторые ее пласты более неформальными. Она привела к более активному отражению событий «*pembantaian di Indonesia 1965–1966*» в Интернете и социальных сетях, одновременно содействуя разграничению различных пластов и версий исторической памяти в соответствии с идеологическими или политическими предпочтениями пользователей. Таким образом, события «*pembantaian di Indonesia 1965–1966*» сохраняют свою значимость для современной индонезийской исторической и политической памяти, которая продолжает развиваться как в значительной степени фрагментированная, а индонезийская «*vergangenheitsbewältigung*» относится к числу незавершенных процессов в контексте множественности исторических памятней и одновременно сосуществующих тактик, практик и стратегий проработки прошлого.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 3 Pemeran Sentral di Film Pengkhianatan G30S/PKI. – Режим доступа: <http://www.webcitation.org/6DAkNgHTy>
2. 40 Years of Silence: An Indonesian Tragedy. – Режим доступа: <http://40yearsofsilence.com/>
3. *Ahmad Yani*. Prajurit Patriot Sejati. – Bandung: Dinas Sejarah Angkatan Darat, 2013.
4. *Alfan M.* Sejarah untuk SMA dan MA Kelas XII. – Jakarta: Esis, 2003. Sejarah untuk SMAL Kelas XII. – Jakarta: Erlangga, 2006.
5. *Anderson B.* Petrus jadi ratu / B. Anderson // New Left Review. – 2000. – May – June. – № 3. – P. 7–15.
6. *Anderson B., McVey R.* A Preliminary Analysis of the 1 October 1965, Coup in Indonesia Interim (Reports Series). – Ithaca, NY: Cornell Modern Indonesia Project, 1971.
7. Apology to 1965 victims not necessary: GP Anshor // Jakarta Post. – 2012. – August 15. – Режим доступа: <http://www.thejakartapost.com/news/2012/08/15/apology-1965-purge-victims-not-necessarygp-anshor.html>
8. *Arifin C. Noer* // Antologi Drama Indonesia. – Jakarta: Yayasan Lontar, 2009. – Vol. 4. – P. 23–65.
9. *Arifin C. Noer* // The Lontar anthology of Indonesian Drama. – Jakarta: Lontar Foundation, 2010. – Vol. 3. – P. 3–49.
10. *Atmoko*. Banjir Darah di Kamp Konsentrasi: Catatan Harian Aktivis PNI dalam penjara G30S / Atmoko. – Jakarta, 2011.
11. *Atmowiloto A.* Pengkhianatan G30S/PKI. – Jakarta: Sinar Harapan, 1994. – 281 p.
12. *Bachtiar H. W.* Siapa Dia?: Perwira Tinggi Tentara Nasional Indonesia Angkatan Darat. – Jakarta: Penerbit Djambatan, 1988.
13. *Bambang Siswoyo P.* Bung Karno Dalam G30S/PKI. – Jakarta: Mayasari, 1988. – 80 p.
14. *Bambang Siswoyo P.* Menelusuri Peran Bung Karno dalam G30S-PKI. – Jakarta: Mayasari, 1989. – 192 p.
15. *Barker Th.* Mempertanyakan Gagasan «Film Nasional» // Mau Dibawa ke Mana Sinema Kita? / Khoo Gaik Cheng. Thomas Barker, Ekky Imanjaya. – Jakarta: Salemba Humanika, 2011.
16. *Beise K.* Apakah Soekarno Terlibat Peristiwa G30S? – Jakarta: Ombak, 2008. – 496 p.
17. *Biografi Arifin C. Noer* // Rampan K.L. Leksikon susastra Indonesia. – Jakarta, 2000. – P. 62.
18. Conference on 1965: tragedy overshadowed by FPI threat // Jakarta Post. – 2011. – January 19. – Режим доступа: <http://www.thejakartapost.com/news/2011/01/19/conference-1965-tragedy-overshadowed-fpithreat.html>
19. *Cribb R.* The Indonesian killings of 1965: studies from Java and Bali // Monash Papers on Southeast Asia (Monash University Centre of Southeast Asian Studies). – 1991. – № 21.
20. *Cribb R.* The Indonesian Marxist tradition // Marxism in Asia / eds. C. P. Mackerras and N. J. Knight. – L.: Croom Helm, 1985. – P. 251–272.
21. *Crouch H.* Another Look at the Indonesian «Coup» // Indonesia. – 1973. – April. – P. 1–20.

22. *Djakababa Y. M.* The construction of history under Indonesia's New Order: The making of the Lubang Buaya official narrative. – ProQuest LLC, 2013. – 330 p.
23. *Djarot E.* Siapa Sebenarnya Soeharto: Fakta Dan Kesaksian Para Pelaku Sejarah G 30 S/Pki. – Jakarta: Mediakita, 2006. – 117 p.
24. Dr. Nugroho Notosusanto. – Режим доступа: <http://insideindonesia.org/edit68/Nugroho1.htm>
25. *Drakeley S. M.* Lubang Buaya: myth, misogyny and massacre [Working papers of Monash Asia Institute on Southeast Asia. No 108]. – Monash: Monash University Centre of Southeast Asian Studies, 2000.
26. *Dydo T.* Pergolakan Politik Tentara: Sebelum dan Sesudah G30S/PKI. – Jakarta: Golden Terayon, 1989. – 172 p.
27. Editorial: after 45 years, the backlash // Jakarta Post. – 2010. – September 30. – Режим доступа: <http://www.thejakartapost.com/news/2010/09/30/editorial-after-45-years-backlash.html>
28. Fakta 2 persoalan sekitar Gerakan 30 September. – Jakarta, 1966.
29. *Fathers M., Higgins A.* Pembantaian Tiananmen: Tragedi Sebuah Gerakan Moral. – Jakarta: Grafiti, 1990. – 192 p.
30. *Fic V. M.* Anatomy of the Jakarta Coup: 1 October 1965: The Collusion with China which destroyed the Army Command // President Sukarno and the Communist Party of Indonesia. – Jakarta: Yayasan Obor Indonesia, 2005.
31. *Fic V. M.* Kudeta 1 Oktober 1965: sebuah studi tentang konspirasi. – Jakarta: Yayasan Obor Indonesia, 2005.
32. Film Pengkhianatan G30S/PKI di Mata Para Pemeran // Tempo. – 2012. – September 29. – Режим доступа: <http://www.tempo.co/read/news/2012/09/29/078432682/Film-Pengkhianatan-G30SPKI-di-Mata-Para-Pemeran>
33. Film Pengkhianatan G30S/PKI di Mata Para Sineas // Tempo. – 2012. – September 29. – Режим доступа: <http://www.tempo.co/read/news/2012/09/29/078432677/Film-Pengkhianatan-G-30-SPKI-di-Mata-Para-Sineas>
34. Film Pengkhianatan G30S/PKI, Dicerca dan Dipuji // Tempo. – 2012. – September 29. – Режим доступа: <http://www.tempo.co/read/news/2012/09/29/078432673/Film-Pengkhianatan-G-30-SPKI-Dicerca-dan-Dipuji>
35. Garin Nugroho: «Film ini adalah Sikap Politik Saya» // Tempo. – 2000. – 28 February. – Режим доступа: <http://www.webcitation.org/62bU5luBw>
36. Gerakan 30 September, pemberontakan Partai Komunis Indonesia: latar belakang, aksi, dan penumpasannya. – Jakarta: Sekretariat Negara, 1994.
37. Gerakan 30 September: Antara Fakta dan Rekayasa. – Jakarta: Media Pressindo, 2008. – 142 p.
38. *Hembing Wijayakusuma H. M.* Pembantaian Massal 1740: Tragedi Berdarah Angke. – Jakarta: Pustaka Populer Obor, 2005. – 252 p.
39. *Heryanto A.* State Terrorism and Political Identity in Indonesia: Fatally Belonging. – NY: Routledge, 2006. – P. 42.
40. *Hofschneider A.B.* Breaking from the "Silence" // The Harvard Crimson. – 2009. – February 20. – Режим доступа: <http://www.thecrimson.com/article/2009/2/20/breaking-from-the-silence-i-want/>
41. *Hughes J.* The End of Sukarno: A Coup that Misfired: A Purge that Ran Wild. – Archipelago Press, 2002.
42. Indonesia di tengah transisi: aspek-aspek sosial reformasi dan krisis / eds. Ch. Manning and B. van Diermen. – Yogyakarta: LKiS, 2000.

43. Indonesia unwilling to tackle legacy of massacres. – Режим доступа: <http://www.smh.com.au/world/indonesia-unwilling-to-tackle-legacy-of-massacres.html>
44. Indonesia's obligations to provide reparations to victim of gross human rights violations. International Center for Transitional Justice (ICTJ), Association for the families of the Disappeared in Indonesia (IKONI), KKPCK Coalition for Justice and Truth (KKPK), December 2011. – Режим доступа: <http://ictj.org/sites/default/files/ICTJ-Indonesia-Reparations-Policy-Briefing-2011-English.pdf>
45. Ismail Saleh Sang «Pendekar Hukum». – Режим доступа: <http://www.tokohindonesia.com/ensiklopedi/i/ismail-saleh/index.shtml>
46. *Jenkins D.* Soeharto & Barisan Jenderal ORBA: Rezim Militer Indonesia 1975–1983. – Jakarta: Komunitas Bambu, 2010. – 381 p.
47. Kekuatan Film Pengkhianatan G30S/PKI Luar Biasa // *Tempo*. – 2012. – September 29. – Режим доступа: <http://www.tempo.co/read/news/2012/09/29/078432670/Kekuatan-Film-Pengkhianatan-G-30-SPKI-Luar-Biasa>
48. *Khusus T.* Pengakuan Algojo 1965: Investigasi TEMPO Perihal Pembantaian 1965. – Jakarta: Tempo Publishing, 2013. – 177 p.
49. Komentar Soeharto Usai Lihat Film Pengkhianatan G30S/PKI // *Tempo*. – 2012. – September 29. – Режим доступа: <http://www.tempo.co/read/news/2012/09/29/078432676/Komentar-Soeharto-USai-Lihat-Film-G-30-S>
50. Komnas HAM: Pembantaian PKI adalah Pelanggaran HAM Berat // *Tempo*. – 2012. – 23 juli. – Режим доступа: <http://www.tempo.co/read/news/2012/07/23/063418811/Komnas-HAM-Pembantaian-PKI-adalah-Pelanggaran-HAM-Berat>
51. Komnas Ham report lays blame for 1965 – 1966 killings primarily on Suharto // *Jakarta Globe*. – 2012. – January 18. – Режим доступа: <http://www.thejakartaglobe.com/home/komnas-ham-report-lays-blame-for-1965-1966-killings-primarily-on-suharto/492017>
52. Konsolidasi dan Infiltrasi PKI 1950–1959 / ed. Saleh As'ad Djamhari. – Jakarta: Pusjarah TNI dan Yayasan Kajian Citra Bangsa, 2009. – 137 p.
53. Lembaran Hitam Dalam Sejarah Indonesi. – Jakarta: General Books, 2011. – 54 p.
54. Lubang-Lubang Pembantaian: Petualangan PKI di Madiun / Maksum, Agus Sunyoto, A. Zainuddin. – Jakarta: Pustaka Utama Grafiti untuk Jawa Pos, 1990. – 190 p.
55. *Luhulima J.* Menyingkap dua hari gelap di tahun 1965: melihat peristiwa G30S dari Perspektif Lain. – Jakarta: Kompas, 2006.
56. Mayjen TNI Anumerta Sutoyo Siswomiharjo. – Режим доступа: http://www.mabesad.mil.id/artikel/g30spki/artikel_sutoyo.htm
57. *McGregor K.* Forty years on. – Режим доступа: <http://www.insideindonesia.org/forty-years-on>
58. *McGregor K.* New Order generals needed new history books. Nugroho Notosusanto was their man. – Режим доступа: <http://www.insideindonesia.org/weekly-articles/a-soldiers-historian>
59. *McVey R.* Kemunculan Komunisme di Indonesia. – Jakarta: Komunitas Bambu, 2010. – 680 p.
60. *Mehr N.* Constructive Bloodbath in Indonesia: The United States, Great Britain and the Mass Killings of 1965–1966. – Spokesman Books, 2009.
61. *Mortimer R.* Indonesian Communism Under Sukarno: Ideology and Politics, 1959–1965. – Cornell University Press, 1974.
62. Museum Pengkhianatan PKI (Komunis). Jakarta, Indonesia. – Режим доступа: <http://www.latinamericanstudies.org/museum-pki.htm>

63. *Ongokham*. Soekarno, Orang Kiri, Revolusi dan G30S 1965. – Jakarta: Komunitas Bambu, 2009. – 219 p.
64. Opening that dark page. – Режим доступа: <http://www.insideindonesia.org/opening-that-dark-page>
65. Our Man in Jakarta // *Newsweek*. – 1983. – January 24.
66. *Pambudi A.* Fakta & Rekalayasa G30S Menurut Kesaksian Para Pelaku. – Jakarta: Media Pressindo, 2011. – 442 p.
67. *Pellegrini Ch.* Indonesia's unresolved mass murders: undermining democracy / ed. Esther Cann. – Режим доступа: http://tapol.org/sites/all/modules/custom/tpl_sorry/docs/Indonesias_unresolved_mass_murders.pdf
68. Pembantaian PKI di Jawa dan Bali 1965–1966 / ed. R. Cribb. – Jakarta: Mata Bangsa, 2004. – 447 p.
69. Pemberontakan G30S/PKI dan Penumpasannya / ed. Saleh As'ad Djamhari. – Jakarta: Pusjarah TNI dan Yayasan Kajian Citra Bangsa, 2009. – 372 p.
70. Pengakuan Algojo 1965: Investigasi TEMPO Perihal Pembantaian 1965. – Jakarta: Tempo, 2013. – 177 p.
71. *Penulis T.* Pahlawan Indonesia. – Jakarta: Media Pusindo, 2008.
72. Penumpasan Pemberontakan PKI 1948 / ed. Saleh As'ad Djamhari. – Jakarta: Pusjarah TNI dan Yayasan Kajian Citra Bangsa, 2009. – 254 p.
73. Penumpasan Pemberontakan PKI dan Sisa-sisanya 1965 – 1981 / ed. Saleh As'ad Djamhari. – Jakarta: Pusjarah TNI dan Yayasan Kajian Citra Bangsa, 2009. – 289 p.
74. Pernyataan terimakasih Sulami kepada komisi ham Asia. – Режим доступа: http://www.wirantaprawira.de/ykp/siaran_2.htm
75. *Pour J.* G30S: Fakta atau Rekalayasa. – Jakarta: Kata Hasta Pustaka, 2013. – 652 p.
76. *Pour J.* Gerakan 30 September: pelaku, pahlawan & petualang. – Jakarta, 2010.
77. *Puar Y.* Peristiwa Lubang Buaya. – Jakarta: Pustaka Antara, 1975. – 79 p.
78. *Purwanto.* Sejarah untuk SMA/MA Kelas XII IPS. – Jakarta: PT Galaxy Puspa Mega, 2006.
79. *Rachman A., Haryanto U.* 46 Years On, Coup Victims Still Battle for Compensation // *Jakarta Globe*. – 2011. – September, 30. – Режим доступа: <http://thejakartaglobe.beritasatu.com/archive/46-years-on-coup-victims-still-battle-for-compensation/468634/>
80. Reconciling Indonesia: grassroots agency for peace / ed. B. Braüchler. – NY., 2009.
81. *Robinson R.* Soeharto & Bangkitnya Kapitalisme Indonesia. – Jakarta: Komunitas Bambu, 2012. – 341 p.
82. *Roosa J.* Dalih Pembunuhan Massal: Gerakan 30 September dan Kudeta Suharto. – Jakarta: Hasta Mitra, 2008.
83. *Roosa J.* Pretext for Mass Murder: The September 30th Movement and Suharto's Coup d'État in Indonesia. – Madison, Wisconsin: The University of Wisconsin Press, 2006.
84. *Rutherford A.* Poetics and Politics in Garin Nugroho's «A Poet» // *Senses of Cinema*. – 2001. – November. – Issue 17. – Режим доступа: <http://sensesofcinema.com/2001/feature-articles/poet/>
85. *Said S.* Dari Gestapu ke Reformasi: Serangkaian Kesaksian. – Jakarta: Penerbit Mizan, 2013. – 586 p.
86. Saksi dan pelaku Gestapu: pengakuan para saksi dan pelaku sejarah Gerakan 30 September 1965. – Jakarta: Penerbit Media Pressindo, 2005.
87. Sekitar penggalian kuburan massal didekat Wonosobo. – Режим доступа: http://www.wirantaprawira.de/ykp/siaran_1.htm

88. Selected Documents Relating to the September 30th Movement and Its Epilogue // Indonesia. – 1966. – April. – P. 131–205.
89. *Showfan I.* Chairul Saleh: si bangal dari lubuk jantan // Haluan. – 2013. – 20 Januari. Режим доступа: http://www.harianhaluan.com/index.php?option=com_content&view=article&id=20550:chairul-saleh-si-bengal-dari-lubuk-jantan&catid=41:kultur&Itemid=193
90. Sosok 'Dalang' Film Pengkhianatan G30S/PKI // Tempo. – 2012. – September 29. – Режим доступа: <http://www.tempo.co/read/news/2012/09/29/078432671/Sosok-Dalang-G30S-PKI>
91. Students confused by conflicting facts about Sept. 30 coup // Jakarta Post. – 2010. – October 1. – Режим доступа: <http://www.thejakartapost.com/news/2010/10/01/students-confused-conflicting-about-sept-30-coup.html>
92. *Subandrio.* Kesaksianku Tentang G30S. – Jakarta: Forum Pendukung Reformasi Total, 2001. – 81 p.
93. *Subandrio.* Peristiwa G 30 S: Yang Saya Alami. – Jakarta: PT Bumi Intitama Sejahtera, 2006. – 125 p.
94. *Sudarmanto Y. B.* Jejak-Jejak Pahlawan dari Sultan Agung hingga Syekh Yusuf. – Jakarta: Penerbit Grasindo, 1996.
95. Sulami Djoyoprawiro. – Режим доступа: <http://www.wirantaprawira.de/ypkp/sulami.htm>
96. *Sulistyo H.* Palu Arit di Ladang Tebu: Sejarah Pembantaian Massal yang Terlupakan (1965–1966). – Jakarta: Kepustakaan Populer Gramedia, 2000. – 292 p.
97. *Sumarwan A.* Menyeberangi sungai air mata: kisah tragis tapol'65 dan upaya rekonsiliasi. – Yogyakarta: Kanisius, 2007. – P. 323–375.
98. *Suroso S.* Akar dan Dalang: Pembantaian Manusia Tak Berdosa dan Penggulingan Bung Karno / eds. K. Soebagyo Toer, Bilven. – Jakarta: Ultimus, 2013. – 264 p.
99. *Suryawan N.* Ladang Hitam di Pulau Dewa: Pembantaian Massal di Bali 1965. – Jakarta: Percetakan Galangpress, 2007. – 264 p.
100. *Tan P. J.* Teaching and remembering: The legacy of the Soeharto era lingers in school history books // Inside Indonesia. – 2011. – April 17. – Режим доступа: <http://people.uncw.edu/tanp/InsideIndonesiaTextbooks.html>
101. *Tan Swie Ling.* G30S 1965, Perang Dingin dan Kehancuran Nasionalisme: Pemikiran Cina Jelata Korban Orba. – Jakarta: Komunitas Bambu, 2010. – 587 p.
102. *Tanter R.* Witness denied. – Режим доступа: <http://www.insideindonesia.org/witness-denied>
103. Teror Orde Baru: Penyelewengan Hukum dan Propaganda 1965 – 1981 / Julie Southwood, Patrick Flanagan, Usman Hamid. – Jakarta: Komunitas Bambu, 2013. – 368 p.
104. The Act of Killing. – Режим доступа: <http://theactofkilling.com/> (Jagal. – Режим доступа: <http://jagalfilm.com/>).
105. Transitional Justice in Indonesia since the fall of Soeharto. International Center for Transitional Justice (ICTJ), Commission for the Disappeared and Victims of Violence (KontraS), July 2011. – Режим доступа: http://ictj.org/sites/default/files/ICTJ-KontraS-Indonesia-Derailed-Report-2011-English_0.pdf
106. *Wirawan R. B.* Kisah Dua Bersaudara dari Wonosobo // Kompasiana. – 2011. – January 31. – Режим доступа: <http://sejarah.kompasiana.com/2011/01/31/kisah-dua-bersaudara-dari-wonosobo-337327.html>
107. *Zurbuchen M.* Looking back to move forward / M. Zurbuchen. – Режим доступа: <http://www.insideindonesia.org/looking-back-to-move-forward>

ФЕНОМЕН ХУАЦЯО В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Аннотация: анализируются проблемы современного состояния китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии. Исследуется роль китайских сообществ в экономической жизни. Рассматриваются проблемы развития и сохранения китайской идентичности. Анализируется положение китайских сообществ в различных странах региона, выявляются общие тенденции и региональные особенности их развития и трансформаций. Раскрывается роль китайских сообществ в контексте китайской внешней политики.

Ключевые слова: хуацяо, Китай, Юго-Восточная Азия, интеграция.

Abstract: the author analyzes the problems of Chinese diaspora current state in Southeast Asia. The role of Chinese communities in economic life is analyzed. The problems of development and preservation of Chinese identity are also in the centre of the article. The situation of the Chinese community in the various countries of the region is analyzed, common trends and regional characteristics of their development and transformations are identified. The role of Chinese community in the context of Chinese foreign policy is also touched upon in the text.

Keywords: huaqiao, China, Southeast Asia, integration.

Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии (далее – ЮВА) представляет собой весьма важный феномен системы международных отношений региона. Этническая сплоченность, глубокие патриотические чувства и колоссальные финансовые возможности китайской диаспоры позволяют ей в значительной степени определять вектор экономического развития не только Китая, но и всей Юго-Восточной Азии.

На долю преуспевающих китайских переселенцев за рубежом приходится более двух третей общего объема зарубежных инвестиций в китайскую экономику. Они, составляя всего 3 % населения Индонезии, контролируют почти 70 % национальных предприятий этой страны; в Таиланде им принадлежат крупнейшие банки; на Филиппинах через их предприятия проходит 35 % совокупного торгового оборота [4]. Тех, кого в свое время воспитывал и лелеял Китай, и чья помощь впоследствии стала мощным подспорьем китайскому «экономическому чуду», называют хуацяо.

Официальная трактовка китайского закона о защите прав и интересов эмигрантов определяет хуацяо как китайских граждан, которые имеют вид на жительство в стране проживания, а зарубежную диаспору китайцев – как потомков бывших хуацяо, или китайцев, которые уже имеют гражданство другого государства или вид на жительство [13].

Массовая китайская эмиграция в ЮВА имеет долгую историю. Первая волна возникла еще в XVII в., после того как в Китае установилось господство

Маньчжурской императорской династии Цин. Переселенцами в основном были торговцы и ремесленники. В XIX в., когда в европейских колониях ЮВА и Северной Америке оказалась востребованной китайская рабочая сила, образовалась вторая волна, состоявшая, главным образом, из кули (рабочих).

Третья началась в 80-е гг. XX в. в связи с переходом Китайской народной республики (далее – КНР) к политике реформ и открытости, включая изменение курса по отношению к эмигрантам. Органы по работе с китайцами, проживающими за рубежом, разработали ряд мер, призванных создать льготные условия для реэмигрантов, их родственников и зарубежных китайцев. В качестве практических шагов осуществлялась либерализация выезда за границу, разрешалась выплата денежных переводов, упрощались правила въезда в КНР. Иными словами, руководство Китая стало рассматривать родственников хуацяо и реэмигрантов как важное звено установления контактов с зарубежными китайцами. На них возлагалась задача пропаганды и разъяснения политики Пекина среди «заграничных друзей», а также активное привлечение инвестиций хуацяо на материк [3]. Последняя волна эмиграции, продолжающаяся и в настоящее время, придала облику мировой китайской диаспоры новые черты, соответствующие вызовам современной эпохи: хуацяо нового поколения имеют более высокое образование, получают высокие должности и активно развивают бизнес-корпорации.

Сегодня в ЮВА проживает около 75 % всех зарубежных китайцев, что составляет 6 % от общего населения стран Индокитая и равно 28,2 млн человек [12]. Несмотря на общую схожесть китайских диаспор в странах ЮВА, можно выделить несколько отличающихся моделей по степени ассимиляции и положению в обществе.

К числу неассимилировавшихся диаспор региона относят китайские общины, проживающие в Малайзии и Индонезии.

Зарубежные китайцы в Малайзии являются неотъемлемой составляющей полиэтнического общества страны, при этом этническое самосознание, национальный язык и самобытная культура ханьцев до сих пор сохраняются в их жизни в значительной степени. Сегодня китайские дети на территории Малайзии получают начальное и среднее образование в сети частных школ на китайском языке, которые спонсируются финансово влиятельными членами китайской общины. При этом особое внимание представители китайской диаспоры в Малайзии уделяют изучению английского языка, что позволяет им быть мобильной частью общества, сохраняя при этом высокую степень этнического самосознания.

Поддержку национальной идентичности ханьцев также обеспечивает пресса на китайском языке и сформировавшаяся местная литература малазийских китайцев на китайском, английском и даже малайском языках. В свою очередь тот факт, что в преобладающем большинстве браки малайские китайцы заключают строго внутри диаспоры и отнюдь не приветствуют межэтнические

союзы, также свидетельствует о наличии четких культурных границ общества зарубежных китайцев в стране [11].

Одним из основных факторов, разделяющих китайское и малайское общества, стали религиозные верования сторон. Китайские религиозные верования носят синкретический характер, что делает китайцев исключительно веротерпимыми. В свою очередь малайцы, как известно, – глубоко верующие мусульмане, для которых типична нетерпимость к иноверцам, что формирует определенное напряжение между сторонами. Однако руководство Малайзии осознает, что в распоряжении современной китайской диаспоры в стране находятся рычаги экономического воздействия, в связи с чем напряженность больше проявляется в культурно-экономическом аспекте, нежели в религиозном. В целом, как отмечает исследователь ИВ РАН Е. В. Новикова: «Малайский ислам и хуацяо успешно игнорируют существование друг друга» [7].

При этом обе национальности связывает общая история, совместная борьба за независимость Малайзии против английских колонизаторов, а сегодня – общность национальных интересов. Вместе с тем хуацяо представлены в правительстве и парламенте Малайзии, что дает им возможность участвовать в выработке курса развития страны.

Что касается развития китайского бизнеса и многочисленных предприятий хуацяо в стране, в определенной степени составляющих основу развития малайской экономики, то они вовлечены в различные секторы промышленности и сферы услуг. Ярким примером активного инвестирования представителей китайской диаспоры Малайзии в развитие городов является строительство небезызвестного MinesResort в фешенебельном квартале Куала-Лумпура. Ранее на этой территории находился оловянный рудник, который был выкуплен одним из представителей хуацяо, владельцем крупнейшего в Малайзии ипподрома, и превращен в парк, построенный по правилам фэншуй. Там же были возведены пятизвездочные отели, небольшой жилой квартал – место проживания политической и финансовой верхушки страны, – а в 2008 г. началось строительство жилого комплекса из пяти высотных зданий, предназначенных под жилье [8]. Более того, китайскому капиталу принадлежит 32 из 37 коммерческих банков Малайзии, причем уставной капитал только трех крупнейших из этих банков составляет около 50 млрд долл. [8]. Хуацяо контролируют и других участников финансовой системы Малайзии – финансовые компании, заводы и фабрики. Таким образом, хуацяо Малайзии на собственном примере показали, что основные ценностные установки китайской культуры, пусть даже выраженные средствами экономического влияния, обеспечивают культурное существование диаспоры даже в отрыве от своей исторической родины.

Положение неассимилировавшейся китайской диаспоры в Индонезии отличается от условий существования малайских хуацяо. Прежде всего, ранее индонезийское руководство всегда использовало дифференцированный подход к зарубежным китайцам в зависимости от их социально-экономического статуса и

политических взглядов. Нередко крайне обеспеченным китайцам-бизнесменам, проживающим в стране, предоставлялись различные монополии и льготы, в то время как против основной массы хуацяо действовала широкая антикитайская кампания, сопровождавшаяся погромами китайской собственности.

Однако стремительный рост предприятий хуацяо в стране в определенной степени сформировал их экономическую независимость от власти. В свою очередь царившая главным образом во время правления президента Сухарто дискриминация в отношении представителей китайской диаспоры в Индонезии не сумела подорвать доминирующих позиций ханьцев в финансовой и предпринимательской сферах, ведь способность выживать во враждебной среде является отличительной особенностью китайского этноса [10].

Сегодня миллионы индонезийцев работают на китайцев, при этом провозглашенный правительством Индонезии курс на равные возможности для всех национальностей и конфессий имеет определенные трудности в реализации.

Если говорить о межэтнических браках, то основным препятствием является разница в конфессиональной принадлежности, поэтому смешанные браки чаще всего заключаются только при условии общего вероисповедания, но отнюдь не приветствуются ни китайским, ни индонезийским обществом.

Что касается бизнеса индонезийских хуацяо, то они контролируют 73 % экономики страны, возглавляя 9 из 10 крупнейших финансовых групп. Среди предприятий китайской диаспоры в стране – 70 % частных банков, 10 крупнейших страховых компаний, различные сети супермаркетов. Объем экспорта деловой древесины и фанеры Индонезии составляет 70 % международного рынка, причем четырьмя крупнейшими производителями деловой древесины являются корпорации зарубежных китайцев, им же принадлежит наибольшая часть в объеме производства и продаж табачной продукции в Индонезии [2].

В результате высокая значимость капитала китайской диаспоры в экономике Индонезии в определенной степени сдерживает разрастание напряженности между представителями двух народов с самобытной неассимилировавшейся культурой. Среди ассимилировавшихся диаспор выступают зарубежные китайцы, проживающие в Таиланде, Вьетнаме, на Филиппинах. В Таиланде китайцы ассимилировались в большей степени, чем в других странах ЮВА. Большинство ханьцев рассеяно по столице, где сформировался крупный Чайна-таун.

Примечательно, что в семьях тайских хуацяо два-три ныне живущих поколения не говорят по-китайски и искренне считают себя тайцами. При этом они соблюдают древние китайские традиции и активно используют возможность изучать китайский язык. Таким образом, богатая и влиятельная китайская диаспора дистанцируется от местного населения не по этническим, а по экономическим характеристикам: ханьцы, проживающие в Таиланде, контролируют более 80 % компаний, котирующихся на тайской фондовой бирже, включая четыре самых крупных частных банка страны.

Третьим типом общин хуацяо в ЮВА является китайская диаспора в Сингапуре, занимающая доминирующее положение среди населения. Для сингапурских хуацяо неизменным остается осознание кланового родства, культ предков и ориентация жизненных ценностей на традиционную китайскую модель культурного развития и формирования личности. Представители китайской диаспоры в Сингапуре нередко говорят: «Можно быть жителем Сингапура, Малайзии или любой другой страны, однако, по сути, мы всегда останемся китайцами» [14].

Примечательно, что образовательная система Сингапура предполагает обязательное изучение английского языка, наряду с которым в школах ученики должны изучать второй – родной язык. Иными словами, языковая политика государства требует, чтобы все учащиеся, являющиеся сингапурцами или постоянными его жителями, изучали соответствующие официальные родные языки – китайский, малайский и т.д.

Нельзя не сказать и о реализуемой сингапурским правительством политике национальной интеграции, в рамках которой устанавливается максимальный процент жителей одной национальности в каждом жилом блоке, что служит гарантией для предотвращения формирования центров инакомыслия и скопления недовольства по национальному или религиозному признаку. Таким образом, согласно данным мерам, если количество жителей, принадлежащих к одной национальности, начинает превышать установленную квоту, продажа квартир в этом блоке лицам данной категории прекращается.

Все это свидетельствует о наличии отличительных черт в образе жизни сингапурских хуацяо и населения континентального Китая, при этом оценка внутрикультурных особенностей данной этнической группы в Сингапуре делает правомерным утверждение о существовании китайской диаспоры в стране.

Если говорить о роли сингапурских хуацяо в экономике страны, то их влияние в финансовом секторе, как и в большинстве стран региона, весьма значительное. Зарубежные китайцы здесь давно переориентировались на высокотехнологичную и наукоемкую промышленность, с развитием которой стали владельцами крупнейших транснациональных корпораций мира. Кроме высокотехнологичного сектора, зарубежные китайские предприниматели Сингапура также заняты в пищевой и добывающей промышленности, в операциях с недвижимостью, животноводстве, производстве игрушек, электроники и т.д.

В целом китайская диаспора стран ЮВА является весьма неоднородной с точки зрения ассимиляции с коренными народами государств региона. Однако огромный капитал, технологии, предпринимательский опыт и международные связи диаспоры в определенной степени сдерживают разрастание напряжения в отношениях как с руководством стран региона, так и с их населением.

В свою очередь экономика Китая сегодня также имеет тенденции к росту, особенно это касается районов Южного Китая – родины предков многих хуацяо в странах ЮВА. В последние годы КНР отличается завидной стабильно-

стью политической и социальной обстановки, постепенно улучшаются условия для капиталовложений, совершенствуется их правовое обеспечение, упрощаются процедуры регистрации предприятий с участием зарубежного капитала, что является основными причинами многочисленных инвестиций хуацяо в экономику Великой Поднебесной. Зарубежных китайцев также привлекает наличие дешевой рабочей силы и огромный потребительский рынок, способствующие развитию предпринимательской деятельности. Таким образом, рост экономической мощи КНР ускоряется благодаря финансовой помощи хуацяо и способствует активному развитию китайского бизнеса за рубежом.

Примечательно, что для повышения вклада китайской диаспоры ЮВА в решение задач модернизации КНР Пекин создал достаточно благоприятствующий режим преференций. В число привилегий, предоставленных инвесторам – хуацяо, входит отказ китайского правительства от национализации их инвестиций и другой собственности, возможность перевода после уплаты налогов прибылей и других доходов и денежных сумм за границу.

Принято решение не облагать ввозными пошлинами и единым промышленно-торговым налогом и не требовать импортных лицензий на ввозимые в КНР машинное оборудование, детали, топливо, сырье, используемые в производстве, в пределах общей суммы капиталовложений. Поощряется создание совместных предприятий китайского и эмигрантского капитала, приглашенный из-за границы технический и управленческий персонал получает открытые въездные и выездные визы [3]. Иначе говоря, в КНР создан и задействован достаточно эффективный механизм регулирования отношений государственных структур с китайской общиной, в частности в ЮВА.

Предприятия хуацяо в данном регионе сегодня – это крупные холдинги с миллиардными оборотами. Среди них многопрофильная компания Chia Tai в Таиланде (200 000 работников, товарооборот в 2008 г. – \$7,2 млрд) занимается сельским хозяйством, телекоммуникациями, ритейлом, недвижимостью, продажей автомобилей; группа предприятий Century Golden Resources Group на Филиппинах (15 000 работников, товарооборот за 2008 г. – \$14,9 млрд) продает недвижимость, имеет сеть отелей; компании ATI, Apronix, UTStarCom и другие. Колоссальный потенциал китайской диаспоры в ЮВА далеко не исчерпан: она контролирует объем товаров и услуг, эквивалентный по стоимости половине ВВП Китая, около трети высокотехнологичных предприятий Силиконовой долины основано выходцами из Китая, 16 из 200 самых богатых людей мира – представители китайской диаспоры в ЮВА [4].

Очевидно, что китайская диаспора Индокитая является главной основой экономической интеграции КНР со странами АСЕАН. По мнению профессора Сингапурского университета Денни Роя, наличие за рубежом китайских общин обеспечивает Китаю долговременные преимущества в конкуренции за создание экономической империи в Азии. Преимущества и выгоды, которые дает растущая зарубежная диаспора китайцев, пронизанная родственно-этни-

ческими, экономическими, информационными и иными связями не только внутри себя, но и со своей Родиной, все в большей степени несут в себе признаки сетевых благ, для которых в первую очередь характерна зависимость ценности самой сети от числа акторов [9].

Примечательно, что за последние 10–15 лет руководство КНР стало рассматривать китайскую диаспору в ЮВА не только как важный источник инвестиций и технологий, но и как инструмент глобальной политики. Борьба за доминирование в регионе между Китаем и США постепенно обостряется. ЮВА становится одним из основных центров мирового развития и экономического роста, занимает важнейшее геополитическое положение на стыке Индийского и Тихого океанов, его пересекают важнейшие мировые торговые пути. Многочисленное население стран АСЕАН формирует один из наиболее быстрорастущих потребительских рынков, а природные ископаемые – от нефти до олова – не могут не привлекать основных игроков на международной арене.

Как правило, представители китайской общины в данном регионе напрямую не участвуют в политических процессах. Основную их силу составляет экономическая мощь, поэтому они сохраняют значительные экономические рычаги лоббирования собственных интересов и, таким образом, зачастую оказываются достаточно крепко связаны с политическими силами. Спонсирование предвыборных кампаний, взятки, «откаты» – это только часть их инструментов влияния на политическую сферу. Бизнес-кампании зарубежных китайцев нередко способствуют слиянию бизнеса и политики. Некоторые исследователи утверждают, что китайские компании помогли президенту Индонезии Сухарто занять доминирующие позиции, за счет чего сохранили свой бизнес в данном государстве, расширили влияние и получили определенные преимущества в виде эксклюзивных контрактов, кредитов и т.д. [1].

Призывая зарубежных китайцев «способствовать великому делу объединения родины», руководство КНР пытается использовать хуацяо и в пропаганде непримиримой борьбы с Тайванем, чтобы полностью изолировать его от внешнего мира. В качестве одного из средств пропагандистской войны в КНР нередко проводятся съезды соотечественников, посвященные объединению Китая. Подчеркивая важность роли, отводимой диаспоре, воспринимая ее как своего рода «продолжение» Китая, руководители государства неизменно присутствуют на посвященных ей общенациональных мероприятиях, а выезжая за границу, включают в программы своих визитов встречи с представителями местных китайских общин.

Изменение качественного состава, увеличение численности хуацяо при одновременном и взаимосвязанном поднятии государственной мощи Китая способствуют популяризации в ЮВА китайского языка и китайской культуры. Их ареал распространения неуклонно расширяется благодаря снятию политических ограничений на изучение и использование китайского языка, все больше необходимого для ведения крупного бизнеса в регионе. Это свидетельствует о развитии и укреплении культурной интеграции Китая со странами Индокитая.

Вместе с тем вклад китайской диаспоры в экономику стран ЮВА нельзя оценить однозначно. Бесспорно, экономика этих стран получает несомненные выгоды от использования китайского труда, капитала и предпринимательского опыта. Деятельность китайского меньшинства способствует росту таких базовых показателей, как ВВП, объем экспорта, средние доходы населения. Благодаря своим деловым связям за рубежом китайцы помогли странам региона интегрироваться в глобальный рынок. Не являясь создателями новых современных технологий, они перенесли на местную почву уже обкатанные технологии из развитых государств. Стоит отметить, что ряд компаний, созданных представителями китайской эмиграции в странах АСЕАН, входит в число 500 крупнейших транснациональных компаний мира.

Однако некоторые специалисты считают невозможным ответить на вопрос: ускорила или замедлила деятельность хуацяо развитие стран их проживания? Среди аспектов негативного воздействия их деятельности можно отметить сосредоточение китайского меньшинства в наиболее доходных секторах экономики, тогда как на долю коренного населения остаются низкопроизводительные и малодоходные отрасли, что осложняет переход стран региона к индустриальной экономике [5]. Более того, нередко представители китайской общины в ЮВА переводят на свою этническую родину накопления, размеры которых в последние годы превышают объем инвестиций КНР в страны региона. Это, соответственно, не оказывает конструктивного влияния на рост экономической мощи стран проживания зарубежных китайцев.

Ситуация осложняется еще и тем, что в странах ЮВА гигантского северного соседа рассматривают не только как источник огромных экономических возможностей, но и с точки зрения потенциальной стратегической угрозы – превращение стран АСЕАН в сырьевой придаток Китая. Вместе с тем на фоне успехов Китая в экономике и укрепления его политических позиций в регионе не растет китайский национализм и уверенность в том, что китайский юань станет валютой стран региона, а китайский язык – общепринятым средством коммуникации в рамках формирующегося общего рынка стран ЮВА и КНР.

Как отмечает профессор Д. Мосяков, Китай в свою очередь всеми силами стремится показать, что он – азиатская страна, которая на равных разговаривает со своими азиатскими партнерами; лучше, чем Запад, понимает проблемы стран ЮВА и готов во многом бескорыстно прийти им на помощь в случае возникновения непредвиденных проблем; и культурно, и ментально представляет со странами региона общий мир азиатских ценностей, противостоящих Европе, США и Западу в целом [6].

Китайская диаспора, таким образом, может оказаться весьма эффективным инструментом в утверждении в регионе образа КНР как миролюбивой и ответственной державы, строго придерживающейся правил цивилизованного поведения, а также в развитии усилий по дальнейшему упрочению экономической интеграции и утверждению культурного влияния Великой Поднебесной в ЮВА.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Анохина Е. С.* Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии / Е. С. Анохина // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2012. – № 361. – С. 62–65.
2. *Афонасьева А. В.* Экономическое влияние хуацяо в Юго-Восточной Азии : перспективы для Китая / А. В. Афонасьева. – Режим доступа: http://www.synologia.ru/a/Экономическое_влияние_хуацяо_в_Юго-Восточной_Азии:_перспективы_для_Китая
3. *Борисова А.* Зарубежные китайцы / А. Борисова // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 5. – С. 28–33.
4. *Дружинин С.* Китайские масоны / С. Дружинин. – Режим доступа: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/4332>
5. *Ларин А. Г.* Мировая китайская диаспора и новая миграционная концепция России / А. Г. Ларин // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2013. – № 18. – С. 193–222.
6. *Мосяков Д.* США – Китай : обострение противоречий в Юго-Восточной Азии / Д. Мосяков // Азия и Африка сегодня. – 2007. – № 7. – С. 30–33.
7. *Новикова Е. В.* Социокультурный облик современной китайской диаспоры Малайзии и Сингапура / Е. В. Новикова // Юго-Восточная Азия : актуальные проблемы развития. – 2003. – № 11. – С. 199.
8. *Новикова Е. В.* Традиционные культы малайских китайцев в контексте современности / Е. В. Новикова // Юго-Восточная Азия : актуальные проблемы развития. – 2009. – Вып. 13. – С. 261–271.
9. *Стровский Л. Е., Цзян Цзин.* Роль Хуацяо в развитии китайской экономики / Л. Е. Стровский, Цзян Цзян // Вестник УГТУ–УПИ. – 2008. – № 2. – С. 64–72.
10. *Орлова М. В.* Китайские диаспоры в Индонезии и Малайзии / М. В. Орлова // Юго-Восточная Азия : актуальные проблемы развития. – М. : Институт востоковедения РАН. – Вып. XII (ЮВА 2008–2009 гг.), 2009. – С. 169.
11. *Kent J.* The Chinese have helped shape the history of the Malay peninsula for more than 600 years // BBC News. – Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4308241.stm>
12. *The world factbook 2010* // Central Intelligence Agency website. – Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/region/region-eas.html>
13. *Zhōnghuá rénmin gònghéguó guīqiáo qiáojuàn quán yì bǎohù fǎ.* – Режим доступа: <http://www.chinaqw.com/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html>
14. *Zhuāng guótǔ. Dōngnányà huáqiáo huárén shùliàng de xīn gūsuan* // Xiàmén dàxué xuébào. 2009, № 3. С. 64.

REFERENCES

1. *Anokhina E. S.* Kitayskie diaspory i «novaya» kitayskaya migratsiya v stranakh Yugo-Vostochnoy Azii / E. S. Anokhina // Vestnik Tomsk. gos. un-ta. – 2012. – № 361. – С. 62–65
2. *Afonas'eva A. V.* Ekonomicheskoe vliyanie khuatsyao v Yugo-Vostochnoy Azii : perspektivy dlya Kitaya / A. V. Afonas'eva. – Rezhim dostupa: http://www.synologia.ru/a/Экономическое_влияние_кхуатсяо_в_Юго-Востоchnoy_Азии:_perspektivy_dlya_Kitaya

3. *Borisova A.* Zarubezhnye kitaytsy / A. Borisova // Aziya i Afrika segodnya. – 2002. – № 5. – S. 28–33
4. *Druzhinin S.* Kitayskie masony / S. Druzhinin. – Rezhim dostupa: <http://www.chinapro.ru/rubrics/2/4332>
5. *Larin A. G.* Mirovaya kitayskaya diaspora i novaya migratsionnaya kontseptsiya Rossii / A. G. Larin // Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'. – 2013. – № 18. – S. 193–222.
6. *Mosyakov D.* SSHA – Kitay : obostrenie protivorechij v Yugo-Vostochnoy Azii / D. Mosyakov // Aziya i Afrika segodnya. – 2007. – № 7. – S. 30–33.
7. *Novikova E. V.* Sotsiokul'turnyy oblik sovremennoy kitayskoy diaspory Malayzii i Singapura / E. V. Novikova // Yugo-Vostochnaya Aziya : aktual'nye problemy razvitiya. – 2003. – № 11. – S. 199.
8. *Novikova E. V.* Traditsionnye kul'ty malayskikh kitaytsev v kontekste sovremenno-
sti / E. V. Novikova // Yugo-Vostochnaya Aziya : aktual'nye problemy razvitiya. – 2009. – Vyp. 13. – S. 261–271.
9. *Strovskiy L. E., Tszyn Tszin.* Rol' Khuatsyao v razvitii kitayskoy ekonomiki / L. E. Strovskiy, Tszin Tszyn // Vestnik UGTU–UPI. – 2008. – № 2. – S. 64–72.
10. *Orlova M. V.* Kitayskie diaspory v Indonezii i malayzii / M. V. Orlova // Yugo-Vostochnaya Aziya : aktual'nye problemy razvitiya. – M. : Institut vostokovedeniya RAN. – Vyp. XII (YuVA 2008–2009 gg.), 2009. – S. 169.
11. *Kent J.* The Chinese have helped shape the history of the Malay peninsula for more than 600 years // BBC News. – Rezhim dostupa: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4308241.stm>.
12. The world factbook 2010 // Central Intelligence Agency website. Rezhim dostupa: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/region/region-eas.html>
13. Zhōnghuá rénmin gònghéguó guīqiáo qiáojuàn quán'yì bǎohù fǎ (Law on the Protection of the rights and interests of immigrants). – Rezhim dostupa: <http://www.chinaqw.com/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html>
14. Zhuāng Guótǔ. Dōngnányà huáqiáo huárén shùliàng de xīn gūsuàn (Zhuang Gotu. The new estimate amounts of Overseas Chinese in Southeast Asia) // Xiàmén dàxué xuébào (Scientific Bulletin of Xiamen University). 2009, № 3. P. 64

ТЕМА НОМЕРА: ВОСТОКОВЕДНЫЕ ШТУДИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ

М. Х. Имазов

ПЕРВОЕ ВОСТОКОВЕДНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ

Аннотация: анализируются история и современное состояние развития дунгановедения в Кыргызстане. В статье рассматриваются важнейшие работы, которые формируют корпус классических текстов в современном дунгановедении.

Ключевые слова: востоковедение, дунгановедение, Кыргызстан, организация науки.

Abstract: the author analyzes a history and current state of development of Dungan Studies in Kyrgyzstan. The article analyzes the main stages and the most important works, which form the corpus of classical texts in modern Dungan Studies.

Keywords: Oriental Studies, Dungan Studies, Kyrgyzstan, organization of science.

Дунгановедение как отрасль востоковедения сформировалось в Кыргызстане в начале 30-х гг. прошлого века. Однако зародиться оно стало гораздо раньше. Еще в 1819 г. в «Сибирском вестнике» содержались сведения о «тунгунах», живших в Кульдже и его окрестностях. Затем появились работы А. Борнса «Путешествие в Бухару» (1849), Палладия (П. И. Кафарова) «Китайская литература магометан» (1887), Ф. Пояркова «Последний эпизод дунганского восстания» (1901), А. Шмакова и В. Цибузгина «Заметки о жизни дунган селения Каракунуз Пишпекского уезда Семиреченской области» (1909) и др. Особенно интересной представляется ниточка, связывавшая зарождавшуюся отрасль востоковедения в Кыргызстане с восточным факультетом Санкт-Петербургского университета, выпускник которого Василий Иванович Цибузгин вместо блестящей карьеры преподавателя знаменитого вуза предпочел должность учителя в русско-туземной школе в далеком дунганском селе Каракунуз Пишпекского уезда. Именно В. И. Цибузгин вместе с местным учителем Джебуром Мадзивановым в начале XX в. создал первый дунганский учебник, рукопись которого хранится в библиотеке Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской академии наук.

Систематические сведения о материальной и духовной культуре дунган стали публиковаться в начале XX в. Именно тогда постепенно обозначился предмет исследования особой отрасли китаеведения, а еще шире – востоковедения-дунгановедения. Уже в 1930-х гг. наметились два центра по изучению проблем дунгановедения: Фрунзе и Алма-Ата. Во Фрунзе разрабатывались

филологические проблемы, а в Алма-Ате – историко-этнографические. Начали с создания дунганской национальной письменности, основанной на латинской графике, которая официально была утверждена в 1932 г. В разработке принимали участие известные уже тогда деятели науки и образования: Ясыр Шиваза, Евгений Дмитриевич Поливанов, Касым Тыныстанов, Якуб Джон, Александр Александрович Драгунов, Юсуп Цунваза, Джума Абдулин, Юсуп Яншансин и др. Она была создана и принята вопреки мнению о том, что фонетическая письменность для языков изолирующего типа (китайского, дунганского и т.д.) не пригодна, что для них подходят только иероглифы, а не буквы.

В последующие годы во Фрунзе в Научно-исследовательском институте киргизского языка и письменности крупнейшим востоковедом-лингвистом профессором Е. Д. Поливановым и С. Н. Врубелем изучаются вопросы структуры дунганского языка; совместно с Ю. Яншансином и Р. Магиевым ими же создаются первые школьные учебники. В Алма-Ате В. Ф. Шахматов, Х. Юсуров и К. Маев публикуют первые статьи об истории и культуре дунган. Самыми значительными трудами тех лет были школьная «Грамматика дунганского языка» Е. Д. Поливанова и Ю. Яншансина на дунганском языке и статьи Е. Д. Поливанова «Музыкальное ударение, или “тоны” в дунганском языке», «Фонотическая система ганьсуйского наречия дунганского языка», «Принципы дунганской орфографии», опубликованные в сборнике «Вопросы орфографии дунганского языка».

В 1930-е гг. большой интерес к дунгановедческой проблематике проявляют ученые востоковедческих центров Москвы и Ленинграда. В различных центральных изданиях появляются работы об истории и культуре, о языке и литературе дунган. Речь прежде всего идет о статьях Б. А. Васильева «Дунгане (из материалов дунганской экспедиции)» в журнале «Культура и письменность Востока» (1931), А. и Е. Драгуновых «Дунганский язык» в журнале «Записки Института востоковедения АН СССР» (1937), Л. И. Думана «Бай Яньху – вождь дунганского восстания» в «Записках Института востоковедения АН СССР» (1939) и др. Невероятно, но тогда же в центре Европы, в Праге, также издается работа, посвященная проблемам дунгановедения. Это статья участника Пражского лингвистического кружка, одного из основателей современной фонологии Н. С. Трубецкого о составе фонем в дунганском языке.

В послевоенные годы ученые Москвы организовали несколько этнографических экспедиций в Кыргызстан и провели в дунганских селениях полевые исследования. В результате в центральных изданиях публикуются новые данные о культуре, быте и антропологии дунган.

Весьма заметное развитие дунгановедения связано с организацией в 1954 г. сектора дунганской культуры в системе Академии наук Кыргызстана. Именно с того времени все проблемы дунгановедения стали рассматриваться систематически. Внимание дунганских ученых было сосредоточено в первую очередь на вопросах истории и этнографии, языка и литературы. Совместно с кыргызскими,

русскими и казахскими учеными они создали новую дунганскую письменность, основанную на русской графике, и сразу же приступили к составлению школьных учебников и учебных пособий. В результате уже к концу 1950-х гг. было подготовлено и издано несколько монографий и учебников дунганского языка для начальных классов. Для небольшого научного подразделения, в котором работало всего пять сотрудников – М. Я. Сушанло, Х. Ю. Юсуров, Ю. Я. Яншансин, И. И. Юсупов и Л. Т. Шинло – это было значительным успехом.

К началу 1960-х гг. ряды кыргызстанских дунгановедов пополнились новыми именами: вернулись из Москвы после окончания аспирантуры Н. Мадеев, Ф. Х. Макеева, приступил к работе выпускник САГУ М. А. Хасанов, а чуть позже – аспирант М. Х. Имазов. К тому времени в составе Академии наук республики появилось новое научное учреждение – Отдел общей тюркологии и дунгановедения, который возглавил академик И. А. Батманов. В 1960-х гг. дунгановедами были опубликованы такие работы, как коллективная монография «Очерки истории советских дунган», «Дунганско-русский словарь» Ю. Яншансина, «Участие дунган в борьбе за советскую власть в Туркестане» И. И. Юсупова и др. Зарубежные ученые в те годы на основе трудов кыргызстанских востоковедов издали ряд работ о дунганском языке, самыми значительными из которых являются статьи японского профессора Хасимото Мантаро и ученого из США С. Римской-Корсаковой.

В 1974 г. Отдел общей тюркологии и дунгановедения был преобразован в Отдел востоковедения, возглавил его М. Я. Сушанло, ставший к тому времени первым доктором наук среди дунган. В те годы Отдел пополнился молодыми кадрами дунгановедов, среди них были А. А. Джон, И. С. Шисыр, И. Кайфунов, Л. Янфу и др. В нем, помимо дунгановедов, работали также китайцы Г. П. Супруненко, Ван Шаоцзе, Ф. А. Никитин, монголовед А. Абдыкалыков и арабист О. Караев. За сравнительно короткий срок был подготовлен и издан ряд крупных работ, получивших признание научной общественности страны. Это монографии М. Я. Сушанло «Дунгане (историко-этнографический очерк)» и «Семья и семейный быт дунган», И. И. Юсупова «Советские дунгане в период строительства социализма», Ф. Х. Макеевой «Творчество Ясыра Шиваза», М. Х. Имазова «Фонетика дунганского языка» и «Орфография дунганского языка».

В самом начале 1980-х гг. к работе в Отделе приступили выпускники вузов Ф. Н. Хаваза и Д. М. Хахаза, последний затем окончил аспирантуру в Институте мировой литературы им. М. Горького и стажировался в Китае. В 1980 г. сотрудники Отдела приняли участие в работе конференции, посвященной проблемам исламоведения в Ташкенте, а в 1984 г. – в работе конференции молодых китайцев в Москве. Обе конференции проводились по инициативе Института востоковедения АН СССР.

1980-е гг. были для Отдела дунгановедения знаменательными и весьма плодотворными. В 1981 г. здесь был издан один из самых крупных трудов – трехтомный «Русско-дунганский словарь», в составлении которого участво-

вали 14 авторов. В 1986 г. Отдел востоковедения был преобразован в Отдел дунгановедения. Среди работ, изданных в 1980-х гг., следует назвать монографии А. А. Джона «Поселение, усадьба и жилище дунган», М. Х. Имазова «Очерки по морфологии дунганского языка» и «Очерки по синтаксису дунганского языка» и И. С. Шисыра «Образ нового человека в дунганской прозе (50–70-е гг.)». В те годы комиссия АН СССР, проверявшая работу республиканской Академии наук, назвала Отдел дунгановедения и проводимые в нем научные исследования уникальными.

В 1990-е гг. появились новые имена дунгановедов: М. В. Джумаза и Д. С. Маджун. Филологические и исторические проблемы сразу стали предметом исследований молодых ученых. В этот период дунгановеды продолжили работу над составлением и переизданием школьных учебников, над изучением проблем дунганской этнографии и истории, языка и литературы. Опубликованы такие работы, как «Грамматика дунганского языка», «Ясыр Шиваза (страницы жизни и творчества)», «Арли Арбуду (штрихи к портрету писателя)» М. Х. Имазова и др. Кроме того, было подготовлено к изданию несколько работ, посвященных проблемам дунганской этнографии и истории, фольклора и языка, которые увидели свет позже. Отдел в те годы организовал и провел Всесоюзную конференцию «Драгуновские чтения» (1990) с участием востоковедов Москвы, Фрунзе, Киева и Алматы.

2000 г. был ознаменован для Отдела изданием книги «Дунгановедение в Кыргызстане», авторами которой впервые были, помимо кыргызстанцев, ученые из Китая. А начало нового века запомнится дунгановедам прежде всего организацией и проведением Международной конференции «Шивазовские чтения» с участием востоковедов из Китая, Малайзии и Казахстана, а также изданием двух книг: одной – в Кыргызстане, а другой – в Китае: «Ясыр Шиваза – основоположник дунганской литературы» и «Страницы жизни и творчества Ясыра Шиваза». В 2002 и 2003 гг. опубликованы, соответственно, первый и второй выпуск сборника научных статей «Диалог ученых на Великом Шелковом пути», авторами которых являются востоковеды Кыргызстана, Китая, Казахстана и России.

Все названные работы вместе создают весьма целостное представление о материальной и духовной культуре дунган. Но и каждая из них сама по себе имеет большую научную ценность. Так, «Русско-дунганский словарь» в трех томах, необходимый дунганам при освоении ими русского языка, может принести огромную пользу и при изучении закономерностей перевода с индоевропейского языка на язык с чертами изолирующего типа. Этим объясняется неоценимое прикладное значение словаря. Кроме того, он может рассматриваться и как источник изучения культуры и быта дунган. А монография «Дунгане (историко-этнографический очерк)» М. Я. Сушанло впервые в истории синологии представила в систематизированном виде материалы о происхождении, истории и этнографии дунган. Книги же о языке дунган являлись теоретической осно-

вой создания школьных учебников и учебных пособий по родному языку и весьма успешно представляли общую картину дунганской языковой структуры. Каждая из названных работ, представляя определенную научную и практическую ценность, явилась конкретной ступенью в развитии науки о дунганах. Именно благодаря им дунгановедение как отрасль синологии, как отрасль востоковедения стало одним из приоритетных направлений в системе научных изысканий Национальной академии наук Кыргызской Республики (далее – НАН КР).

Отдел дунгановедения НАН КР ныне укомплектован высококвалифицированными кадрами: среди его сотрудников 2 доктора наук и 5 кандидатов наук. Поэтому у него, думается, есть неплохое будущее.

Дунгановеды не представляют своей работы без научных контактов с коллегами, отечественными и зарубежными. Отдел имеет давние научные и деловые связи с вузами Кыргызстана, а также с Институтом востоковедения, Институтом языкознания и Институтом этнографии РАН, Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова (далее – МГУ), Институтом востоковедения Узбекистана, Тартуским государственным университетом (Эстония) (далее – ТГУ) и другими научными центрами. Результатом контактов нередко становилось создание совместных работ. Так, дунгановеды НАН КР и сотрудники ТГУ еще в 1979 г. совместно осуществили специальный выпуск «Ученых записок Тартуского государственного университета», посвященных актуальным проблемам дунгановедения. Итогом многолетнего сотрудничества Отдела дунгановедения НАН КР и МГУ явилась коллективная монография «Вопросы дунганской лексикологии и лексикографии», опубликованная в 1991 г.

Проводимые дунгановедами исследования все больше привлекают внимание ученых дальнего зарубежья. Проблемам дунгановедения посвящают свои труды ученые Австрии и Германии, Японии и Финляндии, Америки и Австралии, Норвегии и Франции. Отдел дунгановедения НАН КР посетили профессор Института по изучению языков и культуры Азии и Африки Хасимото Монтаро (Япония), профессор Австралийского национального университета С. Н. Дайер, преподаватель Бохумского университета Хайнс Ридлингер (Германия), профессор Летнего лингвистического института Джон Клифтон (США) и другие известные ученые. Хасимото Монтаро опубликовал целую серию статей о дунганском языке и письменности в японском журнале «Язык», а С. Н. Дайер – монографию «Ясыр Шиваза. Жизнь и творчество дунганского советского поэта».

Возобновляются прерванные связи с учеными и дунгановедческими центрами Китая. С 1989 г. Отдел дунгановедения неоднократно посещал профессор Центрального университета национальностей Ху Чжэньхуа, который в 1999 г. стал почетным академиком НАН КР. В 1992 г. Национальную академию наук Кыргызстана посетили профессора Северо-Западного университета национальных меньшинств (г. Ланчжоу) Ма Тун и Хо Семин, а в 1996 г. – профессор Ниньсяского университета Янь Хуэйчжун и др. В 1990 г. в Пекине побывал М. Я. Сушанло, в 1992 г. Китай посетили М. Х. Имазов, А. А. Джон, И. С. Шисыр. В 1998 г. М. Х. Имазов и И. С. Шисыр приняли участие в ра-

боте Международной конференции дунгановедов в Иньчуане. Уже имеются реальные плоды научных контактов кыргызстанских и китайских дунгановедов. В 1996 г. в Иньчуане издана монография М. Я. Сушанло «История и культура дунган Средней Азии», а синьцзянское издательство «Жэньмин» выпустило сборник «Надежда», куда вошли повести и рассказы дунганских писателей Кыргызстана (в том числе и произведения ряда сотрудников Отдела дунгановедения), перевод которых на китайский язык осуществил хуэйский писатель, главный редактор журнала «Библиотекосведение в Синьцзяне» Янь Фэн. В 1997 г. на китайском языке издана книга профессора из г. Сиани Ван Гуоцзе «История формирования и развития национальности», а в 1998 г. – монография Дин Хун «Исследование культуры дунган». В 1999 г. в Бишкеке на русском языке опубликована совместная работа Дин Хун и М. Х. Имазова «Хуэйцзу Китая». Чуть позже в Иньчуане вышли в свет книги М. Х. Имазова и И. С. Шисыра на китайском языке. Все это, безусловно, укрепляет дружеские и научные связи кыргызстанских и китайских дунгановедов.

Таким образом, многие проблемы дунгановедения в трудах ученых уже получили определенное освещение. Налаживается сфера укрепления научных контактов и создания совместных работ. Но многое еще предстоит сделать. В области дунганского языкознания, например, немало еще «белых пятен»: едва начато описание диалектов; сделаны только первые шаги на пути рассмотрения явлений словообразования; почти не исследован словарный состав; не изучены фразеологизмы; дальнейшей разработки требуют проблемы фонетики и фонологии; не затронутыми остались также проблемы орфоэпии и акцентологии, стилистики и пунктуации. Пока имеется лишь несколько работ об эпических песнях и сказках. Не исследовались основательно так называемые «горные» песни «хуар», многочисленные легенды и интереснейшие малые жанры: пословицы, поговорки, загадки и т.д. Немало предстоит также сделать по сбору и классификации фольклорных материалов. Дальнейшего углубленного изучения требуют проблемы дунганской этнографии, истории и культуры.

В ближайшей перспективе, думается, можно было бы организовать систематическое совместное исследование материальной и духовной культуры дунган (хуэй) в местах их компактного проживания как в Кыргызстане, так и в Китае. Результатом совместных работ могло бы стать издание коллективных трудов – монографий, сборников научных статей и т.д. А для решения наиболее актуальных проблем следовало бы регулярно организовывать научные конференции, симпозиумы и в Бишкеке, и в одном из дунгановедческих центров Китая и других стран. Тесные научные контакты ученых, безусловно, будут способствовать развитию дунгановедения, развитию и укреплению первого востоковедного учреждения в Кыргызстане – Отдела дунгановедения (ныне – Центр дунгановедения и китаистики) Национальной академии наук Кыргызской Республики, а также расширению и углублению дружественных отношений Кыргызстана с другими государствами, прежде всего с ближайшими соседями – Китаем, Россией, Казахстаном и Узбекистаном.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ДУНГАН (ХУЭЙЦЗУ) КЫРГЫЗСТАНА

Аннотация: статья сфокусирована на проблемах идентичности дунган в современном Кыргызстане. Анализируются проблемы развития этнической и национальной идентичности этой этнической группы. Особое внимание уделено роли языка и других компонентов этнической культуры в сохранении и развитии национальной идентичности. Анализируется адаптивный потенциал дунганской идентичности в контексте вызовов современности.

Ключевые слова: дунгане, Кыргызстан, этничность, национальная идентичность.

Abstract: the article is focused on problems of Dungan identity in modern Kyrgyzstan. The author analyzes the problems of ethnic and national identities of this ethnic group. The particular attention is paid to the role of language and other components of ethnic culture in the preservation and development of national identity. The adaptive potential of Dungan identity is analyzed in the context of contemporary threats.

Keywords: Dungans, Kyrgyzstan, ethnicity, national identity.

После развала СССР на постсоветском пространстве для народов вновь образованных суверенных государств стал актуальным вопрос этнической и национальной (гражданской) идентичности. Данный вопрос стал центральным в современном обществе, так как несмотря на достаточно большой срок, прошедший после развала СССР, во вновь образованных государствах продолжается процесс стратификации различных групп населения, социализации личности и выработки общенациональной идентичности народов этих государств. Обществу необходима основа для общей национальной идентичности, которая стала бы стержнем солидарности отдельных его членов и стабильности развития государства. Государство заинтересовано в проекте общей идентичности и стоит перед дилеммой: во-первых, – необходимостью признавать и даже поддерживать этническое разнообразие различных групп общества, а во-вторых, – стремиться к созданию у населения единой идентичности для достижения общих политических, экономических и социальных целей. Для дунган как этнического меньшинства «с одной стороны, необходимы сохранение и консервация культурного своеобразия, а с другой – развитие адаптационных элементов, интегрирующих во внешнюю этническую среду, что требовало смягчения контрастирующих черт. И то и другое в итоге привело к выработке черт, объективно отличающих эту группу хуэй от представителей данного этноса проживающей в Китае» [6, с. 20]. Всё это требует рассмотрения как различий, так и схожестей в культуре, образе жизни, моральных ценностях и прочих сторонах бытия. В связи с социальной, экономической неустроенностью и кри-

зисным положением в Кыргызстане у этносов на фоне их социальных статусов возникает проблема защищенности и удовлетворения потребностей, которые требуют компромисса между этнической и национальной идентичностью. Если учесть факт существования разных этносов и этнических групп в полиэтническом государстве, каковым является Кыргызстан, то осознание ими общей идентичности является важнейшей предпосылкой дальнейшего развития и стабильности национального государства. А это в свою очередь может быть достигнуто только при толерантном взаимоотношении различных этнических образований, умной политике государства и главенстве закона, регулирующего эти взаимоотношения.

Как известно, основными причинами этнического размежевания являются отличительные особенности и характерные черты как материальной, так и духовной культуры (в широком смысле этого слова). Вместе с тем следует признать, что данные черты, как и сама идентичность, не являются чем-то неизменным для каждого из этносов и этнических групп. На изменения влияют самые различные факторы – это смена географической среды, этнического окружения, смена государственного и политического устройства, изменения в направленности ведения хозяйства не только внутри этнической группы, но и окружения, экономические и социальные факторы и многое другое, что в конечном итоге влияет на различия и схожести элементов культуры. Нужно сказать, что меняется даже идентичность внутренних групп этноса, основанных на территориальных, диалектных различиях по отношению друг к другу. В связи с этим известно, что длительные культурные контакты могут сблизить разные народы и в то же время увеличить дистанцию по отношению к этническим группам внутри этноса, проживающим в иных географических и государственных территориях, что особенно важно для дунган (хуэйцзу) Кыргызстана, так как они являются этнической группой, проживающей вне зоны расположения и формирования основного этнического массива.

Помимо всего, говоря об этнической идентичности и ее опоре на культуру, видимо, следует оговориться, что за основу необходимо брать не только традиционную культуру, которая, как правило, становится объектом изучения этнологов, но и современное состояние культуры, так как в противном случае невозможно будет отметить и обозначить произошедшие изменения. Во временном аспекте в качестве отправной точки для дунганской этнической группы может служить факт переселения на территорию Кыргызстана в 1877 г., и от этого события рассмотрены этапы трансформации этнической и национальной идентичности дунган (хуэйцзу), которая, по нашему мнению, универсальна для всех групп дунган стран СНГ.

Данные этапы можно разделить по следующим пунктам.

Период, который выпадает на время переселения дунган на территорию Кыргызстана и Казахстана в 1877 г., можно охарактеризовать как время гиперэтнической идентичности, поскольку этому предшествовало 16-летнее вооруженное противостояние с Цинской династией в Китае, требовавшее в це-

лях безопасности максимального объединения. В это время преобладает идентичность, в которой главенствует позитивная оценка собственных этнических ценностей, противопоставляемых аналогичным элементам культуры «других» этносов. Помимо указанных выше факторов, на идентичности дунган того времени еще действовала установка восприятия мира, бытовавшая не одно столетие, а возможно, и тысячелетие, по которому Срединная (Поднебесная) империя воспринималась ее представителями как центр мира. Жители этой страны, как «цивилизованное» население, противопоставлялось окружающим этносам. В контексте данной идеологии «цивилизованных» жителей Поднебесной империи окружали «варвары»: с юга – «мань», с севера – «ху». И отношение к соседним народам на основе подобного восприятия мироустройства было соответственное. Н. В. Богоявленский в этот период отмечал: «На остальные народности, даже мусульманские, дунгане смотрят свысока, не сближаются с ними и держатся в стороне» [1, с. 53]. Идентичность дунган (хуэйцзу) этого периода основывалась на самоназвании, осознании иного, в отличие от местных народов, происхождения, исторической судьбы, иной традиционной материальной культуре, методах ведения хозяйствования, нетюркском языке, особенности в обычаях, традициях и т.д., что в свою очередь приводило к культурной обособленности. Для сравнения можно привести лишь некоторые элементы культуры дунган (хуэйцзу) периода конца XIX – начала XX в., которые чаще всего служили маркерами этничности – противопоставлялись аналогичным элементам других народов в силу различий и сближали в силу сходства (табл. 1).

Таблица 1

Маркеры этничности

Дунгане		Кыргызы, казахи
Хозяйственная деятельность		
Полеводство, огородничество, стойловое скотоводство	Отличия	Кочевое, полукочевое, отгонное скотоводство, земледелие у «жатакчи»
Жилище		
Постоянное жилище, саманное, глинобитное, каркасно-столбовой конструкции	Отличия	Переносное жилище юрта, саманное, глинобитное жилище у «жатакчи» на зимовках
Одежда		
Одежда маньчжуро-китайского покроя	Отличия	Одежда общетюркского покроя
Пища		
Продукты полеводства, огородничества, мясо	Отличия	Продукты скотоводства, мясные, молочные; зерновые
Язык		
Язык сино-тибетской группы	Отличия	Тюркский язык
Религия		
Ислам	Сходство	Ислам
Антропология		
Монголоиды центрально-азиатского типа	Сходство	Монголоиды центрально-азиатского типа

Таким образом, мы видим, что из приведенных в таблице семи элементов культуры на момент переселения дунган на территорию Кыргызстана и Казахстана только два имели сходство с аналогичными элементами культуры кыргызского и казахского этносов, а пять имели значительные различия. При этом, конечно, существовали и другие элементы культуры, не менее важные для осознания народом особенности своей культуры, но нами взяты в качестве примера часто приводимые самим населением.

Вместе с тем помимо общей этнической идентичности у дунган, как и у других народов существовала территориальная идентичность, которая возникла еще в бытность проживания дунган (хуэй) в Китае. Она связана с дисперсным проживанием дунган (хуэй) в этой стране и культурно-исторической, лингвистической спецификой данных групп. Отличия были настолько велики, что некоторые группы даже при обозначении противоположной не называли их существующим эндоэтнонимом «хуэй», скажем, шэньсийская группа дунган при обозначении ганьсуйских дунган применяла топоним и наоборот. Подобное восприятие сохранилось также у дунган, переселившихся на территорию Кыргызстана и Казахстана, так как эти группы селились компактными земляческими группами в разных селениях и на разных территориях. Специфика, основанная на территориальных особенностях культуры и языка, сохраняется по сей день, так как подобная связь наиболее устойчивая и сильная, в ней концентрируются не только культурные, поведенческие, но и семейные, товарищеские и другие связи, созданные в ходе бытовых контактов.

Подобно земляческим идентичностям, возникшим в Китае: дунганин – «шэньсиец», дунганин – «ганьсуец» и пр. – после переселения стали формироваться идентичности «дунганин иссыккульский», «ошский дунганин», «токомский дунганин», «нарынский дунганин и т.д., так как эти группы селились компактными земляческими поселениями, возникла также идентичность «кыргызстанец», «казахстанец», «узбекистанец». Однако в настоящее время данные группы осознают свое этническое единство. В связи с этим, говоря об идентичности, следует повториться, что факт переселения группы дунган на нынешнюю территорию Кыргызстана и Казахстана в контексте антропологии пространства сам по себе со временем стал одной из причин изменения этнической и национальной идентичностей.

Следующий этап начинается со второй четверти XX в., его можно охарактеризовать изменением этнической культуры, а вместе с тем и идентичности дунган (хуэйцзу) под влиянием полиэтничного окружения и оторванности от основного этнического массива, проживающего в другом государстве, и, как следствие, появления иных элементов в культуре различных частей этноса. В дунганской среде появляются межнациональные браки, первоначально – среди зажиточной части этноса, которые были направленными на сближение с влиятельными представителями коренного населения. Этот процесс начался после переселения первой группы дунган-повстанцев, так как в этой группе преобладали мужчины, что заставляло их искать себе жен среди соседних кы-

ргызских и казахских общин. Например, известный среди дунганского и кыргызского населения человек, друживший с Шабдан-батыром, – Булар Магуев был в родственных отношениях с Сатаркулом Джангарачевым, главой кыргызов, проживавших западней г. Пишпека, женившись на его сестре [10, с. 128]. Дунганин по имени Ахбала был женат на девушке из «...селения Накой Тасходжи» [10, с. 165] и т.д. Множество подобных примеров родства существует в памяти дунганских семей, факт межнациональных браков нередок и в современности, трудно теперь найти дунганскую семью, которая бы не имела межнациональных родственных связей. При этом, как видно из предыдущей таблицы, религиозная принадлежность дунган (хуэйцзу) к исламу служила позитивной оценкой соседних народов дунганами и в свою очередь оценке этими народами дунган, т.е. данный критерий служил сближающим фактором к изменению этнической идентичности, а затем способствовал возникающей общей национальной идентичности. В этой связи стоит привести мнение Ю. В. Бромлея: «Религиозное сознание, религиозные интересы подобно территориально-политическим могут полностью заслонить этническое самосознание; этому немало способствует тот факт, что религиозная принадлежность выступает в качестве одного из этнических признаков...» [2, с. 194]. Впрочем, этот факт не стал препятствием тому, что многие дунганские семьи обзавелись родственными связями с русскими, украинцами, немцами и представителями прочих этносов, не исповедующих ислам.

В этот период возникший среди тюркских народов экзоэтноним «дунган, дунганин, дунгане» в противоположность самоназванию «лохуэйхуэй» или «хуэйцзу» получает все большее распространение и не воспринимается уже отрицательно носителями. Утверждается осознание дунганами принадлежности к государству, в котором проживают русские, кыргызы, казахи и другие народы региона. Этот этап особенно активно протекал в бытность СССР. В русле одной исторической судьбы, под давлением социалистической идеологии, доминирования в культуре и образовании русского языка, возникновении национальной письменности на основе латиницы, а затем кириллицы, отличной от иероглифической, которой пользовался основной этнический массив, происходила унификация культуры и вместе с ней самосознания. На этом этапе трансформации этнической идентичности дунган возникает понимание, что население СССР и Кыргызстана не однородно и имеет иерархическое устройство, где некоторые этнические группы обладают более высоким статусом, который выражается в экономическом, социальном и прочем влиянии. Это привело к тому, что отдельные группы дунган стали принимать традиции, обычаи, ценности, язык и другие элементы соседних этносов, а, скажем, дунгане, проживавшие в Ферганской долине и в районе Оша, даже полностью ассимилировались и в настоящее время помнят лишь о своих этнических корнях. Дунгане Чуйской долины в языковом отношении становились все более русскоязычными, в Нарынской и Иссык-Кульской области представители этой этнической группы хорошо усваивали, помимо русского языка, кыргызский язык. Это говорит о

том, что элементы собственной культуры воспринимаются в этот период уже не столь однозначно положительно. Говоря об интегрирующих факторах, безусловно, следует отметить, что дунгане, став частью населения Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана, легче интегрировалась в эту среду благодаря своей расовой, антропологической и религиозной принадлежности. Иными словами, внешне дунгане (хуэйцзу) представляют собой антропологически родственную группу для большинства населения региона. Рассмотрим некоторые объективные факты изменений в этнической культуре во второй (табл. 2).

Таблица 2

Объективные факты изменений в этнической культуре

Дунгане		Кыргызы, казахи	
Антропология			
Монголоиды центральноазиатского типа	Сходство	Монголоиды центральноазиатского типа	
Религия			
	Сходство		
Хозяйственная деятельность			
Полеводство, огородничество, отгонное, стойловое скотоводство	Отличия	Кочевое, полукочевое, отгонное, стойловое скотоводство, полеводство в связи с оседанием «жатакчи» и политикой советской власти	
Жилище			
Постоянное жилище саманное, глинобитное, кирпичное, каркасно-столбовой конструкции	Отличия	Переносное жилище – юрта, постоянное саманное, глинобитное жилище (жатаккана), а затем с оседанием в аилах	
Одежда			
Одежда тюркского, европейского покроя, у женщин помимо тюркской присутствует одежда маньчжуро-китайского покроя	Сходство, частичные различия	Одежда тюркского, европейского покроя	
Пища			
Продукты полеводства, огородничества, мясо; увеличивается количество молочных продуктов, меняется ассортимент традиционных блюд, появляются блюда тюркской, европейской кухни	Отличия, частичное сходство	Продукты скотоводства: мясные, молочные; увеличивается количество продуктов полеводства, появляются овощные продукты, блюда дунганской, европейской кухни	
Язык			
Дунганский язык. Появляется двуязычие, в первую очередь дунганско-тюркское, в советский период преобладает дунганско-русское двуязычие	Отличия и частичное сходство	Тюркский (кыргызский, казахский, узбекский) язык, появляется двуязычие – тюркско-русское	

Таким образом, при сопоставлении двух таблиц видно, что в выделенном нами втором периоде начинают происходить трансформации в культуре, увеличивается качественное и количественное сходство элементов в культуре как дунганского населения, так и коренных этносов Кыргызстана и Казахстана. Особенное влияние на эти процессы оказала русская культура и русский язык. Эти процессы ведут к сближению культур и, соответственно, стирают их противопоставление, как следствие, происходит сближение идентичностей.

В настоящее время, по нашему мнению, наступает этап, когда у дунган (хуэй) появляются элементы маргинальности этнической культуры, а следовательно и этнической идентичности, одновременно формируется общая национальная, общегражданская идентичность. Происходит это на фоне изменений в этнической культуре представителей кыргызского и казахского населения. Говоря о пограничных изменениях, для примера можно сказать, что значительная часть представителей дунганского этноса слабо владеет своим языком, устным и тем более письменным, *за пределами его бытового применения*. Это происходит в силу сужения сфер применения родного языка и, как следствие, сокращения лексического запаса носителями языка. В результате в речи носителей бытует применение в одном предложении одновременно дунганской, русской и тюркской лексики, что говорит о тенденции, ведущей к потере дунганского языка как маркера этнической идентичности. Выражением самосознания и этнической идентичности дунган продолжает оставаться общее самоназвание – эндоэтноним «хуэйцзу, лаохуэйхуэй, хуэймин». У всех народов, народностей, племен и наций существует непрменный признак – самоназвание, или собственное имя [2, с. 45, 56]. Представители дунганского этноса в общении с другими этническими группами предпочитают не пользоваться эндоэтнонимом «хуэйцзу», а используют экзоэтноним «дунганин», так как первый сложен для не владеющего особенностями дунганской фонетики окружения и вследствие этого экзоэтноним считают более «благозвучным». По этому поводу можно привести пример: на одном из собраний Общественного объединения дунган Кыргызстана отдельными лицами было озвучено предложение переименовать газету «Хуэймин бо» в «Дунган бо» (Дунганская газета), т.е. использовать вместо эндоэтнонима – экзоэтноним. Осуществляя контакты в полиэтническом обществе, которое относится к иноязычным народам, не знающим самоназвания дунган и не владеющим речевой базой для правильного произношения этого самоназвания, дунгане все чаще употребляют экзоэтноним для обозначения своей этнической принадлежности, особенно если в момент озвучивания говорят не на дунганском языке. При этом надо отметить, что экзоэтноним неизвестен большей части дунган (хуэйцзу) Китая и с подачи научной интеллигенции этой страны в последние десятилетия появился термин «дунган цзу» (дунганская национальность), который подразумевает хуэйцзу (дунган) бывшего СССР. Но в цепи логических рассуждений данный факт

имеет важное значение, так как происходит его интериоризация, и вместе с экзоэтнонимом закрепляется внутреннее убеждение, что этническая группа дунган (хуэйцзу) Центральной Азии отлична от хуэйцзу (дунган) основного этнического массива, проживающего в КНР. Это происходит не только в умах «хуэйцзу» (дунган) стран СНГ, но и в умах китаеязычных читателей. Таким образом, обозначение (экзоэтноним) обладает некой инерцией, которая меняет восприятие идентичности в умах не только носителей этого этнонима, но и отношение к данной этнической группе со стороны части данного этноса, проживающей в Китае, а также их окружения. Появляется представление, что носители этнонима «дунган» являются иным этносом, нежели «хуэйцзу» КНР. Происходит это потому, что важным орудием интериоризации является «слово» (понятие), проникающее из внешней этнической среды во внутреннюю психологию представителей не только дунганской диаспоры Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана, но и «хуэйцзу» (дунган) Китая. Для примера можно привести цитату из газеты «Хуэймин Бо», издаваемой в Кыргызстане: «Дунгане являются потомками народности хуэйцзу северо-запада Китая, которые... поселились в Казахстане, Кыргызстане, России и других странах» [8]. Смысл данного предложения можно понять следующим образом: дунгане – это не «хуэйцзу», а «...потомки народности хуэйцзу северо-западного Китая», или самостоятельная народность, на что указывает противопоставление двух этнонимов. Другим примером употребления в этом контексте этнонима дунган может послужить название книги профессора Синьцзянского педагогического университета Хай Фэн «Чжун Я дунган йю-янь яньчжю» («Исследования дунганского языка Центральной Азии») (2003). Если в названии книги есть только обозначение языка, то первая глава называется «Дунганцзу хэ дунган йю», что значит «Дунганская национальность и дунганский язык». Также в качестве примера можно привести работу китайского профессора Лин То «Дунган йю дяоча яньчжю» («Критические заметки по исследованию дунганского языка») (2012). Если учесть, что экзоэтноним «дунган» в русскоязычной литературе обозначал всех «хуэйцзу» еще до переселения части из них на территорию Российской империи, это доказывается описанием данного этноса русскими учеными во время экспедиций в Китай [3, 4, 5], то в настоящее время, как уже говорилось, этноним «дунган» применяется китайскими авторами только для обозначения хуэйцзу, проживающих в Кыргызстане, Казахстане и Узбекистане, а теперь и в России. В указанных цитатах в первом случае употребление экзоэтнонима «дунган» можно объяснить и оправдать тем, что материал написан на русском языке и для русскоговорящих читателей, а работы китайских авторов написаны на китайском языке и для китаеязычных читателей, и употребление экзоэтнонима призвано указать на разность этих двух этнических групп.

То же самое можно сказать и о лингвониме, т.е. применении выражения «дунганский (хуэйский) язык». В данном случае ситуация становится еще

более сложной, так как если эндоэтноним как один из признаков этнической идентичности существовал не одно столетие, то до поселения дунган (хуэйцзу) в Кыргызстане, Казахстане и Узбекистане понятие «хуэйский (дунганский) язык» вообще отсутствовало. Все исследователи этого периода без исключения отмечали, что дунгане разговаривали на «китайском (ханьском) языке», вернее на его диалектах. Сами дунгане (хуэйцзу) при издании первых учебников и словарей в СССР называли свой язык «чжун-ян хуа», т.е. «срединным языком», точнее языком Срединного государства (Китая – Чжун-ян). Данное утверждение подтверждается переписью населения 1897 г., которая проводилась в Российской империи. Во время этой переписи этническая принадлежность определялась владением носителями тем или иным языком, а язык дунган отождествлялся с китайским. Так, дунгане в этой переписи по языку обозначены следующим образом (табл. 3) [7].

Т а б л и ц а 3

Использование китайского языка дунганами по переписи 1897 г.

Уезд	Количество носителей (муж.)	Количество носителей (жен.)	Всего
Пишпекский уезд	4038	3634	7 672
Пржевальский уезд	1084	949	2 033
Ошский уезд	121	121	242

И лишь позже, уже в 1950-х гг., в бытность СССР, этот язык стали называть «хуэйским», или дунганским. Можно предположить, что понятие «дунганский язык» первоначально появилось вне дунганской (хуэйской) этнической среды, у народов, проживавших по соседству. Первоначально пришло понимание, что народ, поселившийся на одной с ними территории, отличен от китайцев, и если есть народ, имеющий название «дунгане», то у него должен быть свой язык, который (естественно) называется «дунганским». Впоследствии закрепление данного лингвонима происходило не без влияния идеологического посыла советского времени о существовании социалистической нации и самостоятельной социалистической народности, сформированной в СССР. В настоящее время каждый представитель данной этнической группы уверенно ответит, что он говорит на хуэйском (дунганском) языке, который не является китайским, в то время как многомиллионный массив «хуэйцзу» (дунгане?) Китая говорят на китайском (ханьском) языке. В данном случае налицо пример того, как идеологические, политические, образовательные, материальные и др. ресурсы государства влияют на элементы этнического сознания и идентичности.

Рассмотрение таких двух реалий, как эндоэтноним и экзоэтноним, указывает, что в исторической практике существуют факты, когда экзоэтноним со временем превращался в самоназвание – эндоэтноним, а вслед за этим менялось и название языка. Так, иудеи (хабиру, израильтяне) «...под влиянием европейцев... усвоили себе этот этноним («еврей». – Д. А.) в качестве основного самоназвания и даже произвели от него никогда ранее не существовавшее название для своего языка – иврит» [9]. Проводя аналогии между экзоэтнонимами «еврей» и «дунганин», следует сказать, что если этноним «еврей» признается всем этносом, независимо от места проживания его групп, будь то Израиль, Россия, Америка и т.д., и играет объединяющую роль, то этноним «дунгане» с подачи китайских авторов относится только к хуэйцзу (дунганам), проживающим в Кыргызстане, Казахстане, Узбекистане и России, а самоназвание – эндоэтноним – оставляется за хуэйцзу Китая, что подчеркивает разность этих двух групп одного этноса. На фоне существовавших и вновь появившихся языковых и культурных различий данных двух частей одного этноса нетрудно понять, какую роль играет закрепление экзоэтнонима для этнических групп «хуэйцзу» (дунган), и предугадать дальнейшую судьбу их идентичностей.

Надо сказать, что в быту дунганской диаспоры продолжают существовать традиции, обычаи, пища и другие элементы традиционного уклада жизни, но, как и у других народов мира, в связи с процессами глобализации стали исчезать многие предметы материальной культуры. Скажем, конструкция традиционного дунганского жилища в настоящее время ничем не отличается от жилища других народов региона, исчезли многие орудия труда и народные промыслы. Полностью исчезла национальная мужская одежда, все чаще на них можно увидеть кыргызский колпак – один из символов кыргызской материальной культуры. Большинство женщин в быту пользуются одеждой, характерной для народов данного региона. Женская традиционная одежда стала редкостью и сохраняется лишь в виде свадебного наряда невесты, однако и здесь городской частью дунганского населения, не повсеместно, но все чаще, начинает использоваться европейский свадебный наряд, что характерно и для других этносов. Это говорит о том, что данный наряд становится, на взгляд невест-дунганок, более привлекательным, а национальный – устаревшим. Подобные процессы происходят в силу того, что элементы культуры других народов воспринимаются одинаково положительно, как и собственная, а в некоторых случаях иноэтнические элементы воспринимаются как более привлекательные, соответствующие современным требованиям. Для более четкого понимания современной ситуации с этнической идентичностью дунган Кыргызстана и ее соотношением с кыргызским и казахским населением приведем еще одну таблицу, отражающую современное состояние этнической культуры в сопоставлении (табл. 4).

Таблица 4

Соотнесение показателей этничности дунган, кыргызов и казахов

Дунгане		Кыргызы, казахи
Антропология		
Монголоиды центральноазиатского типа	Сходство	Монголоиды центральноазиатского типа
Религия		
Ислам	Сходство	Ислам
Хозяйственная деятельность		
Полеводство, огородничество, отгонное, стойловое скотоводство	Сходство	Полеводство, отгонное, стойловое скотоводство, огородничество
Жилище		
Постоянное, современное жилище	Сходство	Постоянное современное жилище, юрта на отгонных пастбищах
Одежда		
Одежда европейского, тюркского покроя, у женщин в качестве свадебной – одежда маньчжуро-китайского покроя, европейская	Сходство	Одежда европейского и тюркского покроя. Женский европейский, тюркский свадебный наряд
Пища		
Продукты полеводства, огородничества, мясомолочные продукты. Меняется ассортимент традиционных блюд, присутствуют блюда тюркской, европейской кухни	Сходство	Продукты полеводства, скотоводства: мясомолочные продукты, овощи. Меняется ассортимент традиционных блюд, присутствуют блюда дунганской, европейской кухни
Язык		
Дунганский язык. Двухязычие дунганско-тюркское (кыргызский, казахский, узбекский), трехязычие дунганско-русско-тюркское	Отличия Сходство	Тюркский (кыргызский, казахский, узбекский) язык, появляется двухязычие – тюркско-русское

Из приведенной таблицы видно, что схожесть элементов этнической культуры дунган и народов, населяющих Кыргызстан, Казахстан и Узбекистан, по сравнению с первыми двумя таблицами увеличилась, а в некоторых позициях различия исчезли совсем, что указывает на сближение идентичностей. Наибольшее различие, из приведенного, присутствует в языке. При этом хотя и существует трехязычие дунганско-русско-кыргызское, казахское, узбекское, но превалирует дунганско-русское двухязычие. Это говорит о том, что в постсоветский период для дунганского населения встала новая задача – освоение государственного языка, хотя до 1950-х гг. дунганское население, как правило, в большинстве своем прекрасно владело тюркскими языками. Но в бытность СССР в дунганских населенных пунктах шло обучение детей по программам

для русских школ, в высших и средних специальных учебных заведениях также шло обучение на этом языке. На языковую ситуацию оказали большое влияние средства массовой информации и появление электронных средств информации, так как русский язык проник в бытовую сферу. В силу этих же обстоятельств русский язык был языком межнационального общения. Всё это стало причиной того, что дунганское население значительно утратило навыки владения кыргызским языком. В Кыргызстане владеют свободно кыргызским языком дунгане Нарына, Кочкорки, Иссык-Куля, Карасу. Дунгане Чуйской долины владеют им, как правило, на бытовом уровне или владеют слабо. С обретением республиками бывшего СССР суверенитета роль языков народов, создавших свою государственность, усиливается. Государственные языки становятся главным маркером принадлежности к сообществу страны и играют одну из центральных ролей в формировании национальной (гражданской) идентичности. Освоение этих языков стало необходимостью, осуществить которую в первую очередь должно государство, создавая все необходимые условия, не возлагая ответственность за их решение на иноязычные этнические сообщества; толерантно, с пониманием относясь к усилиям, которые прилагают этнические меньшинства на сохранение своих языков, создавая реальные проекты для решения данной двойной задачи.

По причине социальной и экономической нестабильности в Кыргызстане на фоне известных событий, выливающихся в межэтнические противостояния, некоторое количество представителей «некоренных» этносов, а с ними и кыргызов, выехало в Россию и Казахстан, приняв гражданство этих стран. Ведь если этническая идентичность формируется у субъектов «с молоком матери», социумом и не может создаваться путем выбора индивида, то национальная (гражданская) идентичность может быть избрана или отвергнута в ходе сознательного выбора.

При этом, конечно, важнейшую роль в формировании национальной (гражданской) идентичности играет политическая и социокультурная близость, которая строится в первую очередь на этнической идентичности, имеющей устойчивые формы, а приведенная последняя таблица указывает, что элементы этнической культуры дунган и других народов Центральноазиатских стран СНГ имеет в настоящее время гораздо больше схожестей, чем отличий, что указывает на реальную перспективу формирования их единой национальной общности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Богоявленский Н. В.* Западный застенный Китай : его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных / Н. В. Богоявленский. – СПб., 1906.
2. *Бромлей Ю. В.* Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М. : Наука, 1983. – С. 45, 56, 194.

3. Гейнс А. К. О восстании мусульманского населения или дунганей в Западном Китае / А. К. Гейнс // Известия Русского археологического общества. – 1866.
4. Дьяков А. Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864–1871 гг. в Илийском крае / А. Дьяков // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. – 1908. – Т. 18, вып. 2–3.
5. Пржевальский Н. М. Из Зайсана через Хами и Тибет и на верховья Желтой реки / Н. М. Пржевальский. – М. : Географгиз, 1948.
6. Джон А. А. Этнические процессы в среде хуэй и корректности применения экзоэтнонима «дунган» в китайязычной литературе / А. А. Джон // Диалог ученых на Великом шелковом пути. – Бишкек : Илим, 2002. – С. 20.
7. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку (Губернские итоги). – СПб., 1903–1905. – Т. 51–89. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=871
8. Студенты из Центральной Азии в Китае // Хуэймин Бо. – 2015. – 23 января. – № 1.
9. Хапиру и происхождение этнонима «евреи». – Режим доступа: <http://aquilaaquilonis.livejournal.com/524676.html>
10. Письма, воспоминания участников установления Советской власти в Киргизии // ЦГА КР. Ф 391, оп.5, ед. хр. 2, л. 128, 165.

REFERENCES

1. Bogoyavlenskiy N. V. Zapadnyy zastennyi Kitay : ego proshloe, nastoyashchee sostoyanie i polozhenie v nem russkikh poddannyykh / N. V. Bogoyavleniy. – SPb., 1906.
2. Bromley Yu. V. Ocherki teorii etnosa / Yu. V. Bromley. – M. : Nauka, 1983. – S. 45, 56, 194.
3. Geyns A. K. O vosstanii musul'manskogo naseleniya ili dunganey v Zapadnom Kitae / A. K. Geyns // Izvestiya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. – 1866.
4. D'yakov A. Vospominaniya iliyskogo sibintsa o dungansko-taranchinskom vos-stanii v 1864–1871 gg. v Iliyskom krae / A. D'yakov // Zapiski Vostochnogo otdeleniya Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. – 1908. – T. 18, vyp. 2–3.
5. Przheval'skiy N. M. Iz Zaysana cherez Khami i Tibet i na verkhov'ya Zheltoy reki / N. M. Przheval'skiy. – M. : Geografiz, 1948.
6. Dzhon A. A. Etnicheskie protsessy v srede khuey i korrektnosti primeneniya ek-zoetnonima «dungan» v kitaeyazychnoy literature / A. A. Dzhon // Dialog uchenykh na Velikom shelkovom puti. – Bishkek : Ilim, 2002. – S. 20.
7. Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossiyskoy Imperii 1897 g. Tablit-sa XIII. Raspredelenie naseleniya po rodnomu yazyku (Gubernskie itogi). – SPb., 1903–1905. – T. 51–89. – Rezhim dostupa: http://demoscope.ru/weekly/ssp/emp_lan_97_uezd.php?reg=871
8. Studenty iz Tsentral'noy Azii v Kitae // Khueymyn Bo. – 2015. – 23 yanvarya. – № 1.
9. Khapiru i proiskhozhdenie etnonima «evrei». – Rezhim dostupa: <http://aquilaaquilonis.livejournal.com/524676.html>
10. Pis'ma, vospominaniya uchastnikov ustanovleniya Sovetskoy vlasti v Kir-gizii // TsGA KR. F 391, op.5, ed. khr. 2, l. 128, 165.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТОВ ДУНГАНСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Аннотация: анализируются основные типы и сюжеты дунганских сказок. Изучение сказок дунган осложняется тем, что только незначительное число текстов опубликовано, изучено и классифицировано. Народные сказки являются формой развития дунганского языка и одной из социальных сфер его функционирования. Основными центрами изучения культурного наследия дунган выступают Кыргызстан и Китай. Изучение народной культуры воспринимается автором как форма сохранения и развития дунганской национальной идентичности.

Ключевые слова: народные сказки, фольклор, дунгане, историография, идентичность.

Abstract: the article is focused on the historiography of Dungan fairy tales. The studies of Dungan fairy tales are complicated by the fact that only a small number of texts were published, studied and classified. The main types of Dungan tales and short stories are analyzed in the article. The folk tales are understood as a form of Dungan language use and one of social areas of its development. Kyrgyzstan and China are among the main centers of Dungan cultural heritages' studies. The studies of folk culture is perceived by the author as a form of preservation and development of Dungan national identity.

Keywords: folk tales, folklore, Dungans, historiography, identity.

Дунганские волшебные сказки Центральной Азии считаются частью фольклора хуэйцзу Китайской народной республики (далее – КНР). В современной фольклористике, несмотря на достаточное количество зафиксированных, опубликованных, систематизированных текстов, они все-таки в должной мере не были изучены. Интересные научные разработки, опубликованные на страницах сборников, журналов и других периодических изданий, не достаточны для освещения содержания настоящего жанра фольклора. Соответственно перед учеными стоят серьезные задачи научного исследования дунганского самобытного жанра волшебной сказки Центральной Азии с использованием передовой методологии современной фольклористики.

Дунганские волшебные сказки Центральной Азии не стали полноценным объектом научного исследования по совершенно банальной причине. Фольклористы вынуждены были ограничивать свои изыскательные деятельности главным образом сбором, обработкой и публикацией зафиксированных материалов. На этом первом этапе фольклористической деятельности исследователи обязаны были привести в целостную систему сотни материалов из живой народной традиции. Авторы отдельных научных изысканий, представляющих серьезный интерес, не ставили задачи отразить внутренние свойства волшебных сказок.

Они рассматривали дунганские волшебные сказки в связи с иными изыскательскими проблемами [7].

Сегодня мы имеем только собранные ценные материалы духовного наследия народа, оставленные талантливыми собирателями за последние десятилетия. Из огромного количества текстов лишь немногие после отслайвания вошли в тематические сборники. Соответственно именно такие тексты, выдержавшие научную собирательную цензуру, стали полноценными источниками для изучения.

В дунганской фольклористике только отдельные научные труды освещают, рассматривают и анализируют собранные фольклорные тексты с волшебными сказками. К ним относятся статья И. И. Юсупова и Б. Л. Рифтина «Дунганский фольклор» [1], диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук М. А. Хасанова «Дунганские народные сказки» [7], комментарии Б. Л. Рифтина к сюжетам «Дунганских сказок и преданий» [6], монографии и статьи И. С. Шисыра «Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии» [14, 15], «Волшебные сказки хуэйцзу Центральной Азии. Сюжеты о сношениях с духами» [10], «Особенности фольклора хуэйцзу Кыргызстана» [12], «Волшебные сказки повествовательно-эстетического фольклора» [9, 10], «Сказки хуэйцзу о “чудесных женах” с точки зрения структурного изучения» [16], «Социально обездоленные образы в волшебной сказке хуэйцзу (дунган) Центральной Азии» [17], «Дунген халық ауыз әдебиетіндегі аңыздар» [11], «Особенности прозаического фольклора хуэйцзу (дунган) Центральной Азии» [13].

Мы озвучили все известные нам сочинения, которые когда-либо были посвящены анализу сюжетов дунганской волшебной сказки Центральной Азии. Однако даже из этих совсем немногих трудов не все полностью посвящены анализу волшебных сказочных сюжетов. Разве только статьи И. С. Шисыра однозначно рассматривают проблемы дунганской волшебной сказки. На основании изучения структурных особенностей существующих текстов фольклористы устанавливают в дунганской волшебной сказке следующие сюжетно-тематические образования: 1) героические сказки «змееборческого» типа; 2) героические сказки типа «поиск счастья»; 3) архаические сказки типа «дети у людоеда»; 4) сказки о контактах с духами; 5) сказки о чудесных супругах; 6) сказки о семейно-гонимых; 7) сказки о чудесных предметах.

Статья И. И. Юсупова и Б. Л. Рифтина «Дунганский фольклор» рассказывает об удивительной судьбе единственного дунганского профессионального сказителя Центральной Азии Хии Вуахунова (1870–1960). Его родители были свидетелями известного восстания хуэйцзу в Китае, в 1877 г. с оставшимися повстанцами бежали в Российскую империю. В молодости Хии отправляется в Северо-Западный Китай, увлекается представлениями уличных сказителей и остается там осваивать мастерство профессиональных «шошуди». После возвращения на родину жил в селе Каракунуз Курдайского района Джамбулской области Казахской ССР и работал на разных участках в местном коллективном хозяйстве. До самого конца длинной жизни считался одним из

лучших мастеров-рассказчиков дунганских прозаических фольклорных сочинений. Х. Вуахунов пытался передать знание сказительского искусства своим немногочисленным сказителям-любителям. В его богатый репертуар вошли известные сюжеты из старинных романов «Сангуэ» («Троецарствие»), «Ши ю жи» («Путешествие на Запад»), «Фи хўжуан» («Речные заводи»), а также волшебные, новеллистические, авантурные сказки и др.

В диссертации на соискание научной степени кандидата филологических наук, защищенной в 1969 г. под руководством Б. Л. Рифтина в АН Кыргызской Республики, М. А. Хасанов излагает свое видение в области изучения дунганских народных сказок. Диссертант сделал попытку применить к дунганскому сказочному эпосу состоящий из собранных самим исполнителем изыскания материалов принятый в советской фольклорной науке принцип классификации сказочных материалов. В дунганских народных сказках он выделил сказки о животных, волшебные сказки и бытовые сказочные новеллы. В недостаточном количестве собранные материалы из живой народной традиции не дали автору в полной мере раскрыть своеобразные особенности дунганских народных сказок. Одну главу диссертант посвящает дунганским волшебным сказкам Центральной Азии. Выводы М. А. Хасанова относительно существующих жанров в дунганской волшебной сказке «можно было бы считать правильными, если бы он не пытался насильно поместить в готовый трафарет живой материал. На наш взгляд, точной квалификации сюжетов фольклора способствует не столько имеющийся уже шаблон, сколько сам материал живой народной традиции» [14].

В 1977 г. в сборнике «Дунганские народные сказки и предания», вошедшем в серию «Сказки и мифы народов Востока», Б. Л. Рифтин помещает комментарии к сюжетам дунганских народных сказок. Общий объем комментариев составил более восьми печатных листов. Настоящие комментарии считаются классическим исследованием в области дунганской фольклористики. К плюсам следует отнести рачительное отношение ученого к материалам, которые бытуют до сих пор среди дунганского населения в самых различных формах. В комментариях к волшебным сказкам академик РАН скрупулезно анализирует практически каждый отдельный текст, выявляет генезис самого сюжета, устанавливает источник происхождения мотива, уточняет дату фиксации материала, приводит сведения об информаторе, выявляет существующие типологические параллели в фольклоре разных народов, находит аналог в международных сюжетных каталогах (Н. П. Андреева, А. Аарне, Ст. Томпсона, В. Эберхарда, Х. Икеда) и т.д.

Значительный вклад в изучение дунганского прозаического фольклора Центральной Азии сделан И. С. Шисыром. В монографии «Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии», выпущенной в свет в 2004 г. в издательстве «Илим», автор выделяет отдельный раздел, где с точки зрения структурного анализа выявляет все существующие жанры дунганской волшебной сказки. Исходя из диалектического закона об общем и индивидуальном отношении к дунганскому прозаическому фольклору Казахстана, Кыргызстана и Узбекиста-

на, И. С. Шисыр выделяет в его составе жанровые группы, самостоятельные жанры, сюжетно-тематические разряды, мотивационные подразряды и т.д. На самом деле взаимосвязь в целостной художественной системе сюжетов волшебных сказок не исключает своеобразие тематических жанров, сюжетных групп и каждого конкретного сюжета.

В отдельных статьях, опубликованных в Кыргызстане, России, КНР, Казахстане, И. С. Шисыр рассматривает самостоятельные части дунганских волшебных сказок. Важным свойством исследования является системный подход к анализу содержания и структуры национального прозаического фольклора Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. В данном случае ученый понимает волшебные сказки как целостный художественный мир, в котором различные сюжеты находятся в сложном взаимоотношении, взаимодействии и взаимовлиянии. Без изучения какой-либо стороны предмета соответственно нарушается вся система художественного отражения существующей действительности. Целостный подход в изучении содержания дунганской волшебной сказки Центральной Азии потребовал от исследователя решения целого комплекса естественных задач.

В современной фольклористике существуют также некоторые статьи, в которых рассматриваются отдельные проблемы дунганского сказочного прозаического фольклора. Однако они не могут быть приняты нами во внимание по причине того, что в них слишком расплывчато очерчены цели исследования. Не всегда понятны задачи, поставленные исследователями, так как нет прозрачной методологии, от которой следует оттолкнуться в процессе анализа конкретных сюжетов. По этой причине изучение текстов дунганской волшебной сказки Центральной Азии ограничивается нами вышеперечисленными немногочисленными исследованиями. Естественно, они совершенно недостаточны, чтобы осветить все существующие проблемы в этой области фольклористики, призванной изучать самый богатый, популярный и привлекательный жанр национального сказочного эпоса. Соответственно до настоящего времени многие тексты этого дунганского прозаического фольклора по-прежнему остаются малоизученными.

Неслучайно практически во всех сборниках с дунганскими народными сказками тексты обычно расположены хаотично, без какого-либо разграничения на самостоятельные, содержательные и структурные жанры. Совершенно обоснованно мнение И. С. Шисыра о том, что до настоящего времени в этой области национальной фольклористики существует немало путаницы, разночтений и недоработок. Сюжеты таких произведений, как «Сангэзымый» («Три сестры»), «Жынсын» («Жэньшэнь»), «Гулончер» («Птица Гулон»), «Гуэрлу» («Дырявый котел»), «Гўнен дэ мохур» («Девушка и орангутанг»), «Ахун дэ лон» («Ахун и волк»), «Хўржязэмусыхур» («Крестьянин и обезьяна»), «Лохўзэмусыдацэди» («Тигр и дровосек») и других, в которых в качестве действующих лиц выступают как люди, так и звери, авторы известных сборников в разной степени рассматривали как сказки о животных. Однако сюжеты «Жэньшэнь», «Девушка и

орангутанг» являются типичными волшебными сказками из разрядов «сказки о сношениях с духами», архаические сказки типа «дети у людоеда»; «Птица Гулон» и «Дырявый котел» – бытовыми сказками из разрядов «об образованности и невежестве» и «о случайном везении и фатальном невезении»; «Ахун и волк», «Крестьянин и обезьяна», «Тигр и дровосек» – бытовыми сказками «о сметливости, находчивости и хитрости».

Во избежание голословности нашего суждения мы приведем в качестве примера сказку «Ахун дэ лон» («Ахун и волк»), которую записала Ф. Н. Машинхаева в 1985 г. у своей бабушки в с. Ирдык Джеты-Огузского района Иссык-Кульской области Кыргызской Республики и поместила в 2005 г. в сборник «Нэнэдигүжер» («Бабушкины сказки») [5]. В своей диссертации «Жанровое своеобразие дунганских сказок о животных», защищенной в 1996 г. в г. Алматы, Ф. Н. Машинхаева рассматривает этот сюжет как сказку о животных. Однако «Ахун дэ лон» представляет собой типичный сюжет из разряда бытовых сказок «о сметливости, находчивости и хитрости». В данном случае волк как персонаж все же не считается основным субъектам изображения, а только выполняет второстепенную роль в утверждении главной идеи произведения и посему призван помогать главному герою ахуну при разворачивании событийных сюжетных ходов.

Жил когда-то один ахун. Однажды отправился он в соседнюю деревню почитать молитву. На половине пути повстречался с серым волком. От испуга ахун побледнел, его ноги задрожали, но виду он не подал.

Серый, преградив ему путь, громко закричал:

– Эй, человек, я тебя съем!

– Почему?

– Потому что я очень голоден!

– Не трогай меня. Я старый, у меня ведь одни кости, мясо мое невкусное, сильно ты не насытишься. Слушай, меня позвали в гости. Подожди меня здесь, я принесу тебе столько мяса, сколько захочешь.

Но волк не соглашался:

– Нет. Я не могу долго ждать. Я хочу съесть тебя. Я очень голоден.

Ахун решил перехитрить волка:

– Съесть меня ты всегда успеешь. Лучше пойдем со мной в деревню. В честь тебя я почитаю молитву, и все твои грехи уйдут. А еще могу дать тебе лекарство от голода, выпьешь его и будешь ходить всегда сытым. Ты согласен?

Волк с радостью согласился.

Отправились они вдвоем в деревню. Волк спрятался за кустиком, а ахун зашел в первый попавший дом и рассказал про случившееся. Там он взял пачку яда, вышел из дома и подошел к волку:

– Вот тебе лекарство. Выпей его.

Волк лихорадочно схватил яд и проглотил. Тут его схватила судорога. Прибежали люди и убили его.

В принципе, животные играют значительные роли в развертывании сюжетов, поэтому в подобных сказках они однозначно действуют в качестве важных персонажей. Однако как художественные персонажи животные все же не считаются основными субъектами изображения, так как выполняют только вспомогательные роли в утверждении главной идеи текстов. В нашем случае волк лишь помогает основному герою при развертывании событийных сюжетных ходов. В подобных сюжетах с созданным единым цельным миром обитает много существ, хотя каждому из них определено свое истинное место. Вообще, подобные сюжеты сформированы в достаточно поздние исторические времена, в них неслучайно явственно ощущаются социально-бытовые институты феодальной эпохи человеческого развития.

В изучении дунганской волшебной сказки некоторые преимущества имеют фольклористы КНР из Центров по изучению устного творчества хуэйцзу, которые в достаточной степени сумели разобраться в вопросе ее содержания. Труды Ли Шуцзяня «Хуэйцзуминьцзяньгушици» («Сборник древних народных историй хуэйцзу») [4], Цзу Гона «Цинхайхуэйцзуминьцзяньгуши» («Древние народные истории хуэйцзу Цинхая») [8], Ли Шуцзяня «Хуэйцзуминьцзяньгушицзюэцзуньху» («Обзор народной литературы хуэйцзу») [3], «Хуэйцзуньцзюэцзуньху» («Наиболее полные описания литературы хуэйцзу») [2] и других фольклористов красноречиво подтверждают наши выводы. Соответственно, хорошим подспорьем для дунганских фольклористов КНР стали наработки ученых в исследовании китайской волшебной сказки, труды которых широко известны в мировой фольклористике.

В настоящее время перед дунганскими фольклористами Центральной Азии стоят задачи научного исследования текстов своеобразной, самобытной и интересной национальной волшебной сказки, опираясь на опыт ученых мировой, кыргызской, центрально-азиатской и китайской (дунганской) фольклористики. В сущности, как свидетельствуют выше упомянутые немногочисленные исследования, мы по-прежнему располагаем только собранными богатыми материалами, которые требуют тщательного, масштабного, систематического изучения с использованием передовой методологии современной фольклористики. Соответственно, только в этом случае мы можем говорить об успешной попытке сохранения важнейшей части национального духовного наследия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абдуллин Д. О дунганском фольклоре / Д. Абдуллин // Советская Киргизия. – 1934. – № 93.
2. Ли Шуцзянь. Хуэйцзуминьцзяньгушици (Сборник народных сказок хуэйцзу) / Шуцзянь Ли. – Нинья : Жэньминьчубаньшэ, 1988. – 582 с. (на кит. яз.)
3. Ли Шуцзянь. Хуэйцзуньцзюэцзуньху (Наиболее полные описания литературы хуэйцзу) / Шуцзянь Ли. – Нинья: Жэньминьчубаньшэ, 1996. – 412 с. (на кит. яз.)

4. Ли Шуцзянь. Хуэйцзуминцзяньвэньсюэшыгон (Обзор народной литературы хуэйцзу) / Шуцзянь Ли. – Нинься : Жэньминьчубаньшэ, 1989. – 374 с. (на кит. яз.).
5. Нэнэдиғжер (Бабушкины сказки) / сост. Ф. Машинхаева. – Бишкек, 2005. – С. 126–127 (дунг. яз., рус. яз.).
6. Рифтин Б. Л. Комментарии / Б. Л. Рифтин // Дунганские народные сказки и предания / сост. М. А. Хасанов и И. И. Юсупов. – М. : Наука, 1977. – С. 403–506.
7. Хасанов М. А. Дунганские народные сказки : автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. А. Хасанов. – Фрунзе, 1969. – 19 с.
8. Цзу Гон. Цинхайхуэйцзуминьцзяньгуши (Древние народные истории хуэйцзу Цинхая) / Гон Цзу. – Цинхай : Цинхайминьжэньчубаньшэ, 1985. – 224 с. (на кит. яз.).
9. Шисыр И. С. Волшебные сказки повествовательно-эстетического фольклора / И. С. Шисыр // Современность : философские и правовые проблемы : сб. науч. статей. – Бишкек, 2004. – С. 336–343.
10. Шисыр И. С. Волшебные сказки хуэйцзу Центральной Азии. Сюжеты о сношениях с духами / И. С. Шисыр // Диалог ученых на Великом Шелковом пути : сб. науч. статей. – Бишкек : Илим, 2003. – Вып. 2. – С. 84–91.
11. Шисыр И. С. Дүнгөн халық ауыз әдебиетіндегі аңыздар / И. С. Шисыр // Ақиқат журналы. – Алматы. – 2010. – № 11. – Б. 86–89.
12. Шисыр И. С. Особенности фольклора хуэйцзу Кыргызстана / И. С. Шисыр // История и культура хуэйцзу : материалы междунар. науч. конф. – Иньчуань, 1998. – С. 264–267 (на кит. яз.).
13. Шисыр И. С. Особенности прозаического фольклора хуэйцзу (дунган) Центральной Азии / И. С. Шисыр // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации. К 100-летию Синьхайской революции : тезисы докладов XIX Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, Институт Дальнего Востока РАН, 19–21 октября 2011 г.). – М., 2011. – С. 413–415.
14. Шисыр И. С. Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии / И. С. Шисыр. – Бишкек : Илим, 2004. – 279 с.
15. Шисыр И. С. Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алматы, 2010.
16. Шисыр И. С. Сказки хуэйцзу о «чудесных женах» с точки зрения структурного изучения / И. С. Шисыр // Вестник КРСУ. – 2005. – № 2 (5) – С. 97–73.
17. Шисыр И. С. Социально обездоленные образы в волшебной сказке хуэйцзу (дунган) Центральной Азии / И. С. Шисыр // Вестник Университета им. С. Демиреля. – 2010. – № 3 (15). – С. 64–69.

REFERENCES

1. Abdulin D. O dunganskom fol'klore / D. Abdulin // Sovetskaya Kirgiziya. – 1934. – № 93.
2. Li Shutszyan'. Khueytszumintszyan'gushitszi (Sbornik narodnykh skazok khueytszu) / Shutszyan' Li. – Nin'sya : Zhen'min'chuban'she, 1988. – 582 s. (na kit. yaz.)
3. Li Shutszyan'. Khueytszuven'syuetszunuykhen (Naibolee polnye opisaniya literatura-tury khueytszu) / Shutszyan' Li. – Nin'sya: Zhen'min'chuban'she, 1996. – 412 s. (na kit. yaz.)
4. Li Shutszyan'. Khueytszumintszyan'ven'syueshygon (Obzor narodnoy literatury khueytszu) / Shutszyan' Li. – Nin'sya : Zhen'min'chuban'she, 1989. – 374 s. (na kit. yaz.)

5. Nenedigýžer (Babushkiny skazki) / sost. F. Mashinkhaeva. – Bishkek, 2005. – S. 126–127 (dung. yaz., rus. yaz.).
6. *Riftin B. L.* Kommentarii / B. L. Riftin // *Dunganskie narodnye skazki i predaniya* / sost. M. A. Khasanov i I. I. Yusupov. – M. : Nauka, 1977. – S. 403–506.
7. *Khasanov M. A.* *Dunganskie narodnye skazki* : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / M. A. Khasanov. – Frunze, 1969. – 19 s.
8. *Tszu Gon.* Tsinkhaykhueytszumin'tsryan'gushi (Drevnie narodnye istorii khueytszu Tsinkhaya) / Gon Tszu. – Tsinkhay : Tsinkhaymin'zhen'chuban'she, 1985. – 224 s. (na kit. yaz.)
9. *Shisyr I. S.* Volshebnye skazki povestvovatel'no-esteticheskogo fol'klora / I. S. Shisyr // *Sovremennost' : filosofskie i pravovye problemy* : sb. nauch. statey. – Bishkek, 2004. – S. 336–343.
10. *Shisyr I. S.* Volshebnye skazki khueytszu Tsentral'noy Azii. Syuzhety o snosheniyakh s dukhami / I. S. Shisyr // *Dialog uchenykh na Velikom Shelkovom puti* : sb. nauch. statey. – Bishkek : Ilim, 2003. – Vyp. 2. – S. 84–91.
11. *Shisyr I. S.* Dyngen khalyk auyz ədebietindegi anyzdar / I. S. Shisyr // *Akikat zhurnaly*. – Almaty. – 2010. – № 11. – B. 86–89.
12. *Shisyr I. S.* Osobennosti fol'klora khueytszu Kyrgyzstana / I. S. Shisyr // *Istoriya i kul'tura khueytszu* : materialy mezhdunar. nauch. konf. – In'chuan', 1998. – S. 264–267 (na kit. yaz.).
13. *Shisyr I. S.* Osobennosti prozaicheskogo fol'klora khueytszu (dungan) Tsentral'noy Azii / I. S. Shisyr // *Vekovoy put' Kitaya k progressu i modernizatsii. K 100-letiyu Sin'khayskoy revolyutsii : tezisyy dokladov XIX Mezhdunar. nauch. konf. «Kitay, kitayskaya tsivilizatsiya i mir. Istoriya, sovremennost', perspektivy»* (Moskva, Institut Dal'nego Vostoka RAN, 19–21 oktyabrya 2011 g.). – M., 2011. – S. 413–415.
14. *Shisyr I. S.* Prozaicheskiy fol'klor khueytszu Tsentral'noy Azii / I. S. Shisyr. – Bishkek : Ilim, 2004. – 279 s.
15. *Shisyr I. S.* Prozaicheskiy fol'klor khueytszu Tsentral'noy Azii : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. – Almaty, 2010.
16. *Shisyr I. S.* Skazki khueytszu o «chudesnykh zhenakh» s tochki zreniya strukturnogo izucheniya / I. S. Shisyr // *Vestnik KRSU*. – 2005. – № 2 (5) – S. 97–73.
17. *Shisyr I. S.* Sotsial'no obezdoennyye obrazy v volshebnoy skazke khueytszu (dungan) Tsentral'noy Azii / I. S. Shisyr // *Vestnik Universiteta im. S. Demirelya*. – 2010. – № (15). – C. 64–69.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ У ДУНГАН Г. БИШКЕКА (КЫРГЫЗСТАН)*

Аннотация: статья написана на основе проведенного индивидуального опроса на знание родного языка, его применения в повседневной жизни и воздействия средств массовой информации на дунган, проживающих в г. Бишкек. Результаты показали, что 90,5 % респондентов считают дунганский родным языком, все респонденты являются двуязычными (русский, дунганский) и многоязычными. Подавляющее большинство респондентов, чьим родным языком является дунганский, владеют письменностью на двух и более языках. Родной язык в основном используется при общении с этническими дунганами, при отправлении религиозной практики и в кругу семьи. На работе, при личном общении, просмотре газет, журналов, кино, телевидения большинство респондентов используют русский язык. Менее всего используется кыргызский язык. Также был проведен анализ взаимосвязи между двуязычием респондентов и их возрастом, профессией, полом, образованием и другими социальными факторами. На основе анализа современного состояния дунганской школы сделаны прогнозы относительно языковых навыков и перспектив развития образования у дунган.

Ключевые слова: дунгане, диаспора, национальный язык, идентичность.

Abstract: the article is written based on individual survey on the knowledge of the native language, its application in everyday life and the impact of the media on the Dungans living in Bishkek. The results showed 90,5 % of respondents believe their native language is Dungan, all respondents are bilingual (Russian and Dungan) and multilingual. The results showed that the vast majority whose native language is Dungan, speak two or more languages. Native language is mostly used when dealing with ethnic Dungans, in the administration of religious practice and family. At work, in person, by browsing Newspapers, magazines, film, television, radio and the Internet – the majority of respondents use Russian language. Less often used the Kyrgyz language. Also, an analysis was conducted of the relationship between bilingualism of the respondents and their age, profession, gender, education and other social factors. Based on the analysis of the current state Dungan school made forecasts of further state language skills and prospects of development of education of Dungan.

Keywords: Dungans, diaspora, national language, identity.

Дунгане – потомки китайских беженцев, переселившихся на территорию Семиреченской области Туркестанского края Российской империи в 1878–1883 гг. в связи с подавлением Дунганского восстания, начавшегося в северо-западных провинциях Китая. В настоящее время проживают на территории трех государств: Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. За почти полутора-вековой период проживания дунган на новой родине они в основном сохранили свои национальные, религиозные, культурные традиции и язык. Нужно отме-

* Пер. с кит. Масалбека Сулайманова.

тять, что дунганами Узбекистана и Ошской области Кыргызстана практически утерян родной язык. Современное состояние дунганского языка и уровень владения им в других местах проживания, особенно среди молодого поколения, вызывает огромное беспокойство ученых и дунганской общественности.

В июне 2013 г. группой китайских исследователей было проведено выборочное обследование дунганского населения г. Бишкека на предмет состояния и использования ими родного языка в быту, учебе и профессиональной деятельности [1, 2, 5]. Исследователей интересовало следующее: каково соотношение городских дунган, считающих дунганский язык родным; двуязычие у дунган и в каких ситуациях они используют родной язык; на каком языке дунгане знакомятся со средствами массовой информации и коммуникации, каким образом процесс урбанизации отразился на состоянии дунганского языка, каковы современные проблемы и особенности сохранения родного языка в условиях города. Также был проведен анализ взаимосвязи между двуязычием респондентов и их возрастом, профессией, полом, образованием и другими социальными факторами. Многие аспекты исследуемой проблемы не получили своего должного освещения в научной литературе.

Столица Кыргызстана – город Бишкек, расположен в центре Чуйской долины и является политическим, экономическим, культурным, образовательным и научным центром Кыргызстана, а также важным транспортным узлом страны. Согласно статистике, в 2010 г. общая численность населения в Бишкеке достигала 846 467 человек, из которых подавляющее большинство составляли представители титульной нации – этнических кыргызов – 567 797 человек (67,1 % от всего населения). Остальное население состояло из представителей 22 этнических меньшинств, среди которых русских было 188 105 человек (22,2 %), уйгуров – 13 583 (1,6 %), татар – 12 526 (1,5 %), корейцев – 12 004 (1,4 %), узбеков – 11 969 (1,4 %), казахов – 9019 (1,1 %), украинцев – 7522 (0,9 %), дунган – 4127 (0,5 %) и др.

В последние годы в Китае возрос интерес к дунганам: переведены и написаны десятки монографий, сотни статей и исследований по истории, языку и культуре дунган. Большинство статей о дунганском языке касаются его конструктивных особенностей. Язык дунган сохранил характерные черты, связанные с обособленным развитием этноса вне его материнской территории на протяжении более чем векового промежутка времени.

Работ, касающихся использования дунганского языка, очень мало [7–11]. Среди них можно назвать следующие: Дин Хун «Особенности использования дунганского языка как культурного наследия дунганского народа» [3], Линь Тао «Дунганский язык и его развитие в Центральной Азии» [4], Ли Синь «Проведение опроса среди дунган с. Милянфан (Кыргызстан)» [6].

Дин Хун отмечает, что «дунгане, несмотря на иноязычное окружение, смогли сохранить свой язык и традиционную этническую культуру как существенный показатель своей национальной самобытности и усердно работают в

этой области. Это является важным признаком жизнеспособности дунганского языка, которая привлекает внимание многих ученых и исследователей» [3].

Линь Тао, Ли Синь и другие ученые исследовали состояние дунганского языка при помощи анкет и опросных листов. Линь Тао изучал развитие и изменение дунганского языка в процессе двуязычных и многоязычных контактов через заимствование и смешение языков. Эти изменения, по мнению ученого, помогают интеграции дунганского этноса в сообщество центрально-азиатских народов, способствуя развитию и процветанию всего азиатского сообщества, но в то же время наносят непоправимый ущерб дунганскому языку, толкая его в разряд исчезающих [4].

Ли Синь провела статистическое исследование использования родного языка, языковых отношений и этнической идентичности дунган в местах компактного проживания на примере села Милянфан в Кыргызстане [5]. Анкетирование проводилось среди представителей интеллигенции, занимающихся национальными проблемами: научных сотрудников Центра дунгановедения и китаистики Национальной академии наук Кыргызской Республики, сотрудников дунганской газеты «Хуэймин бо», студентов китайских факультетов, а также торговцев крупных рынков, в мечетях в местах компактного проживания дунган.

Из полученных 126 анкет, мужчинам принадлежали 50,8 %, женщинам – 49,2 %; респондентам, имеющим начальное образование – 2,4 %, среднее – 11,1 %, среднее специальное – 30,2 %, получившим высшее образование или окончившим техникум – 50 %, ученым – 6,3 %. Возрастной состав: молодые люди (16–39 лет) составили 54,8 %, люди среднего возраста (40–59 лет) – 34,9 %, пожилые (60 лет и старше) – 10,3 %. (34 человека) в браке не состояли, а 73 % опрошенных (68 человек) состояли в браке.

Методы исследования. Респондентам было предложено самостоятельно заполнить анкеты и сообщить уровень знания и использования родного языка в повседневной жизни, поэтому показатели владения родным языком и письменностью имеют субъективный характер и могут не отражать истинное состояние уровня владения языком и письмом.

Анкета была составлена на основе материалов, разработанных Чжоу Чин Шень в работе «Двуязычное сообщество: анализ национальности Дай в автономной области Дехун» («Китайская социолингвистика», 2003, № 1), с некоторыми изменениями и дополнениями. Анкета состоит из 5 блоков и 52 вопросов.

В статье мы остановимся на анализе некоторых частей проведенного исследования.

Блок А. Использование родного и других языков (вопрос А1–А10).

Блок В. Языковые навыки респондентов (вопрос В1–В16).

Блок С. Воздействие средств массовой информации на респондента (вопрос С1–С10).

Блок D. Условия жизни респондентов (вопрос D1–D5).

Блок E. Основная информация о дунганах (вопрос E1–E11).

Состояние родного языка. Исследование показало, что дунганский язык считают родным 114 человек, что составляет 90,5 %; русский – 11 человек (8,7 %); кыргызский – 1 человек (0,8 %).

Использование двуязычной модели. Опрос выявил, что многие дунгане используют два и более языков. Двуязычные респонденты составили 60 человек (47,6 %); трехязычные – 49 (38,9 %); четырьмя языками владеют 17 человек, что составляет 13,5 % от общего числа респондентов.

Двуязычные респонденты, чей родной язык – дунганский, а второй язык – русский (дунганский + русский), составили 56 человек.

Родным языком считает русский, а вторым – дунганский (русский + дунганский) – 1 человек.

Родной язык – русский, второй язык – кыргызский (русский + кыргызский) – 2 человека.

Родной язык – кыргызский, второй язык – русский (кыргызский + русский) – 1 человек.

Трехязычные респонденты «дунганский + русский + 1» – 40 человек, «дунганский + кыргызский + 1» – 5 человек, «русский + дунганский + 1» – 2 человека, «русский + кыргызский + 1» – 1 человек, «дунганский + 2» – 1 человек.

Четырехязычные респонденты «дунганский + русский + 2» – 9 человек, «русский + дунганский + кыргызский + 1» – 4 человека, «дунганский + кыргызский + 2» – 3 человека, «русский + кыргызский + 2» – 1 человек.

Примечание: цифра «1» означает все языки, кроме дунганского и русского: кыргызский, казахский, английский, китайский, арабский, немецкий и др.; цифра «2» означает два других языка.

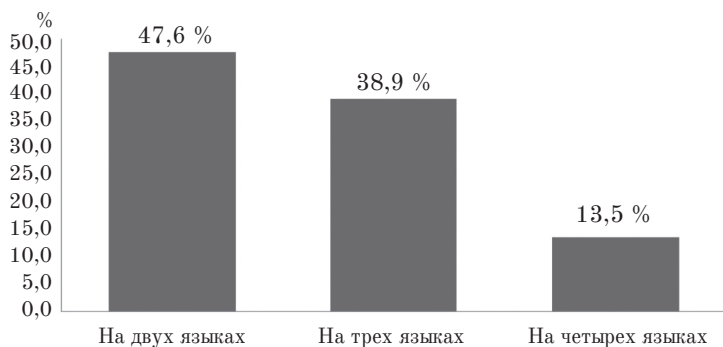

Рис. 1. Модель использования нескольких языков у дунган

Модель использования двойной письменности. Для полноценного существования и развития дунганам, живущим в многонациональной и многоязыковой среде, необходимо преодолевать двуязычные и многоязычные барьеры, при этом владеть письменностью на двух и более языках. Как показано на рис. 2,

60 человек владеют одной письменностью, что составляет 47,6 % от общего числа респондентов, из них 59 человек знают русскую письменность, и один – только дунганскую. Владеют письменностью на двух и более языках – 66 человек (52,4 %), респондентов, владеющих письменностью на двух языках, – 20 человек (15,9 %). Умеющих писать на трех языках – 31 человек, что составляет 24,6 %. Умеющих писать на четырех языках – 15 человек, или 11,9 %.

Примечание: владение «письменностью на двух языках» означает «дунганский + русский»; «на трех языках» – «дунганский + русский + кыргызский», владение «четырьмя письменностями» – это «дунганский + русский + + кыргызский + другой».

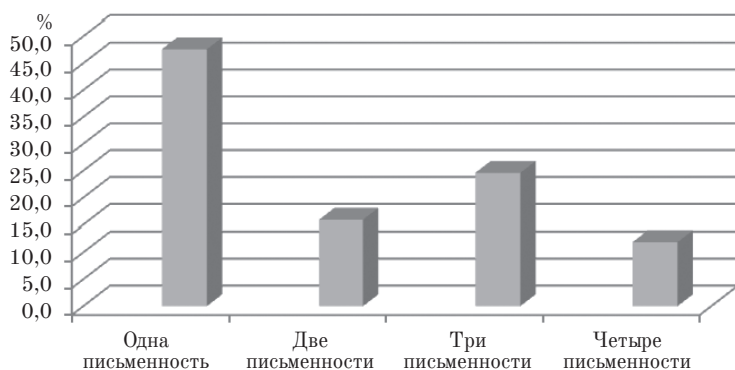

Рис. 2. Модель использования дунганами письменности на нескольких языках

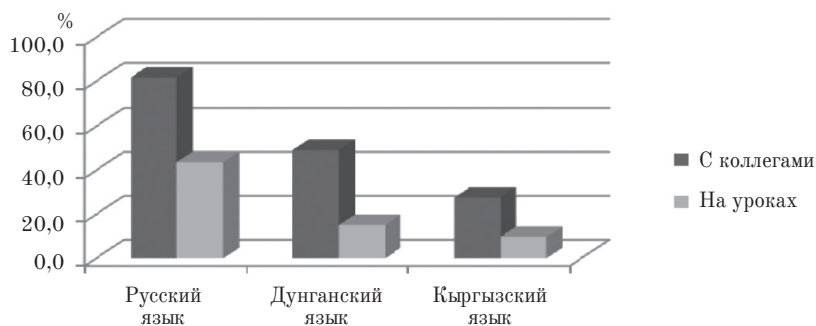

Рис. 3. Использование нескольких языков в работе

На рис. 3 показаны три языка, которые используются в работе в Бишкеке: дунганский, русский и кыргызский. Основным является русский язык, на втором месте – дунганский, на третьем – кыргызский. В школе и других учебных заведениях использование русского языка составляет более 40 %, дунганского – около 15 %, кыргызского – около 10 %.

Использование нескольких языков в жизни дунган. Из рис. 4 видно, что в кругу семьи, во время отправления религиозной практики, при общении с представителями дунганской национальности дунганский язык используется в среднем больше, чем русский или кыргызский. Но в учебных заведениях, на рынках чаще используется русский язык.

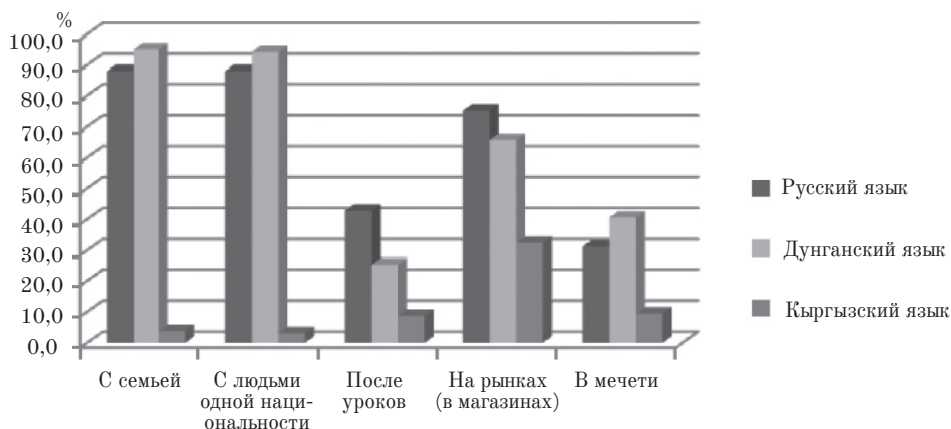

Рис. 4. Использование нескольких языков в жизни дунган

СМИ и медиасвязь. Из рис. 5 видно, что 118 респондентов (93,7 %) чаще всего пользуются информацией на русском языке: радио, ТВ, фильмы, интернет. Респонденты, слушающие радио на русском языке, составляют 113 человек, или 90 %; пользующиеся интернетом на русском языке, – 108 человек (85,7 %). Число респондентов, просматривающих СМИ, фильмы или интернет на кыргызском языке, невелико. Небольшое количество респондентов (менее 10 %) пользуется СМИ и медиапродуктами на китайском и английском языках, респондентов, пользующихся интернетом на китайском языке, нет. Кроме выше указанных, есть небольшое число респондентов, которые слушают радио, пользуются медиапродуктами на арабском языке и смотрят ТВ и фильмы на казахском языке.

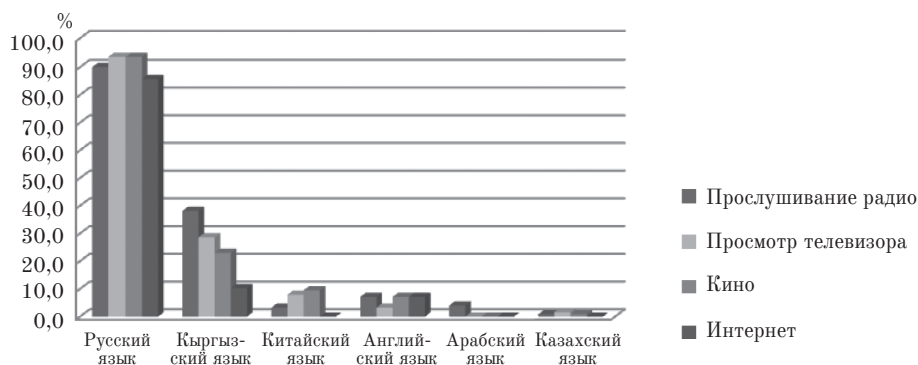

Рис. 5. Использование радио, ТВ, медиапродуктов дунганами

Из рис. 6 видно, что процент респондентов, читающих русскоязычные газеты, журналы и книги очень высок, все три пункта выше 80 %. На втором месте стоит чтение газет на дунганском языке (60 %); а чтение книг на дунганском языке приближается к нулю. Меньше всего читают газеты, журналы и книги на кыргызском языке.

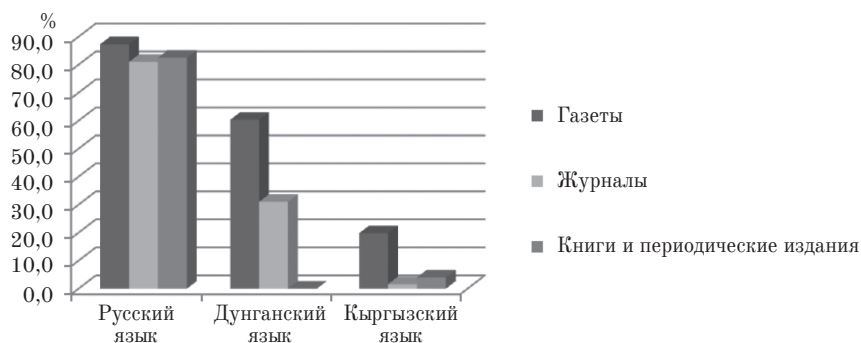

Рис. 6. Чтение газет, журналов и книг дунганами

Заключение. Изучение использования родного языка дунганами города Бишкека показывает, что у большинства дунган исследуемой группы родным является дунганский язык и большинство дунган владеют двумя или более языками. Респонденты, читающие и пишущие на двух и более языках, составляют 52,4 %; респонденты, свободно владеющие двумя разговорными языками или владеющие ими на высоком уровне, составили 47,6 %; владеющих письменностью на двух языках – 20,6 %, респондентов, владеющих двумя языками и письменностью на двух языках – 15,9 %. Дунгане в основном пользуются родным языком дома, при общении с представителями своего этноса и в мечетях. В остальное время подавляющее большинство дунган пользуются русским языком.

Данные опроса отражают потерю ряда функций дунганского языка в процессе урбанизации. В ходе научного исследования были изучены различные факторы социальных отношений и семейного воспитания дунган, у которых школьное образование является важным фактором в развитии билингвизма при сохранении языковых навыков. В настоящее время наблюдается процесс сокращения школьных часов по дунганскому языку в местах компактного проживания дунган, что неминуемо приведет к уменьшению числа говорящих, и особенно пишущих, на родном языке. Семья продолжает играть решающую роль в сохранении родного языка.

При проведении данного анкетирования авторы исходили из насущных проблем дунганской диаспоры Кыргызстана, главными из которых являются катастрофическое состояние родного языка и проблемы его преподавания в школах компактного расселения дунган. Так как сфера применения родного

языка ограничена бытовым уровнем, современный дунганский язык обедняется и теряет свое словарное богатство и выразительность. Потеря родного языка неизменно ведет к потере традиционных моральных ценностей, культурно-нравственному падению и вырождению этноса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Чжоу Чин Шень. Сравнительный анализ учебной мотивации второго языка у детей малых народов / Шень Чжоу Чин // Национальный язык и литература. – 1997. – № 2.
2. Чжоу Чин Шень. Общение на двух языках и двуязычное сообщество : анализ национальности Дай в автономной области Дехун пров. Юнань / Шень Чжоу Чин // Китайская социоллингвистика. – 2003. – № 1.
3. Дин Хун. Особенности использования языка дунганцами : дунганский язык и культурное наследие дунган / Хун Дин // Национальные исследования. – 1998. – № 7.
4. Линь Тао. Дунганский язык и его развитие в Центральной Азии / Тао Линь // Языки северных народов. – 2011.
5. Ли Синь. Проведение опроса среди дунган селения Милянфан / Синь Ли // Журнал по культурологии. – 2014. – № 3.
6. Ху Чжэнь Хуа. Исследование центрально-азиатских дунган / Хуа Ху Чжэнь. – Пекин : Центр. ун-т национальностей, 2009.
7. Вань Гуо Цзе. История формирования дунганской национальности / Цзе Вань Гуо. – Сиань, 1997.
8. Хай Фэн. Исследование языка дунган Центральной Азии / Фэн Хай. – Урумчи : Изд-во Синьцзянского ун-та, 2003.
9. Линь Тао. Исследование дунганского языка Центральной Азии / Тао Линь. – Гонконг : Изд-во отдела образования, 2003.
10. Линь Тао. Теоретические основы дунганского языка Центральной Азии / Тао Линь. – Иньчуань : Народное изд-во пров. Нинся, 2007.
11. Вань Шанда. Языковая политика Советского союза в Центральной Азии : оценка и отражение / Шанда Вань, Вэнь Вань // Исследование России, Восточной Европы, Центральной Азии. – 2005. – № 6.
12. Чжань Вэнь Чжань. Дунганская литература как часть мировой китайской литературы / Чжань Вэнь Чжань, Син Тянь // Гуанмин жибао, 2003. – 8 мая.

REFERENCES

1. Chzhou Chin Shen'. Sravnitel'nyy analiz uchebnoy motivatsii vtorogo yazyka u detey malykh narodov / Shen' Chzhou Chin // Natsional'nyy yazyk i literatura. – 1997. – № 2.
2. Chzhou Chin Shen'. Obshchenie na dvukh yazykakh i dvuyazychnoe soobshchestvo : analiz natsional'nosti Day v avtonomnoy oblasti Dekhun prov. Yunan' / Shen' Chzhou Chin // Kitayskaya sotsiolingvistika. – 2003. – № 1.
3. Din Khun. Osobennosti ispol'zovaniya yazyka dunganami : dunganskiy yazyk i kul'turnoe nasledie dungan / Khun Din // Natsional'nye issledovaniya. – 1998. – № 7.

4. *Lin' Tao*. Dunganskiy yazyk i ego razvitie v Tsentral'noy Azii / Tao Lin' // Yazyki severnykh narodov. – 2011.
5. *Li Sin'*. Provedenie oprosa sredi dungan seleniya Milyanfan // Zhurnal po kul'turologii. – 2014. – № 3.
6. *Khu Chzhen' Khua*. Issledovanie tsentral'no-aziatskikh dungan / Khua Khu Chzhen'. – Pekin : Tsentr. un-t natsional'nostey, 2009.
7. *Van' Guo Tsze*. Istoriya formirovaniya dunganskoy natsional'nosti / Tsze Van' Guo. – Sian', 1997.
8. *Khay Fen*. Issledovanie yazyka dungan Tsentral'noy Azii / Fen Khay. – Urumchi : Izd-vo Sin'tszyanskogo un-ta, 2003.
9. *Lin' Tao*. Issledovanie dunganskogo yazyka Tsentral'noy Azii / Tao Lin'. – Gonkong : Izd-vo otdela obrazovaniya, 2003.
10. *Lin' Tao*. Teoreticheskie osnovy dunganskogo yazyka Tsentral'noy Azii / Tao Lin'. – In'chuan' : Narodnoe izd-vo prov. Ninsya, 2007.
11. *Van' Shanda*. Yazykovaya politika Sovetskogo soyuza v Tsentral'noy Azii : otsenka i otrazhenie / Shanda Van', Ven' Van' // Issledovanie Rossii, Vostochnoy Evropy, Tsentral'noy Azii. – 2005. – № 6.
12. *Chzhan' Ven' Chzhan'*. Dunganskaya literatura kak chast' mirovoy kitayskoy literatury / Chzhan' Ven' Chzhan', Sin Tyan' // Guanmin zhibao, 2003. – 8 maya.

КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ ВОСТОКА, ВОСТОК В КУЛЬТУРЕ ЗАПАДА

Р. М. Исмаева

ДУНГАНСКИЕ ГЕРОИЧЕСКИЕ СКАЗКИ ЗМЕЕБОРЧЕСКОГО ТИПА (В АСПЕКТЕ СВЯЗИ СО СТРУКТУРНЫМ ИЗУЧЕНИЕМ)

Аннотация: автор анализирует проблемы текстологии дунганских волшебных сказок. Особое внимание уделено сказкам о борьбе против змея. В качестве методологии используется теория русского историка литературы Владимира Проппа. Змей показан как символ зла в народной мифологии дунган. Проанализированы основные траектории и стратегии формирования и развития змеиных образов в народной идентичности дунган.

Ключевые слова: сказка, мифология, дунгане, змеи в народной культуре.

Abstract: the author analyzes the problems of textology of Dungan fairy tales. The particular attention is paid to the tales about struggle against the serpent. Methodologically this text is based on theoretical approach proposed and developed by Russian literary historian Vladimir Propp. The serpent appears as a symbol of evil in Dungan popular mythology. The main trajectories and strategies of serpent images formation and development in Dungan identity are analyzed in the article.

Keywords: fairy tale, mythology, Dungans, serpents images in the popular culture.

В дунганской волшебной сказке змееборческого типа фактически отсутствуют знаменитые сказочные неопределенности в пространстве и времени. Сказочники старательно подчеркивают место и время совершенного неожиданного действия. Такой необычный сказочный прием служит для того, чтобы показать реальность совершаемого действия. Вот почему «волшебные» сказочные действия никогда не начинаются словами: «В некотором царстве...» Зафиксированные нами тексты обычно совершенно прагматически вступают в действия со словами «В одном уезде...» («В одном городе...», «В одной деревне...») жил (жили) во времена великих императоров...» и т.д. Например, сюжет сказки «Охотник Хали» начинается следующим образом: «Давным-давно жил у подножья горы Чжуннань, что находится к югу от древней китайской столицы Чаньань, молодой охотник по имени Хали. С ранних лет он потерял отца, а когда ему исполнилось семнадцать лет, умерла от болезни и мать. У него было две сестры, но они вышли замуж и уехали в соседние деревни» [1].

Все действия волшебных сказочных героев дунган обычно локализуются во времени и пространстве. По этой причине практически не наблюдается

характерное для волшебной сказки передвижение по существующим противоположенным мирам (бытовом – родном селе, городе, уезде) и фантастическом / подводном, потустороннем, небесном царствах). Соответственно, герои не выезжают в далекое мифическое государство, пройдя через дремучий лес, переплыв море, поднявшись на гору или опустившись под землю (воду), для совершения необходимого для сказочного действия подвига. Герои совершают поступки в местах, не сильно отдаленных от родного дома.

В дунганской волшебной сказке герои добиваются свершения задачи во вполне известном пространстве за совершенно естественное количество времени. В известном случае сказочнику под силу определить время дороги героя от известной местности до места совершения подвига. «Сказки ряда народов Дальнего Востока, – по этому поводу писали Б. Л. Рифтин и М. А. Хасанов, – например китайцев или корейцев, вообще тяготеющие к легенде, преданию, нередко точно обозначают время действия. При такой-то династии, при таком-то государстве случилась такая-то история» [1, с. 15].

Дунгане Центральной Азии в недалеком историческом прошлом жили именно в этом географическом, экономическом и социальном регионе. Соответственно, в дунганскую волшебную сказку известные эстетические особенности народов Дальнего Востока (китайцев, японцев, корейцев и др.) попали вследствие долгого развития последней на протяжении длительного времени в дальневосточном фольклорном фонде. Поэтому мы не наблюдаем в них ярких действий героев, особенно характерных для волшебной сказки змееборческого типа народов (кыргызов, узбеков, казахов, таджиков и др.) Центральной Азии.

Неслучайно в процессе подготовки материалов к анализу мы зафиксировали только шесть текстов с героическими сказками змееборческого типа в дунганском фольклоре. Такое скромное наличие чрезвычайно знаменитого сюжетного типа можно объяснить только особой «приземленностью» [1, с. 15] характера сказочного эпоса дальневосточных народов. Естественно, этот региональный факт никоим образом не способствовал особому развитию героических сказок змееборческого типа.

Завязка. Соответственно, во всех шести рассматриваемых сюжетах героической дунганской волшебной сказки («О том, как бедняк Джончён искал свою возлюбленную», «Понжыр», «Чжон Чен ищет жену», «Понвын», «Белый шелк», «Охотник Хали» [1]) конфликты в достаточной степени схожи по строению. В этом заключается своеобразие структуры сюжетов героических сказок змееборческого типа. В фазе завязки структурного построения зафиксированных сюжетов функции («отлучка», «запрет», «нарушение», «выведывание», «выдача», «подвох», «пособничество», «вредительство», «недостача») главным образом направлены на создание конфликта с единственной важной целью. В этой стадии сказочникам важно ввести в элементарные последовательные круги основной персонаж. В целом же все функции в настоящей фазе «завязки» служат для конструирования вступительного «самостоятельного» сюжета в виде экспозиции волшебной сказки.

В сказке «О том, как бедняк Джончён искал свою возлюбленную» красавицу Ланцер во время страшного ненастья похитил владыка Восточного моря трехголовый дракон. В сказке «Понжыр» семнадцатилетнюю дочь императора по вечерам посещает чудище-мынгуцзы, которое сосет у нее кровь и грозит ей смертью в случае выхода замуж. В «Чжон Чен ищет жену» девушку, которую несли в паланкине в дом жениха, неожиданно возле реки похищает рыба-чудовище. В «Понвын» огромный змей в сопровождении «страшного желтого вихря» (часто наблюдаемое в Северо-Западном Китае явление, когда сильный ветер поднимает в воздух пыль из желтой лессовой почвы) уносит в неизвестном направлении юную принцессу. В «Белом шелке» змей-чудовище о девяти головах по ночам приходит пить кровь у юной дочери императора. В «Охотнике Хали» злой колдун за отказ выйти за него замуж превращает дочь наместника Западного края в лисицу и т.д.

В фазе завязки в сюжетах героических сказок змееборческого типа главным фактором развития событий служит случившаяся беда. Именно функции «отлучка», «запрет», «нарушение», «выведывание», «выдача», «подвох», «пособничество», «вредительство», «недостача» приводят к беде. В. Я. Пропп в «Исторических корнях волшебной сказки» писал: «Какая-либо беда – основная форма завязки. Из беды и противодействия создается сюжет. Формы этой беды... настолько разнообразны, что они не могут быть рассмотрены вместе. Вслед за посажением в столб или темницу обычно следует похищение. Чтобы изучить это похищение, мы должны будем изучить фигуру похитителя. Основной, главнейший похититель девушек – змей» [2, с. 34].

Однозначно «змей» в фольклоре разных народов, в зависимости от географического региона, выглядит не одинаково. Однако по функции, поведению, характеру он совершенно идентичен во всех известных героических сказках. «Змей» в подобных сюжетах самых различных народов совершает типичные жестокие действия, которые наносят вред будущей избраннице главного героя сказки. На месте совершенного вредительства по кличу императора (главы рода, князя, богача) организовывается естественное противодействие. Герой по призыванию отправляется спасти свою будущую избранницу от посягательства зловредного змея.

В дунганской волшебной сказке змееборческого типа образ змея неоднозначен – семиглавое чудовище-мынгуцзы в сюжете «Понжыр», девятиглавое чудовище в «Белом шелке», трехглавое чудовище в сюжете «О том, как бедняк Джончён искал свою возлюбленную» и т.д. По своим физиологическим характеристикам многоглавые чудовища в указанных сюжетах, скорее всего, заимствованы. Образ чудовища-мынгуцзы в художественный мир дунганской волшебной сказки, судя по характеру, поведению, физиологии, пришел из монгольского сказочного эпоса. Возможно, предки дунган Центральной Азии заимствовали этот образ через фольклор проживавших в Северо-Западном Китае монголов, тибетцев, дауров и др. На этот факт обращает внимание также Б. Л. Рифтин в комментарии к сборнику «Дунганские сказки и предания» [6].

В действительности многоголовые чудовища не характерны для дунганского фольклора. В монгольском фольклоре же существует мифологическое многоголовое чудовище-людоед «мангус», которое происходит, скорее всего, от соответствующей не монгольской, а монгорской формы этого слова, имеющего вид «мангудзе» [4, с. 344]. Исследователи монгольского фольклора отмечают исключительную многоголовость (от десяти до девяноста) как характерный признак мангуса. Л. Лоринц указывает на два типа мангуса, возводя один из них к тибетским народным представлениям о демонах и указывая в этом случае на два способа нанесения вреда людям: вызывание у них болезни, возникающей в результате высасывания крови, или просто съедение их [1].

Развитие действия. В фазе развития действия с функциями *«посредничество»*, *«соединительный момент»*, *«начинающееся противодействие»*, *«отправка»*, *«первая функция дарителя»*, *«реакция героя»*, *«получение волшебного средства»* наши сюжеты отчетливо указывают на следующий факт. На этой стадии развертывания сюжетного действия в волшебной сказке змееборческого типа определяющей функцией считается «реакция героя». Настоящая функция обеспечивает дальнейшее развитие своеобразных сюжетов с особым структурным строением. Без функции «реакция героя» не могут состояться сказки змееборческого фундаментального сюжетного типа.

До настоящего времени к разворачиваемым событиям в текстах змееборческого типа наши герои не имеют прямого отношения. Только после сообщения о «недостаче» происходит так называемый «соединительный момент». Соответственно, они вступают в сюжетные действия для «отправки» на «противодействие» с антагонистами. В сказке «Понжыр» будущий герой срывает с «Желтой доски» сообщение императорского дворца о произошедшей беде. «Желтая доска» («Хуонбан») известна в древнем и средневековом Китае. Подобное объявление обычно вывешивают на оживленной площади. Сорвать его означает дать согласие выполнить требуемое задание. Героя с сорванным объявлением срочно приглашают во дворец для получения задания. В «Чжон Чен ищет жену» молодой человек, который любит похищенную девушку, самостоятельно отправляется на поиски в дальнюю дорогу. В «Понвын» молодой человек отправляется на поиск девушки с подобранной расшитой туфелькой жертвы по приказу императора. Туфелька-хуахэ относится к женскому красочно расшитому наряду, обычно создается из толстой материи. Подошва делается из нескольких слоев сшитых между собой стелек. Края туфельки украшаются вышитым благожелательным цветным орнаментом. По традиции в дунганских деревнях Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана девушка должна к свадьбе приготовить такие вышитые туфельки. В сюжете «Белый шелк» юноша по приказу императора собирается в неизвестную дорогу на поиск Гуйхуа с единственным лоскутком белого шелка от вышивки принцессы. В «Охотнике Хали» герой собирается сразиться с могущественным злым оборотнем по призыву наместника Западного края и т.д.

В сюжетах дунганской волшебной сказки змееборческого типа герои-спасители в большинстве случаев направляются в ближайшие горы. Для нас горы имеют точно такое же значение, как лес для европейских народов, пустыня – для аравийских, тундра – для северных и т.д. Соответственно, горы в дунганской волшебной сказке тесно связаны с природным ландшафтом Северо-Западного Китая. Восточная часть его территории представляет собой пересекаемое горными хребтами Цинхай-Тибетское нагорье, в котором мощные хребты горных систем Куньлуня образуют широкие понижения с многочисленными впадинами. Западная часть региона преграждает огромное плато, окруженное очередными горными хребтами и перерезанное с запада на восток горной системой Восточного Тянь-Шаня с Таримской и Джунгарской равнинами. Поэтому герои дунганской волшебной сказки вынуждены отправляться в горы для разрешения возникшей проблемы. В «Золотой птице» Ша Идэ в поисках счастья должен преодолеть горы. В «Девушке – белый заяц» героиня Айша отправляется в горы Мыйясань искать подземный ход, в котором должна обрести счастье. В «Чужаке» юноша в сумрачной пещере горы находит злого змея-людоеда. В «Семеро плешивых» герои в горы ведут своего недруга. В «Щё Кур» герой бежит в горы от несправедливого притеснения государя и т.д.

В таинственных горах живут шэньсянь-бессмертный («Исхар»), старуха-колдунья («Золотая рыба»), чудовище еможын-людоед («Людоед»), змей-мынгугзы о семи головах («Понжыр»), страшный змей-людоед («Чужак»), лиса-оборотень («Белая лиса»), крылатый конь («Золотой жеребенок»), столетний заяц («Девушка – белый заяц»), золотые птицы («Золотая птица»), яблоки чудесные («Птичка хуачер») и все остальные сказочные фантастические существа. Соответственно, герои сюжетов дунганской волшебной сказки змееборческого типа обязаны отправляться в горы для искоренения образовавшейся в фазе «завязки» функции «недостача». В данном случае в дунганской волшебной сказке горы представляют собой ворота в иной мир с несколько фантастической действительностью. Часто жители этого необычного мира случайно проникают в человеческое общество со своеобразными потребностями.

По закону структурного строения волшебной сказки герои как раз на безлюдных тропах таинственных гор встречаются с ожидающими дарителями для получения необходимой помощи. Дарители обязательно испытывают героев-спасителей на предмет возможности совершить подвиг для решения проблемы. Только после правильной реакции на испытательные действия спасатели получают необходимые волшебные средства для предстоящей борьбы с антагонистами. После этого герои в скором времени достигают нужное место, где предстоит исправить нарушенную связь естественного течения времени.

Герои в дунганской волшебной сказке змееборческого типа, в отличие от спасателей из аналогичных сюжетов многих народов, в качестве чудодейственного оружия для преодоления противника часто получают обычное благословение. «Такое нестандартное содействие дарителей героям-спасителям, – как

считает И. С. Шисыр, – можно объяснить только влиянием популярных в средневековом Китае преданий о змееборчестве, в которых смельчаки перед схваткой с чудовищными змеями обязательно получали благословение от окружающих людей» [5]. В сюжетах «Понжыр» (Понжыр), «Понвын» (Понвын), «Белый шелк» (Шысыр), герои получают такое благословение от шэньсянь-бессмертного, белобородого старца, святого Хизира соответственно. Только в «Охотнике Хали» и «О том, как бедняк Джончён искал свою возлюбленную» герои-спасители вместе с благословением получают также чудодейственные оружия. Охотник Хали получает от святого Хизира серебряную стрелу, а бедняк Джончён – длинное копье, жилетку, туфли и шапку от белобородого старца.

Шэньсянь-бессмертные появляются перед героями часто неожиданно в образе мудрого белобородого старца. Только после опять-таки неожиданного исчезновения они становятся известными спасителями. Как правило, они оказываются на дороге в тех местах, куда не ступала нога человека. Шэньсянь-бессмертные, в сущности, – те же самые люди, которые отведали некогда эликсир бессмертия. В дунганский фольклор Центральной Азии шэньсянь-бессмертные пришли когда-то из даосской мифологии. «Белобородый старец» также считается «профессиональным» дарителем из дунганской волшебной сказки. Он обычно встречается во многих сюжетах национальных фундаментальных типов. По своему физиологическому, нравственному и эстетическому характеру он тождествен образу шынсянь-бессмертного. Однако «белобородый старец» все-таки считается настоящим самостоятельным образом из дунганского фольклора. В своей генетической сущности он уходит в далекую синкретическую религию из дуального мира. Святой Хизир также считается «профессиональным» дарителем из дунганской волшебной сказки. Он широко известен как ал-Хадир, ал-Хидр, Хизр, Хадрати Хизр, Ходжа Хидр в сказочном эпосе практически всех мусульманских народов. В современной фольклористике не существует единого представления о происхождении, жизни и деятельности великого бессмертного. Часто фольклористы, исходя из народного представления, отмечают, что он имел власть либо над пустынями, либо над водами и культурными землями.

Кульминация. В этой важной фазе структурного строения сюжетов о змееборчестве в классической волшебной сказке с функциями «пространственное перемещение», «борьба», «отметка», «победа» и «ликвидация недостатчи» спасители после встречи с дарителями обычно легко достигают нужного места поисков, вступают в борьбу с антагонистами и при помощи «чудодейственного оружия» ликвидируют существующие «недостачи». В дунганской волшебной сказке змееборческого типа герой в аналогичной ситуации вынужден обходиться собственными возможностями для достижения поставленной цели. Как уже сказано, он во время встречи с дарителями получает в помощь главным образом благословение. Борьба с антагонистом, т.е. ликвидация недостатчи, остается сугубо задачей самого героя-спасателя. Поэтому решающая борьба героя-спасателя в дунганской волшебной сказке змееборческого типа с противни-

ком-антагонистом не обладает ожидаемой сказочной зрелищностью. В нашей эстетической функциональной цепи из-за приземленности сказочной фантазии явственно не хватает некоторых ярких сюжетных ходов, связанных с применением чудодейственного оружия от дарителя. Герою-спасителю однозначно приходится проявлять свои незаурядные физические, умственные и отважные качества для преодоления грозного антагониста. В тех редких случаях, когда герой прибегает к чудодейственному оружию, сказочник почему-то скудно описывает данное важное событие.

Понжыр в «Понжыре» благодаря мастерскому владению мечом рассекает на две части семиглавого оборотня-егуэя. Герой и героиня в «Понвыне» одновременно отсекают голову и хвост уснувшему огромному змею. Хали в «Охотнике Хали» настигает серебряной стрелой могущественного оборотня, превратившегося в огромного орла, протыкает насквозь. Шысыр в «Белом шелке» по подсказке девушки отрубает настоящую жизненноящую лошадиную голову змея о девяти головах. В сюжете «О том, как бедняк Джончён искал свою возлюбленную» Джончён по наущению белобородого старца копьем одолевает трехголового дракона и т.д.

Дополнительные развития действия. В настоящей фазе волшебной сказки змееборческого типа на сцену фантастической действительности вступают функции «возращение», «преследование», «спасение», «неузнанное прибытие», «необоснованное притязание». После уничтожения противника по логике должна наступить финальная фаза. В сущности, герою остается доставить жертву до родного дома по совершенно известной дороге за минимум времени. Однако по эстетической логике волшебной сказки змееборческого типа сразу после ликвидации основной «недостачи» в сюжетной цепи разворачивается картина новой беды. На этот раз по закону фольклорной сказочной эстетики «вредительство», естественно, наносится уже самому герою-спасителю со стороны недоброжелателя в лице друга, брата, попутчика, «ложного жениха», побратима т.д.

После гибели главного антагониста завистник героя-спасителя при первом же благоприятном случае осуществляет свой коварный план. В тайном горном месте он терпеливо дожидается ничего не подозревающего героя со спасенной девушкой. В удобный момент коварный противник оставляет героя в темной пещере, сталкивает в глубокое ущелье или наносит скрытный смертельный удар. Завистник с самого начала сопровождения спасителя рассчитывал присвоить подвиг героя для получения обещанной награды. Соответственно, после этого он спешит доставить домой к родителям обманутую девушку.

В сказке «Понжыр» сводный брат героя Дуанжянь по дороге сталкивает его в глубокую пропасть. В «Понвыне» стоявший на страже названный брат спасителя вытаскивает из пещеры девушку, однако оставляет Понвына без какого-либо шанса выбраться оттуда. В сюжете «О том, как бедняк Джончён искал свою возлюбленную» соперник Джончёна, ложный жених Вонлон, после уговора хозяйки дома в горах отпускает героя-спасителя, чтобы тот вернул-

ся в родные края. В «Белом шелке» спутники Шысыра поднимают принцессу из глубокой пещеры, но оставляют самого героя умирать внизу. В «Охотнике Хали» ядовитая кровь убитой змеи в ущелье, попавшая в лицо героя, смертельно отравляет молодого человека и т.д.

На этой стадии развертывания сюжета в волшебной сказке змееборческого типа ложные герои своими коварными действиями создают, в сущности, прецедент для рождения самостоятельной локальной сказки внутри основной истории. На самом деле в этой части сюжетного развития совершенно определенно можно обнаружить все известные фазы структурного строения волшебной сказки («завязку», «развитие действия», «кульминацию», «развязку»). В свое время в «Морфологии сказки» В. Я. Пропп говорил о самостоятельных «функциях *bis*» в волшебной сказке змееборческого типа, хотя не считал нужным конкретизировать это положение [3, с. 55–56]. Отныне спасители уже в образе героев-жертв снова вступают в тяжелую борьбу с очередными антагонистами.

Развязка. Все функции в фазе «развязка» из структурного строения волшебной сказки («*трудная задача*», «*решение*», «*узнавание*», «*трансфигурация*», «*наказание*», «*свадьба*») имеют важное практическое значение для сюжетов змееборческого типа. На самом деле в этой фазе волшебной сказки происходит разрешение трудных задач, связанных с испытанием героя в мифологической традиции древнего синкретического мира, устроенных тотемными предками в честь воцарения на престол. «Общее положение можно сформулировать так: раньше, чем получить руку царевны, герой подвергается различным испытаниям, которые он может выполнить только тогда, если он прошел весь путь, канонический для героя, т.е. если он имеет волшебного помощника и обладает магическими средствами и силами. По содержанию своему задачи, при всем их разнообразии, также обнаруживают некоторое единство. Герой в различных формах доказывает, что он или побывал в ином мире (задачи на поиски, на отправку в ад и т.д.), или обладает природой мертвеца. Он может сделаться невидимым (испытание прятками), он может нескончаемо есть, не имеет индивидуального облика и т.д.» [2, с. 308–309].

В принципе, функции «трудная задача», «решение», «узнавание», «трансфигурация», «наказание», «свадьба» можно обнаружить в отдаленном виде в некоторых других фундаментальных сюжетных типах: героических сказках типа «поиск счастья», сказках о семейно-гонимых, сказках о чудесных женах и т.д. Однако они в общей цепи сказочной структуры более органичны именно в сюжетах змееборческого типа, так как наиболее ярко отражают магическую закономерность конкретной, бытовой и обрядовой действительности в процессе традиционного воцарения на престол действительного, мужественного, способного героя.

Перед тайно вернувшимся спасителем стоит неимоверно «трудная задача» по доказательству правды. Только после процедуры «решения» очередной проблемы может произойти «трансфигурация» истинного героя. Точку в сложной

истории сказочники ставят при помощи заранее предусмотренных опознавательных предметов, которые достаются истинному герою за какую-нибудь исключительную важную заслугу. По полученным героем от спасенной девушки опознавательным предметам заинтересованные персонажи «узнают» истинного спасителя. В «Понжыре» настоящего героя все узнают по перстню принцессы, в «Понвыне» – по второй половинке браслета с руки девушки, в «Белом шелке» – по половине расчески принцессы и т.д.

Мы рассмотрели тексты дунганской волшебной сказки змееборческого сюжетного типа. В качестве материалов для анализа послужили сюжеты «О том, как бедняк Джончён искал свою возлюбленную», «Понжыр», «Чжон Чен ищет жену», «Понвын», «Белый шелк», «Охотник Хали». В ходе анализа настоящих текстов мы пришли к выводу, что в целом в этих сюжетах развитие действия продвигают открытые некогда В. Я. Проппом известные функции, так как на самом деле все волшебные сказки однотипны по своему строению. Однако в дунганской волшебной сказке змееборческого типа известные функции все же имеют обусловленные национальным своеобразием специфические особенности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дунганские народные сказки и предания / сост. М. А. Хасанов, И. И. Юсупов. – М. : Наука, 1977.
2. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1986.
3. *Пропп В. Я.* Морфология сказки / В. Я. Пропп. – Л. : Academia, 1928.
4. *Тодаева Б. Х.* Монгольский язык / Б. Х. Тодаева. – М. : Наука, 1973.
5. *Шисыр И. С.* Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии : дис. ... д-ра филол. наук / И. С. Шисыр. – Алматы, 2010.
6. *Lorincz L.* Gie Mangus-Schilderung in der Mongolischen Volksliteratur // *Mongolian studies* / ed. L. Ligeti. – Budapest, 1970.

REFERENCES

1. *Dunganskie narodnye skazki i predaniya* / sost. M. A. Khasanov, I. I. Yusupov. – M. : Nauka, 1977.
2. *Propp V. Ya.* Istoricheskie korni volshebnoy skazki / V. Ya. Propp. – L. : Izd-vo LGU, 1986.
3. *Propp V. Ya.* Morfologiya skazki / V. Ya. Propp. – L. : Academia, 1928.
4. *Todaeva B. Kh.* Mongorskiy yazyk / B. Kh. Todaeva. – M. : Nauka, 1973.
5. *Shisyr I. S.* Prozaicheskiy fol'klor khueytszu Tsentral'noy Azii : dis. ... d-ra filol. nauk / I. S. Shisyr. – Almaty, 2010.
6. *Lorincz L.* Gie Mangus-Schilderung in der Mongolischen Volksliteratur // *Mongolian studies* / ed. L. Ligeti. – Budapest, 1970.

ЕДИНСТВО ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ БХАГАВАДГИТЫ И РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

Аннотация: в статье анализируются схожие принципы Бхагавадгиты и русской религиозно-философской мысли в трудах В. Соловьева, С. Франка, Н. Бердяева, П. Флоренского. Единство основных принципов в этих работах заключено в идее духовной нераздельности всего существующего во Вселенной, осознание которой происходит через жертву своего эгоизма в любви, приводящего к выходу на новое высшее бытийное состояние сознания человека.

Ключевые слова: Брахман, иллюзия бытия, самопознание, истинный источник жизни.

Abstract: the article analyzes the similar principles of the Bhagavad Gita and the Russian religious-philosophical thought in the works of V. Soloviev, S. Frank, N. Berdyaev, P. Florensky. The unity of the basic principles in these works is concluded in idea of spiritual unity all existing in the Universe which understanding happens through the victim of the egoism in love leading to an exit to a new highest bytiyny condition of consciousness of the person.

Keywords: Brahman, illusion of existence, self-knowledge, the true source of life.

В истории мировой философской мысли на разных этапах ее развития прослеживаются схожие идеи, связанные с пониманием истинной сущности человеческого бытия. Такие точки соприкосновения можно обнаружить в основных религиозно-философских принципах древнеиндийского текста Бхагавадгиты, входящего в поэму «Махабхарата», и русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. (В. С. Соловьева, С. Л. Франка, Н. А. Бердяева, П. Флоренского и др.).

Одно из центральных понятий Бхагавадгиты – «майя», или иллюзия, существующая в сознании человека, – обуславливает приобретение абсолютной значимости внешнего мира, представляющегося обособленным и независимым многообразием сущего. Эта иллюзия скрывает истинную природу людей, слитую в глубинах каждого человеческого существа с Единым божественным началом. Следствием этого неведения является бессознательное подчинение людей влиянию ложного эго – низших сил природы, влекущих их к разъединению и, как следствие, к страданию. Только посредством напряженной внутренней работы человека по самовоспитанию и самосовершенствованию майя приоткрывает свою завесу, позволяя пережить сопричастность Единой божественной жизни, пронизывающей всю Вселенную.

Русские религиозные мыслители также признавали преходящую суть внешней жизни человека и существование внутренней реальности, осознание

которой приводит к связи с Единым источником жизни. Они доказывали необходимость внутреннего преобразования человеческой сущности, приводящего к постепенной трансформации низшей природы человека в высшую, приводящей к осознанию себя частицей и неотъемлемой составляющей универсальной жизни Вселенной.

Проблему иллюзорности человеческого бытия осмысливал русский религиозный мыслитель С. Л. Франк, отмечаящий существование ложного представления о замкнутости человеческой личности, определяющей все ее поступки и действия. Современный темп жизни, по мнению С. Л. Франка, на котором основана вся человеческая деятельность, базируется только на желании взять от жизни как можно больше материальных благ, приобрести личный успех и признание в обществе. В итоге лишённые истинного самосознания люди все вместе создают пустыню, в которой погибают от духовной жажды. Ведь если «внимание человека направлено на восприятие лишь внешней жизни, то все его переживания являются только бессубстанциональной тенью» [7, с. 174]. При этом создается впечатление, что человеческая личность внешне замкнута и отделена от других существ, но в действительности «изнутри, в своих глубинах, она сообщается со всеми ими, слита с ними в первичном свете» [8, с. 107]. Поэтому обретение человеком самого себя, сопровождающееся ощущением полноты и прочности бытия, может быть осуществлено только посредством Любви, проявление которой связано с жертвой своей отъединенности и замкнутости.

Согласно русской религиозной философской мысли Любовь есть Бог, который является первоисточником всего сущего, следовательно, культивируя в себе это чувство, человек обретает ощущение связи с каждым живущим на земле. Чем глубже в процессе самопознания человек уходит во внутрь, тем более он расширяется и обретает естественную связь с жизнью мира.

Подобные идеи мы находим в Бхагавадгите, где сказано, что тот, «кто счастлив в себе, кто изнутри озарен, в себе обрел радость, тот йогин достигает сущности Брахмана» [3, с. 146]. Также, по мнению С. Л. Франка, реальность выходит за пределы всей мнимой объективной всеобъемлющей действительности. Она «не предстает нам извне, а дана изнутри, как почва, в которой мы укоренены и из которой мы произрастаем, и обнаруживается в живых глубинах самосознания» [7, с. 154]. Принадлежность к общей почве не есть растворение и исчезновение в ней, а напротив, это источник всего положительного в индивидуальном человеческом бытии. При этом индивидуальность не обособляется и не замыкается на самой себе, а достигает единения с людьми и миром.

Важно отметить, что именно духовную жизнь, а не душевную С. Л. Франк воспринимает как самораскрывающуюся реальность. Но отличие душевной от духовной жизни уловимо лишь изнутри самим субъектом. Ведь человек, по утверждению С. Л. Франка, принадлежит двум мирам – объективной действительности и миру реальности, но по духовной слепоте человек не видит эту

двойственность, хотя приобрести полноту человеческого бытия он может лишь через свое соучастие в каждом из этих миров.

Особое место в Бхагавадгите отводится преданному любовному служению Всевышнему. А так как Он есть все и во всем, то эта любовь распространяется на все видимое многообразие жизни. Прийти к осознанию этой истины возможно только через самоотречение – «жертву своего ложного эго, приводящее к духовному освобождению, ведущему к совершенству» [3, с. 289]. Само название Маха-Бхарата, переводимое как «великая война», звучит призывом к человеческому действию, вытесняющему несовершенство из своей природы через усилия, ставящие власть маленького эго под контроль высшего «Я».

Созвучие этой идеи мы находим в учении о всеединстве русского философа В. С. Соловьева, который был убежден, что каждый человек способен познавать и осуществлять истину, став живым отражением абсолютного целого, сознательным и самостоятельным организмом всемирной жизни. А для того чтобы человек нашел самого себя и утвердился в истине – всеединстве, – первоначально он должен осознать себя как обособленную частицу всемирного целого, утверждающего свое бытие в эгоизме (как целое для себя), желающего быть всем, в отдельности от всего – то есть вне истины. Из ложного самоутверждения человека может вывести только чувство любви, выступающей в качестве Истины и овладевающей его внутренним существом. Только благодаря осознанию истины любви в себе человек может отличить свою истинную индивидуальность от эгоизма, а потому, «жертвуя этим эгоизмом, отдаваясь сам любви, он находит в ней не только живую, но и животворящую силу и не теряет вместе со своим эгоизмом и свое индивидуальное существо, а напротив, увековечивает его» [5].

Приобщиться к истинному источнику жизни, по мнению русского мыслителя Н. А. Бердяева, – значит, обрести свободу духа. Так героический акт духовной борьбы со своей самостью великих подвижников и святых, проявляющийся в противлении власти страстей, приводит к духовному освобождению. Проявить Истину в самом себе возможно в творческом акте духа, через «преодоление рабства у объективного мира» [1, с. 10]. Свобода предшествует смирению, которое есть добровольно выбранный внутренний путь, полагающийся на Бога, а не на самость. По мнению Н. А. Бердяева, «упадочники смирения отрицают героический акт духовного освобождения человека и держат его в подчинении авторитарной системе жизни» [4].

Если смирение не есть внутреннее, сокровенное духовное состояние, то тогда оно превращается во «внешнюю навязанную, принудительную систему жизни, отрицающую свободу человека, принижающую его» [4] и держащую в состоянии подавленности и угнетенности. Таким образом, человек, смирившийся перед истинным источником жизни, уходит от ложной свободы к истинному освобождению в духе [4]. «Упадочное же смирение хочет системы жизни, в которой никогда не наступает освобождение, никогда не достигается духовный подъем, никогда не выявляется высшей природы» [4].

Та же идея лежит в основе текста Бхагавадгиты, где неоднократно отмечается, что человеком, достигшим знаний, считается скромный, смиренный, с отсутствием ложного эго; признающий важность самореализации, философского поиска Абсолютной истины и др. С помощью этого знания можно достичь божественной природы, т.е. «постичь Атман внутри себя» [3, с. 279].

И С. Л. Франк, и Н. А. Бердяев сравнивали реальность с тем, что открылось индусской мысли как Брахман и вместе с тем совпадает с последней бездонной глубиной человеческого внутреннего бытия – Атмана. Реальность, по их мнению, есть нечто в максимальной мере конкретное, по сравнению с чем все остальное, что мы обычно называем конкретным, есть лишь абстракция.

Подобные идеи отражаются и в творчестве П. Флоренского, который утверждал, что приобщиться к Истине человеку мешает привычка думать только о себе. Человек в своем эгоизме, захваченный вихрем самости, не перестает вращаться в нем и, ослепленный им, не в состоянии помыслить вырваться из него, так как самость сама себя ослепляет, пренебрегая чистотой сердца (где пребывает Божественная Истина, а, как сказано в Бхагавадгите, – Атман). Она «кружится, смыкаясь в себе как пыльный вихрь в жарком воздухе. Все лишь постольку истинно существует, поскольку приобщается Божества Любви – источника бытия и истины. Кого знает Бог, тот и обладает реальностью, кого же он не знает, те и не существуют в духовном мире, в мире истинной реальности, и бытие их призракное» [6, с. 202].

По этому же поводу высказался индийский мыслитель Вивекананда, который придерживался ведантистской философской позиции, признающей авторитет Бхагавадгиты. Он полагал, что «мы по-настоящему живы только в те минуты, когда наши жизни соединены со вселенной, с другими жизнями. Замкнутость в крохотном существовании – смерть» [2, с. 185].

Таким образом, философско-антропологические онтологические идеи Бхагавадгиты и русской религиозной философии конца XIX – начала XX в. перекликаются в отношении существования внутренней реальности в противоположность зримой объективной действительности. Поэтому проявление истинного бытия человека обусловлено внутренним преобразованием своей сущности через духовные усилия, ставящие под психологический контроль силы эгоистической природы. Такие действия непременно приводят к раскрытию и проявлению в человеке первоисточника жизни, выводящего к иному высшему бытийному состоянию.

Созвучие религиозно-философских взглядов русских мыслителей и текста Бхагавадгиты указывает на то, что русские философы вывели христианскую мысль за пределы церковной догматики, внушающей чувство греховности и страха перед уподоблением человека Божественной сути Вселенной. Догматическая позиция, безусловно, тормозит стремление людей к преображению своей несовершенной природы в высшее бытие в Любви. Таким образом, русская религиозная философия не только констатировала факт необходимости жить в люб-

ви, а расширила и углубила понимание и осмысление важности культивирования этого чувства в человеке, которое способно преобразовать слабую, подверженную разным аффектам, неуравновешенную людскую природу в сильную, благородную, пребывающую в психологическом равновесии человеческую суть, ощущающую себя частью всей мировой жизни в ее универсальном единстве.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бердяев Н. А. Царство духа и царство Кесаря / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2006.
2. Вивекананда С. Практическая веданта / С. Вивекананда. – М. : Ладомир, 1993.
3. Мифы Древней Индии. Бхагавадгита. – СПб. : Кристалл, 2000.
4. Бердяев Н. А. Спасение и творчество / Н. А. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/lib/relig>
5. Соловьев В. С. Смысл любви / В. С. Соловьев. – Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru>
6. Флоренский П. Столп и утверждение истины / П. Флоренский. – М. : АСТ, 2005.
7. Франк С. Л. С нами Бог. Реальность и человек / С. Л. Франк. – М. : АСТ, 2003.
8. Франк С. Л. Смысл жизни / С. Л. Франк. – М. : АСТ, 2003.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. Tsarstvo dukha i tsarstvo Kesarya / N. A. Berdyaev. – M. : AST, 2006.
2. Vivekananda S. Prakticheskaya vedanta / S. Vivekananda. – M. : Lodomir, 1993.
3. Mify Drevney Indii. Bkhagavadgita. – SPb. : Kristall, 2000.
4. Berdyaev N. A. Spasenie i tvorchestvo / N. A. Berdyaev. – Rezhim dostupa: <http://www.philosophy.ru/lib/relig>
5. Solov'ev V. S. Smysl lyubvi / V. S. Solov'ev. – Rezhim dostupa: <http://www.humanities.edu.ru>
6. Florenskiy P. Stolp i utverzhdenie istiny / P. Florenskiy. – M. : AST, 2005.
7. Frank S. L. S nami Bog. Real'nost' i chelovek / S. L. Frank. – M. : AST, 2003.
8. Frank S. L. Smysl zhizni / S. L. Frank. – M. : AST, 2003.

ОРИЕНТАЛЬНОЕ ФЭНТЕЗИ: КУЛЬТУРНАЯ МИГРАЦИЯ НА ВОСТОК

Аннотация: статья посвящена рассмотрению образа Востока на страницах фэнтези-литературы. Выступая в качестве основы для создания фэнтезийного мира, Восток генерирует отдельное направление фэнтезийной беллетристики – ориентальное фэнтези. В то же время Восток в фэнтези выступает особой пространственной координатой, указывающей на специфическую фэнтезийную гетеротопию.

Ключевые слова: фэнтези, Восток, ориентальное фэнтези, гетеротопное пространство, восточный колорит.

Abstract: the article is devoted to the image of the East in the pages of fantasy literature. Addressing as a basis for creating a fantasy world the East generates a separate line of fantasy fiction – oriental fantasy. At the same time the East into the fantasy serves special spatial coordinate indicating the specific fantasy heterotopia.

Keywords: fantasy, East, oriental fantasy, heterotopic space, oriental flavor.

Сегодня фэнтези с уверенностью можно назвать широко популярным явлением современной культуры. Представляя собой некий мысленный конструкт, основанный на фантастическом допущении в виде магии, фэнтези позволяет создавать бесчисленные авторские псевдовселенные путем частичной или обширной переработки мифологического наследия различных народов.

Традиционно считается, что классическое фэнтези базируется на европейской мифологии в частности и западной культуре в целом. К примеру, общеизвестно, что традиционным «фоном» классически выдержанного фэнтези-продукта (будь то книга, кинокартина, арт-объект, ролевая или компьютерная игра) является условное западноевропейское Средневековье, где среди многочисленных замков, рыцарей и драконов разворачивается сюжет.

Особенно популярны в этом отношении легенды артуровского цикла. Очевидно, что данное обстоятельство связано с англосаксонским «рождением» фэнтези (Дж. Р. Р. Толкиен, К. Льюис, лорд Дансени, Т. Х. Уайт и пр.). По справедливому замечанию крупнейшего польского фантаста и публициста Анджея Сапковского, «артуровский миф среди англосаксов вечно жив, крепко врос в культуру своим архетипом. И поэтому архетипом, прообразом ВСЕХ произведений фэнтези является легенда о короле Артуре и рыцарях Круглого стола» [6, с. 205]. Несмотря на некоторую долю категоричности в данном высказывании, с А. Сапковским сложно не согласиться в том, что артуровская легенда и связанная с ней мифология кельтов и бриттов стали традиционным плацдармом для старта фэнтезийной культуры. К слову, данный плацдарм продолжает эксплуатироваться зарубежными авторами фэнтезийных произведе-

ний и в настоящее время (цикл романов «Ведьмак» А. Сапковского, а также серия компьютерных игр на основе «ведьмачей» вселенной; семитомная эпопея «Гарри Поттер» плюс сопутствующие книге фильмы и компьютерные игры, романы Дж. Мартина «Песнь Льда и Пламени» и голливудский сериал «Игра престолов» по мотивам книг и пр.).

Другими словами, несмотря на репрезентацию в произведениях фэнтези вымышленных волшебных миров, по форме своего существования фэнтезийные вселенные чаще всего напоминают условно заданное Средневековье. Такая тенденция объяснима несколькими причинами:

– во-первых, под влиянием творчества Дж. Толкиена средневековый рыцарский роман и кельтско-британская мифологическая система становятся основными источниками пространственно-временной организации фэнтезийного мира. Эту мысль подчеркивает ряд исследователей (Н. В. Помогалова, Е. Н. Ковтун, А. В. Мартыненко, Дж. Клют, К. Кребер и пр.);

– во-вторых, стереотипное восприятие европейской эпохи Средних веков сводится к романтическому, легендарному представлению о временах мистики и магии, не отягощенных технократизмом развития.

Интересна в этом отношении ситуация на отечественном рынке фэнтези. Наряду с трансформацией в творчестве российских авторов кельтско-британских мифов, в последнее время получают широкое распространение образы и сюжеты славянской мифологии, вплетенные в авторскую канву повествования, независимую от легендарной традиции (романы О. Громыко «Ведьма», цикл М. Семеновой «Волкодав» с сопутствующей выходу книг экранизацией, серия романов А. Илларионовой «Хроники смутных лет», цикл С. Лукьяненко «Остров Русь» и пр.). Колоритный славянский фольклор является широким полем для деятельности отечественных фантастов.

Характер русифицированного фэнтези прослеживается также в сфере отечественной анимации. Вспомним широко популярные мультипликационные работы «Князь Владимир», «Алеша Попович и Тугарин Змей», «Илья Муромец и Соловей-разбойник» и пр.

На сегодняшний день в области фэнтези активно функционирует мифология традиционного Востока (Китай, Япония, Древний Египет и пр.). Интересны в этом плане работы А. Ю. Пехова в соавторстве с Е. Бычковой и Н. Турчаниновой «Заклинатели» (сплав китайско-японских мифологических сюжетов), Т. Панюковой «Отдел странных явлений. Тайны черной земли» (мифологическая атмосфера Древнего Египта), голливудская кинолента «47 ронинов» (2014) (японская легенда о 47 самураях), цикл фильмов «Мумия» (1999), «Мумия возвращается» (2001), «Мумия: гробница императора драконов» (2008) (древнеегипетские представления о загробном мире; последний фильм – китайский комплекс легенд об императоре Цинь Ши Хуан-ди) и т. п.

Анализируя образ Востока в контексте фэнтези, мы подходим к необходимости рассмотреть такое направление фэнтезийной культуры, как ориентальное фэнтези.

В рамках структурирования эмпирической базы для анализа в данной сфере сосредоточимся на фэнтезийной литературе как одном из самых массовых проявлений современного социокультурного феномена.

Отметим, что термин «ориентальное фэнтези» мы понимаем в русле концепции ориентализма, суть которой, как известно, сводится к использованию «мотивов и стилистических приемов восточного искусства, а также истории, сюжетов восточного быта в культурах европейского типа» [1].

Для более широкого толкования термина «ориентализм» обратимся к фундаментальной работе Э. Саида, на страницах которой автор неоднократно подчеркивает, что «Восток (Orient) – это почти всецело европейское изобретение, со времен античности он был вмещилищем романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний» [5, с. 7]. В русле данной интерпретации Востока Э. Саид заключает, что ориентализм, по сути, является «определенным способом общения с Востоком, основанном на особом месте Востока в опыте Западной Европы» [5, с. 8] в силу того, что Европа не просто соседствует с восточными странами, но также является бывшей владелицей крупных колоний на Востоке. Таким образом, Восток для Запада, согласно мысли Э. Саида, предстает в виде своеобразного культурного оппонента, образом Другого [5, с. 8].

Отсюда становится понятной ситуация, заключающаяся в том, что среди фэнтезийных продуктов в жанре ориентального фэнтези больше всего сегодня известны работы западных авторов, использующих восточный колорит как антураж для построения собственного мира (Эрнст Брам «Кай Лунг», А. Нортон и С. Шварц «Серебряная Снежинка», Э. В. Ластбадер «Воин заката»).

Пожалуй, одной из знаковых работ ориентального фэнтезийного характера можно назвать трилогию американского фантаста Б. Хьюарта «Хроники Мастера Ли и Десятого Быка». Основной квест разворачивается в мифологическом Древнем Китае, где главный герой мудрец Ли Као вместе со своим учеником раскрывают опасные и загадочные преступления людей и богов, встречая на своем пути колоритных призраков, вампиров, демонов и многочисленных духов китайского пантеона. Подчеркнем, что первая книга этого цикла «Мост птиц» в 1985 г. была удостоена Всемирной премии фэнтези [4].

Образ волшебной средневековой Японии представлен на страницах фэнтезийного романа Л. Генри «Хроники Отори», К. Далки «Джинпей». Сюжеты книг С. Шварц «Дороги шелка и теней», Э. Скарборо «Священное Ничто» строятся вокруг легендарной страны Шангри-ла, спрятанной среди тибетских хребтов.

Традиционный дальневосточный историко-культурный контекст – не единственная основа ориентального фэнтези. Арабо-мусульманский мир также нашел отражение на страницах фэнтезийной литературы. Одним из самых популярных исторических периодов взаимоотношений Европы и Арабского мира является, конечно же, эпоха крестовых походов. К примеру, широко известен

роман одного из классиков фэнтези Р. Желязны «Маска Локи», на страницах которого мы можем наблюдать противостояние Ближнего Востока в лице старца Хасана ас-Сабаха и чародея-крестоносца Томаса Амнета. По законам жанра от этой героической борьбы зависит судьба всего человечества.

К истории становления ислама обращается другой известный фантаст Г. Кук в своем масштабном цикле «Империя ужаса». Два романа этой серии («Огонь в его ладонях» и «Без пощады») посвящены судьбе молодого религиозного лидера Мики, ставшего послушником Эль-Мюридом. В образе данного героя без труда угадываются биографические вехи пророка Мухаммада.

Мифологическое наследие арабов, легенды и свод сказок, также с успехом перерабатывается западными и отечественными фантастами («Рабы сна» Р. Хоббарда, «Хроники 12 королевств» Д. Дункана, «Арабские ночи» К. Ш. Гарднера, «Багдадский вор» А. Беянина и пр.).

Некоторые писатели при создании своих произведений стремятся отойти от устоявшегося «восточного канона» (изображения традиционного дальневосточного ареала и ближневосточного арабо-мусульманского мира), вплетая в канву своих фэнтезийных сюжетов образы Индии, Персии, Месопотамии. В данном ключе нельзя обойти вниманием фэнтези-серию британской писательницы Танит Ли «Сага о Плоской земле». Мир этого цикла представляет собой оригинальный сплав ассииро-персидской мифологии. Романы данного автора оказались чрезвычайно востребованы читательской аудиторией, о чем свидетельствует череда наград: Британская премия фэнтези (1980) за книгу «Владыка смерти» (цикл о Плоской земле), Всемирная премия фэнтези (2013) и премия Брэма Стокера за заслуги перед жанром (2014) [7]. Индийскую историю обыгрывает другая писательница-фантаст Кара Далки. В книге «Кровь богини» автор репрезентует мир Индии конца XVI в., в пространстве которого мы наблюдаем за судьбой юного аптекаря Томаса, ищущего некий эликсир, способный воскрешать мертвых.

Среди ориентальных фэнтезийных работ интересно отметить произведения, в которых образ Востока представляет собой специфический гибрид, скрытую аллюзию на несколько восточных культур сразу. В этом отношении показательна хрестоматийная сага Ф. Герберта «Дюна», на страницах которой мы находим бесчисленные отсылки к арабо-исламскому и древнесемитскому культурным пластам. Романы украинского писательского дуэта (Д. Громова и О. Ладыженского), известного читателю по псевдониму Генри Лайон Олди, также построены на смешении различных восточных мотивов, традиций и образов («Путь меча», «Мессия очищает диск» и пр.). В юмористическом ключе оригинальный мир Ордуса (сплав китайско-исламско-христианской истории) конструирует на страницах серии романов «Евразийская симфония» команда отечественных фантастов, скрывающаяся за звонким псевдонимом Холм ван Зайчик (лидерами данной группы выступают писатели, а также ученые-востоковеды И. Алимов и В. Рыбаков).

Необходимо подчеркнуть, что за рамками ориентального фэнтези остается огромный пласт фэнтезийной литературы, где образ Востока эксплуатируется частично, в виде отдельных элементов и мотивов при построении авторской псевдовселенной.

Более того, в таких фэнтезийных циклах Восток является, скорее, особым гетеротопным пространством, географической координатой, указывающей на таинственный, манящий и часто зловеющий локус. К примеру, источник зла Мордор и загадочное государство Харад находятся на Востоке толкиеновского Средиземья. То же самое можно сказать о Зеррикании в мире «Ведьмака» польского фантаста А. Сапковского. К востоку от материка Вестерос расположен континент Эссос и находящийся на нем край теней, легендарный город Асшай во вселенной «Песни Льда и Пламени» американского фантаста Дж. Мартина. Восточнее Хребта Мира простирается Айильская пустыня из мира «Колеса Времени» Р. Джордана. Названные фэнтезийные географические объекты – лишь самые яркие примеры «восточной координаты» в фэнтези.

Такое гетеротопное положение Востока в фэнтези не случайно и объяснимо, как минимум, двумя причинами.

Во-первых, наследие Дж. Толкиена и его подробное описание Средиземья и Арды послужили своего рода каноном для последующего развития фэнтезийной литературы. Как пишет отечественный исследователь М. И. Мещерякова, Дж. Р. Р. Толкиену «удалось сконструировать и сделать эстетически полноценным целостный условный мир, объединенный центральной этико-географической мыслью (точнее – типом миро-понимания и мироощущения)» [3, с. 295].

Во-вторых, согласно позиции другой отечественной исследовательницы М. Ю. Кузьминой в прямой зависимости от пространственно-временной модели фэнтезийного мира формируется система образов и персонажей: боги, маги, эпический герой и его команда помощников, простые люди; темные и светлые сущности и т.д.

Темные боги, чародеи-некроманты, духи-демоны сосредоточены, по традиции, в подземном (загробном) мире либо на окраинах земли (чаще всего это север или восток). Светлые существа и волшебники действуют на поверхности земли, в водоемах с проточной водой, на вершинах гор или же на юге. В центре мира обычно расположен главный герой (или команда героев), призванный пройти определенный набор испытаний [2, с. 95].

Рассмотрев образ Востока на страницах наиболее популярных фэнтезийных произведений, мы пришли к следующим выводам.

Как историко-культурный контекст Восток образует основу для создания особого направления фэнтезийной литературы – ориентального фэнтези. Вне зависимости от выбора конкретного государства-прототипа для создания авторского мира в ориентальном фэнтези легко угадывается исторический первоисточник. В то же время Восток в ориентальном фэнтези может выступать в качестве антуража, стилизового оформления мира без прямой отсылки к

конкретной восточной культуре. В этом случае мы наблюдаем гибридный фэнтезийный Восток.

За пределами ориентального фэнтези остается проблема изучения фэнтезийного Востока как особой гетеротопии и пространственной координаты, указывающей на расположение загадочных и подчас зловещих пространств. Полагаем, что рассмотрение восточного ориентира при построении фэнтезийного мира вполне может послужить темой отдельного крупного исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Большой энциклопедический словарь. – СПб. : Норинт, 2000.
2. Кузьмина М. Ю. Фэнтези : к вопросу о «жанровой сущности» / М. Ю. Кузьмина // Вестник УлГПУ. – 2006. – № 2. – С. 93–97.
3. Мещерякова М. И. Русская детская, подростковая и юношеская проза второй половины XX века : проблемы поэтики / М. И. Мещерякова. – М., 1997.
4. Невский Б. Восток – дело тонкое. Ориентальная фантастика / Б. Невский. – Режим доступа: <http://old.mirf.ru/Articles/art1434.htm>
5. Саид Э. Ориентализм / Э. Саид. – СПб. : Русский Мир, 2006.
6. Сапковский А. Вареник, или Нет золота в Серых горах. Мир короля Артура. Критические статьи. Бестиарий / А. Сапковский. – М. : АСТ, 2002.
7. Танит Ли. Лаборатория фантастики / Ли Танит. – Режим доступа: <https://fantlab.ru/autor351>

REFERENCES

1. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'. – SPb. : Norint, 2000.
2. Kuz'mina M. Yu. Fentezi : k voprosu o «zhanrovoy sushchnosti» / M. Yu. Kuz'mina // Vestnik UlGPU. – 2006. – № 2. – S. 93–97.
3. Meshcheryakova M. I. Russkaya detskaya, podrostkovaya i yunosheskaya proza vtoroy poloviny KhKh veka : problemy poetiki / M. I. Meshcheryakova. – M., 1997.
4. Nevskiy B. Vostok – delo tonkoe. Oriental'naya fantastika / B. Nevskiy. – Rezhim dostupa: <http://old.mirf.ru/Articles/art1434.htm>
5. Said E. Orientalizm / E. Said. – SPb. : Russkiy Mir", 2006.
6. Sapkovskiy A. Varenik, ili Net zolota v Serykh gorakh. Mir korolya Artura. Kriticheskie stat'i. Bestiariy / A. Sapkovskiy. – M. : AST, 2002.
7. Tanit Li. Laboratoriya fantastiki / Li Tanit. – Rezhim dostupa: <https://fantlab.ru/autor351>

СОВРЕМЕННОЕ ЗАРУБЕЖНОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ: ПЕРЕВОДЫ, КРИТИКА, КОММЕНТАРИИ

Сардар Саади

РОДЖАВСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: СОЗДАВАЯ АВТОНОМИЮ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ*

Курдские повстанцы устанавливают самоуправление в растерзанной войной Сирии, повторяя опыт сапатистского движения и предлагая региону демократическую альтернативу.

С ростом джихадистских группировок на Ближнем Востоке особую актуальность обретает вопрос: как политика «партизанщины» в этом регионе резко превратилась из светского лево-ориентированного движения, которое бросало вызов политическому исламу и исламским принципам общественной жизни, в экстремистское и исламистское направления, склонные видеть основания идеального общества в эпохе пророка Мохаммеда, который жил не одно столетие назад. Дело не в том, что левые теперь никак не представлены, просто невозможно не заметить, насколько маргинальными они стали.

Незадолго до этих событий в регионе было немало радикальных и левых движений. От Кабула до Палестины радикальные студенческие объединения, феминистские группировки, борцы национально-освободительных и антиколониальных групп, рабочие и крестьянские движения, а также левые интеллектуалы находились на передовой борьбы против авторитарных режимов, регрессивных религиозных верований и империалистских сил, которые доминировали в регионе. Где они сегодня? Как случилось, что джихадистские группировки изменили геополитику региона? Как политика младших поколений переключилась с критики ислама на поддержку самого ислама, но в наиболее крайней его интерпретации?

Этот вопрос является тем вопросом, который задает нам регион, желающий себе другого будущего. И все же ответы на эти вопросы скрыты глубоко в истории колониализма и империализма в данном регионе. Несомненно, те представители Запада, которые с восторгом следят за освещением в СМИ жестокого продвижения Исламского государства (далее – ИГ) в направлении главных городов Ирака и Сирии, даже не задумываются о той роли, которую играют их собственные правительства в этом хаосе, не говоря уже о том факте, что масс-медиа изображают людей, живущих в этом регионе, фанатиками,

* Пер. с англ. М. В. Кирчанова. Оригинал: *Sardar Saadi. Rojava revolution: building autonomy in the Middle East // Roarmag.org. Reflections on a revolution. – 2014. – July 25. – Режим доступа: <http://roarmag.org/2014/07/rojava-autonomy-syrian-kurds/>*

разделенными на сектантские религиозные и этнические группы, которые не могут сосуществовать вместе и не уважают общечеловеческие ценности.

Взглянув на современную историю Ближнего Востока, можно обнаружить основную причину возникновения этих групп в политике колониальных сил региона с начала XX в. и до современности. Приближение столетнего юбилея тайного соглашения Сайкса – Пико 1916 г., которое разделило Османскую империю на искусственные национальные государства, обозначает век колониального господства при поддержке подконтрольных нефтяным магнатам коррумпированных правительств, управляемых и поддерживаемых империалистическими силами.

Система контроля с помощью авторитарных режимов усилилась во время холодной войны, чтобы предотвратить влияние бывшего Советского Союза на регион. Результатом стал длительный крестовый поход против левых со стороны региональных правящих режимов. Массивная волна притеснений, арестов и массовых убийств левых активистов и интеллектуалов по всему региону, в том числе в течение 1970-х и 1980-х гг., имела необратимые последствия в общественной динамике и политических движениях в этом регионе.

Левые организации были закрыты и запрещены, десятки тысяч членов лево-ориентированных партий, профсоюзов, студенческих движений убиты в тюрьмах Ирана, Турции, Ирака, Сирии, Египта и других стран региона. Многие были осуждены на длительные тюремные заключения, а те, кто выжили и не попали в тюрьму, должны были покинуть родину и отправиться в изгнание в поисках безопасности для себя и своих семей. Именно в это время благодаря поддержке западных сил, которые выступали в качестве доверенных организаций и взялись замечать все следы существования местной политической левой традиции, и начали появляться джихадистские группировки.

Моджахеды в Афганистане – лишь один из многих примеров подобных действий. Эти группы обеспечили дополнительную помощь в подавлении левых, после чего стали разрастаться, как раковые клетки, в каждом уголке региона. Более того, в последнее десятилетие, особенно после оккупации Афганистана и Ирака, эти группы завоевали право на законное присутствие и статус тех, кто борется с «иностранными захватчиками» и «безбожниками», по крайней мере в глазах местных жителей.

Несмотря на очевидное противостояние американской оккупации Ирака и Афганистана, западные силы все еще считают, что эти группы являются лучшим выбором для контроля региона при минимальных затратах. В то же время подобная стратегия превратила регион в поле смерти, где исламистские экстремисты могут бороться, не создавая неудобств западным государствам.

Экстремистские исламистские группы являются лишь одним из компонентов политики продвижения ислама как естественного врага левых. С началом волны империалистических войн в регионе после 9 сентября 2001 г. появилась новая повестка дня, нацеленная и направленная на пропаганду «умеренно-

го» политического ислама, который соотносился бы с неолиберальной мировой экономикой. Главной опорой этой программы является правительство партии «Справедливости и развития в Турции» (далее – ПСР). ПСР воспринималась как идеальный вариант умеренной исламской структуры с неолиберальной экономической политикой, которая могла бы одновременно усмирить народный гнев против Запада, отвечая собственным религиозным интересам, и работать в качестве агента глобального капитала в своей стране.

Турецкое правительство, после его признания в качестве идеальной модели будущего для Ближнего Востока, получило больше власти и уверенности в своих претензиях на лидирующую позицию в суннитском мировом сообществе. Однако лидирующая роль Турции только принесла больше разрушений и стимулировала проявления сектантского насилия между шиитами и суннитами. Безответственная поддержка правительством ПСР вместе с правительствами стран Персидского залива джихадистских группировок, которые боролись против режима Башара Асада, погрузила Сирию в беспрецедентный хаос.

С начала гражданской войны в Сирии турецкое правительство играло ключевую роль в ухудшении ситуации, превращая Турцию, в частности южные провинции страны на границе с Сирией, в транзитный пункт для исламистских экстремистов со всего мира на их пути в Сирию. Кроме обеспечения убежища для (идейных) джихадистов, имели место и другие подозрения, что Турция также оказывала логистическую и военную поддержку джихадистским группам.

ИГ и Фронт ан-Нусра – две основные джихадистские группы, которые получили выгоду от этой поддержки. Учитывая текущую ситуацию, единственным успешным путем для «умеренной» исламской программы было продолжение угнетения и маргинализации светской и левой оппозиции. Практически уже не осталось сомнений, что джихадистские группы представляют прямую угрозу региону. И не только потому, что они уничтожают все следы цивилизации; ужасающей является их роль в обесценивании человеческой жизни, ведь они оставляют на своем пути, куда бы они ни пошли, только смерти и разрушения. Вопрос, что нужно сделать, чтобы остановить этот натиск, уже не сводится к мечтам о лучшем будущем – он требует немедленного ответа.

Однако, если взглянуть на ситуацию шире, становится очевидным, что данные группы – лишь часть большей проблемы. Поэтому любая альтернатива текущей ситуации должна принести изменения не только для тех, кто страдает от джихадистских группировок, но и для жертв жестокости и угнетения со стороны авторитарных режимов и империалистического господства в регионе.

Курды известны как крупнейшая в мире нация без собственного государства. История курдов часто ассоциируется с бесконечными восстаниями против систематического угнетения национальными государствами, контролирующими земли и территории их проживания. Со времени создания национальных государств британскими и французскими колонIALистами после распада Османской империи Курдистан был разделен между четырьмя государствами:

Ираном, Ираком, Сирией и Турцией. Курды стали первыми жертвами колониальных соглашений.

Тайный договор Сайкса – Пико 1916 г. игнорировал право курдов управлять собственной землей. Это привело к многим десятилетиям массовых убийств, притеснений и ассимиляции. Язык курдов был запрещен, их права отрицались, а сами курды оказались вытеснены с земель их предков. Искусственные границы, которые были установлены соглашением Сайкса – Пико и Лозанским мирным договором 1923 г., определили границы Турции, продолжая будоражить курдский народ, живущий вокруг них.

Люди, которые нуждаются в пище и лекарствах в сирийском Курдистане, не могут получить никакой помощи от своих семей, живущих по другую сторону границы. В то время как большинство оружия и военного снаряжения сирийским повстанцам доставлялись через Турцию, граница между двумя курдскими регионами была закрыта, кроме этого построено много новых военных постов.

Как уже было упомянуто, Сирия сейчас является свидетелем ужасного проявления исторической политики «разделяй и властвуй» на Ближнем Востоке. Общественно-политическая ситуация в Сирии не оставляет пространства для фантазий. Таким образом, для критически настроенных левых важно искать альтернативу, чтобы усилить свой фронт. Многие убеждены, что реальные альтернативы могут появиться в самых неожиданных местах. Например, регион Роджава в Сирии («Роджава» значит «Запад») может предложить альтернативу для будущего этого региона.

Курды в Сирии показали свои способности и желание быть альтернативным голосом посреди хаоса, царящего в регионе. С тех пор как сирийский конфликт усилился и превратился в гражданскую войну, курдское движение, возглавленное партией «Демократический союз» (далее – ПДС) в Сирии, стало контролировать большинство курдских регионов в этой стране. В ноябре 2013 г. ПДС объявила, что закончила все подготовительные процессы для провозглашения автономии и предложила конституцию под названием Хартия общественного договора (далее – Хартия).

Народная революция в регионе Роджава привела к созданию автономного края, разделенного на три автономных кантона с демократическим самоуправлением в каждом из них. Кантон Джизре (Аль-Джазира) провозгласил независимость 21 января, за ним 27 января последовал кантон Кобан и 29 января – кантон Ефрин.

ПДС настаивает на формировании альтернативы для всех и старается не учитывать требования и интересы только одной из этнических курдских групп. В то же время кантоны фактически отказались стать частью гражданской войны в Сирии и провозгласили, что будут использовать свои вооруженные силы только в целях самозащиты от любых нападений, которые происходят со стороны режима Башара Асада или же оппозиционных групп, поддерживаемых

НАТО, включая такие джихадистские группы, как ИГ и Фронт ан-Нусра. Несмотря на это, они страдали от бесконечных атак со стороны именно ИГ. Неужели регион Роджава становится регионом Чапас Ближнего Востока? Данный вопрос задается каждый раз, когда становятся известны новые подробности из этого крошечного региона...

Несмотря на некоторые политические разногласия между Сапатистской армией национального освобождения в Чапасе и курдским движением, возглавляемым ПДС в Сирии, между ними очень много общего в позиции относительно региональных и международных отношений. Стремление к созданию независимого правительства, рост народных собраний, акцент на гендерном равенстве и предоставлении женщинам права на каждой ступени общественной и политической жизни, антиимпериалистическая и антиавторитарная идеология, упор на экологическую защиту окружающей среды и уважение ко всем живым существам, самозащита и многие другие аспекты указывает на то, насколько революция в Роджаве похожа на противостояние сапатистов в Южной Мексике.

Хартия как базис независимых кантонов является историческим прорывом в регионе, если рассматривать ее в перспективе демократических принципов, которые упорядочивают общественную и политическую жизнь. Хартия, которой на данный момент руководствуются во всех трех автономных кантонах, выглядит как демократический договор, охватывающий все стороны, действовавшие в управлении регионом. Без преувеличения, это демократическая конституция, которой в этом регионе никогда не было.

В первом абзаце преамбулы Хартии говорится: «Мы, народы демократических самостоятельно управляемых территорий: курды, арабы, ассирийцы (ассирийские халдеи и арамейцы), туркмены, армяне и чеченцы, добровольно провозглашаем следующее, дабы обеспечить справедливость, свободу, демократию, права женщин и детей в соответствии с принципами экологического баланса, свободу религиозных убеждений и равенство без дискриминации на основе расы, религии, веры, мировоззрения или пола; достичь политического и морального построения демократического общества с целью функционирования во взаимопонимании и сосуществовании в рамках разнообразия и уважения к принципам самоопределения и самозащиты народов». Далее авторы Хартии продолжают: «Автономные территории демократического самоуправления не признают концепцию национального государства или государства, которое базируется на военной силе, религии, централизме».

Движение за демократическое общество, или, как оно известно в Курдистане, TEV-Dem, ответственно за эти принципы в повседневной жизни. Безусловно, кантоны еще должны достичь идеального общества, и движение признает, что оно пока в состоянии строительства и развития. Не следует забывать, что регион Роджава находился в немилосердной изоляции со всех сторон, главным образом со стороны сирийского и турецкого правительств, сирийских повстанческих групп, а также прозападного курдистанского регионального пра-

вительства в Ираке. Западные медиа, включая независимые и альтернативные источники, в значительной степени игнорировали сопротивление курдов или же просто не смогли уделить им внимания. Курды не получили поддержки, на которую они рассчитывали и которую они заслуживали.

Эртугрул Корке, член турецкого парламента от левой прокурдской народной демократической партии, недавно сказал, что курды играют роль русских в Европе в последствиях Первой мировой войны. С политической точки зрения, курды не является гомогенной группой, однако в высказывании Э. Корке есть определенная доля правды, так как ситуация на Ближнем Востоке напоминает ту, что существовала в Европе начала XX в. Более того, джихадистские группировки стали инструментами в руках колониальных сил и авторитарных режимов, они стремятся установить и укрепить собственное господство в регионе.

Роджава может быть альтернативой, демонстрирующей потенциальную форму автономного самоуправления, которая бросает фундаментальный вызов деспотическим ритуалам религиозных сообществ и предлагает рабочую схему сосуществования со всеми культурами и вероисповеданиями на этой территории без угнетения и игнорирования чьих-то прав. Опыт Роджавы в самоуправлении может быть моделью демократического конфедеративного государства на Ближнем Востоке, где каждая община имеет право на самоопределение и самоуправление. Более того, это очень прогрессивный опыт, так как женщины являются непосредственным двигателем изменений. Хэви Ибрагим, председатель автономного кантона Африн, является тому блестящим примером.

Альтернатива Роджавы является ни вымышленной, ни утопической. Она уже доказала свою эффективность путем практических решений и ежедневного воплощения идей, представленных в Хартии. На самом деле, Роджава заявляет о себе как о самой реалистичной демократической альтернативе в столь неожиданном месте. Проявление солидарности с революцией в Роджаве является первоочередной задачей для всех, кого волнует будущее Ближнего Востока.

ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО, КУРДСКАЯ (НЕ)ЗАВИСИМОСТЬ, ЗАПАДНОЕ ЛИЦЕМЕРИЕ И ПРОВАЛ ПАРАДИГМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА*

Однажды мир проснулся и вдруг осознал, что такое религиозное сообщество, как езиды, существует и что радикальная джихадистская группа под названием Исламское государство (ранее известная как ИГИЛ – Исламское Государство Ирака и Леванта) (далее – ИГ) истребляет людей в Ираке.

Очевидно, предупреждения курдов в Роджаве («Роджава» – курдское слово, означающее «Запад», например Западный Курдистан/Северная Сирия), которые боролись против таких радикальных исламистских групп, как Фронт ан-Нусра и ИГ, с 2012 г. и на массовые жертвы которых никто не обращал внимания, не имели значения. Вероятно, ИГ «пронеслась сквозь регион», застав нас врасплох, без предупреждения, внезапно, не прогнозируемо, из ниоткуда! И следующее, что приходит на ум в контексте решения кризиса, вмешательство Запада и бомбы...

Говорят, что во времена кризиса не следует искать виноватых – очень удобный выход из ситуации для всех этих партий, институтов и государств, которые активно или пассивно сделали свой вклад в развитие, распространение и установление ИГ. Какой болезненной является эта завеса, что стремится скрыть несправедливую войну в Ираке, международный грабеж и инструментализацию так называемой «Арабской весны», глобальную торговлю оружием, сектантство, исламофобию, борьбу с терроризмом, отвергая ответственность, пока не случится следующая неизбежная трагедия! Наоборот, чтобы почтить жертв этого современного геноцида нужно говорить открыто и критически, чтобы виновных смогли привлечь к ответственности. Насколько неизбежным был тот ад, что сейчас обжигает Ближний Восток? Действительно ли ИГ появилась из ниоткуда? И насколько разумно верить в то, что ИГ исчезнет после нескольких американских авиаатак?

Понимание текущего кризиса как результата политики доминирующего международного порядка, который устанавливает свое регулирование сквозь призму государств, власти и гегемонии, позволит нам понять лицемерие американского комплекса спасителя и преступность «европейского морального долга», который вооружал союзников в борьбе с ИГ после быстрой продажи оружия таким странам, как Саудовская Аравия и Катар, открыто поддерживающим джихадистов. В то же время союзник НАТО – Турция обеспечивала исламистов коридором через границу, а также медицинской помощью в турец-

* Пер. с укр. К. Смеяновой. Оригинал: *Дірік Д. Ісламська Держава, Курдська (не)залежність, Західне лицемірство, провал парадигми національної держави / Д. Дірік // Спільне. – 2014. – 29 грудня. – Режим доступу: <http://commons.com.ua/shangal-islamska-derzhava>*

ких больницах. Это в дальнейшем поможет нам разобраться, почему та же поддерживаемая Америкой Курдская партия, которая на протяжении длительного времени надменно и шовинистически продвигала независимость от Ирака за счет курдов из других регионов, так быстро и без боя отвела свои войска из Шангала, оставляя езидов на растерзание ИГ, и как взамен курды, которых на международном уровне маргинализировали и принимали за террористов, без всякой иностранной поддержки спасли десять тысяч езидов. Каким образом гуманитарная катастрофа в Шангале иллюстрирует истинное лицо статуса-кво, а именно парадигмы национального государства с ее капиталистическими, шовинистическими и патриархальными устоями? И как так случилось, что Курдская партия «за независимость» оказалась в такой зависимости от других, в то время как те курдские партии, которые больше не борются за государство, потому что отвергают государственность как неотъемлемо деспотичную, и которых националисты обвинили в потере веры в «независимость», спасли всю общину, демонстрируя альтернативную, более содержательную форму независимости с помощью деятельности за пределами ранее установленных параметров государства?

Прежде всего, немного контекста: ИГ не нова. В Роджаве в течение последних двух лет уже имели место несколько погромов, совершенных той же джихадистской группой, которые не вызвали никакого возмущения международного сообщества. Абсолютная тишина и полное отсутствие информирования общественности о гуманитарной катастрофе в Роджаве, несмотря на неутомимые попытки активистов привлечь общественных и политических деятелей, указывают на факт, что немногие из текущих проблем, которые вызывают беспокойство в обществе, связаны с настоящими этическими обязательствами относительно соблюдения человеческих прав.

Истребив по-варварски тысячи гражданских жителей в Сирии, и особенно в Роджаве, ИГ на данный момент осуществляет ошеломительные погромы в другой части Курдистана, а также в Ираке и Сирии. Людей обезглавливают, распинают, расстреливают, пытаются и силой выселяют. Женщин насилуют, похищают, продают на рынках рабов, детей оставляют умирать от голода и жажды. Дома и святые места сжигаются, разоряются, уничтожаются и оскверняются. Систематические этнические и религиозные чистки грозят истреблением целых сообществ и культур на Ближнем Востоке. Об этих нечеловеческих зверствах даже стыдно писать в таком нейтральном изложении.

В результате атак ИГ в начале августа тысячи езидских курдов, членов старинной религиозной общины, которая уже столкнулась с 72 побоищами в течение собственной истории и теперь предстает перед новым геноцидом, стали жертвами массовых убийств ИГ в Шангале, священном месте для этого сообщества. Десять тысяч человек были вынуждены покинуть свои дома и бежать в горы вблизи Шангала. Много людей, включая стариков и детей, погибло во время бегства, а десять тысяч человек, скрываясь долгое время в горах, ока-

зались в затруднительном положении, умирая от голода и обезвоживания. ИГ продолжает свои жестокие убийства в близлежащих селах. Есть шокирующие сообщения о рынках секс-рабов и массовых самоубийствах среди женщин, которые скорее убьют себя, чем попадут в руки ИГ. Уровень смертности растет с каждым днем...

Езидов в Шангале должны были охранять подразделения пешмерга (курдские истребительные батальоны, в буквальном смысле означают «те, кто противостоит смерти») Демократической партии курдистана (далее – ДПК), которая является правящей партией регионального правительства Курдистана в Южном Курдистане (Северном Ираке). Однако, когда ИГ осуществили атаку на Шангал, эти силы немедленно отошли без боя и предупреждения, оставляя население на милость ИГ и, согласно показаниям, отказались обеспечить людей оружием, чтобы те могли защитить себя. А отряды народной самообороны (далее – ОНС) и отряды женской обороны (далее – ОЖО) защищали Роджаву от сил режима Асада, как и от джихадистов, таких как ИГ, в течение последних двух лет. Они пересекли неопределенную иракско-сирийскую границу с целью защиты езидского народа, который, по сути, должна защищать гораздо лучше вооруженная ДПК. Создав гуманитарный коридор, ОНС и ОЖО смогли спасти десять тысяч обездоленных людей. Сейчас они обустроили лагерь беженцев Науруз в Дерике (Роджава), где несчастные ждут дальнейшей гуманитарной помощи. Вскоре после вмешательства ОНС/ОЖО партизаны Рабочей партии Курдистана (далее – РПК) также зашли в регион со стороны горы Кандиль, чтобы присоединиться к борьбе против ИГ и защитить людей в близлежащих землях от атак. Партия демократического союза (далее – ПДС), которая была движущей силой в установлении автономных кантонов в Роджаве в начале 2014 г., равно как и в создании батальонов ОНС/ОЖО в качестве защитных единиц, идеологически связана с РПК, борющейся против Турецкого государства и добивающейся признания курдской идентичности и равноправия. Несмотря на то, что она отказалась от создания курдского государства, провозгласила несколько односторонних прекращения огня и теперь присоединилась к мирному процессу с государством, РПК до сих пор считается сепаратистской группировкой и находится в списке террористических организаций в Турции, ЕС и США, поскольку Турция является важным членом НАТО. Это стало причиной криминализации и маргинализации прогрессивных кантонов Роджавы международным сообществом. Примером этого может быть исключение курдов из мирной конференции «Женева-2» по вопросам разрешения Сирийского кризиса, невзирая на то, что Роджава – единственный регион в Сирии, который смог создать светские, демократически инклюзивные структуры самоуправления посреди гражданской войны, несмотря на атаки режима Асада и джихадистских групп. Теперь езидские беженцы шокированы и разочарованы отводом сил пешмерга, которые до этого идеализировали, проклинают ДПК и говорят следующее: «Бог и РПК спасли нас», «Если бы РПК не спасла

езидов, вы не увидели бы ни одного из них живым» или «Те, кто не знают о РПК – пусть узнают. Они освободили гору Синджар». Многие присоединились к ОНС/ОЖО, чтобы вернуть и освободить свои священные родные земли.

На выгоду ДПК масс-медиа аплодировали «курдским бойцам», которые освободили езидов с гор, представляя «курдов» гомогенной группой. Хотя силы пешмерга сейчас одерживают стратегические победы с подстраховкой США, ДПК, которая недавно смеялась над иракской армией, что под атаками ИГ в июне оставила Мосул и Киркук, бросила езидов в Шангале. Существуют статьи и телепередачи, где чудом отражены целые отчеты по ситуации в Шангале, ни разу не упомянув ключевой роли ОНС/ОЖО и партизан РПК, которые несомненно провели впечатляющую спасательную операцию и которых в одностороннем порядке одобрили беженцы. Некоторые статьи вскользь упоминают «сирийских курдов» одним-двумя предложениями, прежде чем перейти к обсуждению того, почему «американские союзники, прозападные иракские курды, заслуживают на вооружение» против ИГ. В показаниях одного из свидетелей, были переведены как «пешмерга». Впечатляющее количество статей было опубликовано о женщинах-пешмерга, которые даже при отсутствии военного опыта хотят бороться с ИГ. Интересно, что женщины из рядов ОНС/ОЖО, которые имеют большой опыт борьбы с ИГ, так как они гибли в ней на протяжении двух лет, не получали столь быстрой поддержки.

Примитивный национализм, братоубийственная продажная политика и (не)зависимость. В течение длительного периода ДПК и их лидер, Масуд Барзани, были задействованы в кампании за курдское независимое государство. При этом они активно маргинализировали курдов в Турции, Сирии и Иране. Одним из ближайших союзников ДПК является Турция, страна, в которой 10 000 курдов содержатся в тюрьмах, где курды до сих пор борются за признание их в качестве равноправных граждан. Другая страна, которая доминирует в политике ДПК, – Иран, где курдских активистов казнят регулярно. Опportunизм ДПК ради консолидации собственных сил достиг вершины, когда партия приняла очень враждебную позицию относительно курдов в Роджаве, которые среди сирийской гражданской войны создали три автономных кантона для регионального самоуправления. ДПК закрыла границу беженцам из Роджавы, которые убегали от истребления ИГ, а также задержала гуманитарные конвои. В апреле партия зашла настолько далеко, что выкопала траншею на границе между Западным и Южным Курдистаном и выставила бойцов пешмерга с оружием, нацеленным на людей, которые выступали против этой границы. Народ воспринял ситуацию как проявление государственной измены, называя ее «Второй Лозанной» (имея в виду Лозаннский договор 1923 г., разделивший Курдистан на 4 части). Как иронично – защищать независимую курдскую государственность и быть названным «Второй Лозанной» другими курдами. Концепция освобождения ДПК основывается на экономическом, капиталистическом росте, идеализированном «независимыми» продажами нефти,

роскошными отелями, торговыми центрами, одновременно с активным укреплением границ, определенных в Лозанне, способствуя угнетению других курдов. Осознавая это, отвод сил пешмергов также не кажется слишком неожиданным. Пешмерга были инструментализированы для пропаганды независимости, чтобы символизировать мужество «непобедимой» де-факто страны. Существует мистификация образа пешмерга, которая ассоциирует его с курдской смелостью и борьбой за свободу. Но то, что в свое время действительно было «противостоянием смерти» против армии Саддама Хусейна, превратилось в обычную работу, привязанную к зарплате. Так что неудивительно, что многие старшие ветераны причислили себя к бойцам с ИГ, в то время как младшее поколение – без опыта борьбы – имело чуть меньше мотиваций, особенно учитывая, что многим платили нерегулярно из-за сокращения бюджетов Иракского Курдистана центральным правительством Ирака. Защита людей прославляется, если это выгодно пропаганде, в других случаях она нивелируется к обычной части аппарата государственной институции.

Идеологически племенно-феодалная, консервативная ДПК сильно отличается от левонаправленной и феминистской идеологии курдского политического движения, объединенного с РПК, традиционным соперником ДПК. Революция в Роджаве является идеологически близкой РПК, и система, которая там устанавливается, основана на концепции «демократического конфедерализма» идеологического представителя РПК Абдуллы Оджалана. Хотя РПК начала деятельность без цели создания независимого курдского государства в конце 1970-х гг., она сильно трансформировала свою точку зрения и сейчас поддерживает радикальные местные ростки самоуправления, гендерного равенства, защиты окружающей среды, нацелена на признание существующих границ недействительными и безосновательными. Она отказывается от государственного института как от угнетающего и господствующего по своей сути, отвергает национализм как примитивную, отсталую концепцию. Этот переход от государства как конечной манифестации «независимости» заставил националистические подразделения наподобие ДПК обвинять движение, объединенное вокруг турецких курдов, в отказе от «курдской мечты».

Но действительно ли идеология в политике не имеет никакого значения, как многие утверждают? Нет. Даже если критические ситуации часто требуют определенного прагматизма, события в Шангале во многом иллюстрируют провал национально-государственной парадигмы и реализацию демократического конфедерализма в действии. Пытаясь определить освобождение в терминах капиталистического роста, что приводит к причудливой гордости в сфере нефтяной торговли, которая на самом деле приносит пользу лишь нескольким племенам-мультимиллионерам, вместо того чтобы способствовать истинному развитию общества, и стремясь утверждать независимость лишь в тесных рамках национального государства, что требует опоры на какую-то большую силу, ДПК поработила себя полностью и осталась в полной зависимости от других.

Несмотря на свои мужественные попытки провозгласить независимость на спинах других курдов и остальных народов региона, она не смогла защитить своих граждан и показала, что согласие с господствующим порядком – противоположность независимости. Те, кто сейчас полностью отрицают тот факт, что их герои отступили, пытаются сохранить лицо, избегая любой критики в сторону ДПК и обращаясь к этому таинственному понятию под названием «курдское единство». Конечно, выставлять критику ДПК как содействие расколу очень удобно. Но на самом деле очевидно и понятно, кто же на самом деле разъединял курдов своей оппортунистской политикой. ДПК внесла свой вклад в подъем ИГ с ее враждебным отношением к Роджаве. Когда ИГ уничтожала курдов в Роджаве, ДПК копала приграничную траншею и целилась из оружия в людей. И теперь, когда ИГ угрожает региональному правительству Курдистана, это уже не та партия, что копала траншею на границе и торговала нефтью, не богатая, хорошо устроенная и одобренная на международном уровне курдская партия государственности, ДПК, которая спасла десять тысяч жизней в границах своей сферы контроля, несмотря на собственную высокомерную кампанию за независимость. Те, кто отрицал целесообразность национального государства, независимо начали собственную спасательную операцию, независимо боролись с ИГ без иностранной политической, экономической или военной поддержки и независимо устроили лагерь беженцев для десяти тысяч езидов, потому что их понимание самоотверженности, свободы, автономии и независимости способно распознать границы угнетения и ограничений, в которых работает государственный аппарат. Их концентрация на самостоятельности и самодостаточности продемонстрировала более значимую концепцию независимости, и в то же время путем критики национализма как отсталого понятия также проиллюстрировала настоящее единство. В конце концов партизаны РПК и дружественные к ним бойцы, например ОНС/ОЖО с Роджавы и партизаны Партии возрождения Курдистана с Рожхелата (Восточный Курдистан/Западный Иран), уже провозгласили свою поддержку жителей Южного Курдистана, как только на Мосул и Киркук были совершены атаки, и сейчас они защищают Южный Курдистан, несмотря на оппортунистские действия ДПК. Их идеология и политическая практика также стремятся к единству между людьми, а не только к националистическому единству среди курдов. Очевидно, существует огромная разница между разными пониманиями независимости и единства.

Политика ДПК эксплуатирует понятную эмоциональную привязанность людей, которые пережили геноцид во времена Саддама Хусейна, к своей живой коллективной памяти. Эта ментальность искажает сознание людей настолько, что каждый вызов его коррумпированному правлению расценивается как «попытка уничтожить то, что мы так трудно добывали». Такое понимание свободы заключается в обладании тем, что все остальные имеют – власть, элита, гегемония, когда на самом деле абсолютно ни одно из государств на Ближнем Востоке не является автономным и независимым. Что заставляет людей ду-

мать, что региональное правительство Курдистана, до сих пор привязанное к правительству Ирака, которое, по сути, является марионеткой США, будет достойно называться независимым? Если люди хотят приобщиться к такой системе, основанной на шовинистском пустом национализме и полной зависимости, будучи марионеткой иностранных сил, лелея иллюзию независимости, они должны принять парадигму национального государства со всеми недостатками и коррупцией, которые придут с ней. Им нужно решить, является ли достойной «курдская мечта», когда посольство Ирана в региональном правительстве Курдистана может выступить с заявлением, в котором говорится: «Курдский – это не язык». Или это должно быть предметом гордости – видеть зарубежного министра Турции Давутоглу, который обращается к людям Южного Курдистана на курдском, в то время как тысячи политических заключенных находятся в турецких тюрьмах, потому что они хотят, чтобы курдский язык был легальным в Турции.

Если о таком Курдистане мечтают люди, то они должны меньше удивляться тому, что подобный вид «независимости» означает отчаянное ожидание американской помощи, пока езидских граждан жестоко убивают. Но тогда они не должны были насмехаться над иракской армией за дезертирство в Мосуле и Киркуке. Или, возможно, они должны просто перестать злоупотреблять словом «независимость». Но умная и коварная пропаганда государственности ДПК, использующей термины вроде независимости – умную терминологию, которой ни один разумный курд не скажет нет, – чтобы усилить собственную власть, должна была бы быть оскорбительной для людей, смело боровшихся против Саддама Хусейна с надеждой на свободу.

Не удивительно, что тот же одержимый государственностью менталитет с энтузиазмом восхвалял Нетаньяху за его поддержку курдской государственности в июне. Хотя можно подумать, что курды должны были сочувствовать страданиям палестинцев во время оккупационного фашистского режима апартеида в Израильском государстве, догма государственности, которая понимает мораль только через призму собственного интереса, приводит к странному выводу о необходимости объединения с Израилем. Возможно, курды, аплодировавшие Нетаньяху, почувствовали стыд, когда вскоре после заявления Нетаньяху в поддержку курдской государственности, Израиль начал военную кампанию, которая привела к массовым убийствам палестинцев.

Эта же ментальность, что опирается на иллюзию независимости, приводит к такому помешательству, что люди практически кричат: «Спасибо за бомбы, Америка!», будто заграничная политика Соединенных Штатов раздавала бомбы из-за неожиданной безумной любви к курдскому народу. Прежде всего, текущий дискурс международных медиа, которые относятся к курдам как к мусору, определяя, нуждаются ли они в помощи или нет, в зависимости от того, насколько «лояльными» они могут быть к Западу, является абсолютно бесстыдным, жестоким и унижительным. Через головы людей, которые смотрят в лицо

геноцида, западные аналитики спекулируют на том, кто будет лучше служить западным интересам, и правильно ли благословлять их тем же оружием, что было когда-то продано другим коррумпированным правительствам, которые в свою очередь передали его джихадистам. Глобальная торговля оружием и политика США являются одними из факторов, приведших к этой ужасной ситуации, которая является настоящей Третьей мировой войной, хотя так и не называется. Тяжелое оружие, которым владеет ИГ, было в основном захвачено, когда они вторглись в Мосул, и это в основном американское оружие. Вера в то, что ИГ будет ликвидировано с помощью нескольких авиаударов или же вооружением марионеточных режимов на земле, является принятием желаемого за действительное, по крайней мере для тех, кто хочет чувствовать, что они сделали хоть что-то полезное, дабы спать с чистой совестью. Но для доминирующих сил это остается самым разумным способом насаждения собственных интересов в регионе. Задумайтесь на минутку: начав несправедливую войну в Ираке, играя во вторую холодную войну в Сирии, игнорируя курдские кантоны, основанные прогрессивными структурами, несмотря на экстремальность ситуации, закрывая глаза на очевидную поддержку джихадистов своими же союзниками, сейчас США опять бомбит территорию, чтобы уничтожить джихадистскую группу, которая имеет американское оружие и которая бы никогда не зашла так далеко без иностранной поддержки (особенно от американских союзников, таких как Турция, Саудовская Аравия и Катар), и многие сознательно закрывают на это глаза – Америка снова участвует в военных действиях, до сих пор называя тех, кто спас езидов, террористами – и от нас ожидают бурных оваций! Американцев в очередной раз расценивают как спасителей Ближнего Востока, хотя их помощь была доставлена на гору Синджар уже после того, как те, кого называют террористами, спасли людей! Как по-кафкиански!

Кроме того, воздушные атаки являются краткосрочной попыткой решения проблемы и лишь откладывают упадок региона на более поздний срок. Грубая военная кампания игнорирует тот факт, что ИГ имеет большую базу поддержки, особенно среди суннитов, которые были отчуждены и маргинализированы шиитским режимом аль-Малики, как и алавитским режимом Асада. Американская и европейская политика активно эксплуатировали эти явные разделения между сектами. ИГ была в состоянии захватить тяжелую артиллерию США в Мосуле с такой легкостью частично именно из-за этих межконфессиональных напряженностей. Игнорируется также тот факт, что ИГ не состоит из кучи безумных, иррациональных бандитов, а является хорошо организованной группой, которая использует сложную риторику и технологии. Игнорируется и то, что так называемые «побочные убытки» в несправедливых войнах в странах с мусульманским большинством были на самом деле гибелью сотен тысяч реальных людей, чьи общества теперь жаждут мести. Наконец, игнорируется то, что многие джихадисты приехали из европейских государств, познав ксенофобскую и исламофобскую дискриминацию в обществах, где учат равным воз-

можностям. Конечно, абсолютно ни ОДИН из этих аспектов не оправдывает варварские массовые убийства ИГ, но становится очевидным, что примитивные бомбардировки симптома не остановят саму болезнь, которую подпитывают иностранная политика США и Европы, глобальная торговля оружием и поддержка джихадистов союзниками НАТО поверх существующего межконфессионального напряжения. Народы Ближнего Востока, как жители ЕС и США, заслуживают того, чтобы знать об этом.

Решением данной проблемы не могут быть простые бомбардировки ИГ, оно должно быть радикальным и политическим, а также включать в себя признание акторов, таких как кантоны в Роджаве, РПК, которые были главными действующими лицами в спасении езидов и которые боролись с джихадистами в течение двух лет. Не потому, что они «заслуживают» поддержку, а потому что имеют народную легитимность из-за поддержки миллионов людей, которые воспринимают их как своих представителей. Это должно исключать РПК из списка террористических организаций ЕС и США. Как и во многих случаях «списков террора», маркировка РПК как «террориста» является иностранной политикой умиротворения и контроля, НАТОвским подарком для Турции. По крайней мере изъятие РПК из этого списка прояснит путаницу для общественности и масс-медиа, которые ломают свои головы над тем, как террористы могут бороться с террористами, после того как они были вынуждены принять разделение мира на белое и черное. Списки террористов не видят разницы между жестокими, варварскими, негуманными бандитами и политическими деятелями, бросающими вызов интересам статус-кво. И в случае РПК признание ее террористической организацией криминализирует целые сообщества обычных людей. Сопрезиденты ПДС в Роджаве пытались участвовать в дипломатических контактах с политическими деятелями, но им было отказано в визах в некоторые страны ЕС, а также несколько раз в США.

Независимость и свобода. Бомбардировка территории ради кратковременного успеха и упорное применение тех же политических стратегий увековечат коррумпированную сектантскую систему зависимости в регионе и лишь продлят процесс медленной смерти Ближнего Востока. Отказ от догмы национального государства и гегемонии власти таким образом имеет потенциал, чтобы освободить народы Ближнего Востока от Стокгольмского синдрома – как смиренной рубашки, которая смотрит на Запад каждый раз, когда возникает кризис. Конечно, состояние безгосударственности делает целые сообщества уязвимыми в системе, которая отрицает жизненные реалии, признавая лишь несколько узаконенных форм власти, которые называются государствами. Курды знают об этом лучше всех. Однако проблема не в безгосударственности, а в государстве. Отказаться от государства – не значит сдаться, так как государство не следует путать с автономией, свободой или независимостью. В противоположность этому события в Шангале четко демонстрируют недостатки этой идеи. Командир РПК Дуран Калкан говорит следующим образом: «Суть госу-

дарства заключается в силе организованного подавления и эксплуатации. Государство – это система, быть государством – значит быть частью системы. Это означает зависимость и коллаборационизм. Меньшие государства зависимы от больших государств, и все они зависимы от государственной системы. Вполне очевидно, что государство не может быть свободным и независимым. Государственная парадигма не имеет места для независимости и свободы. Только сообщества со свободным и независимым сознанием могут на самом деле быть свободными и независимыми. Этого можно достичь только организацией индивидов и общества, что приведет к появлению демократического индивида и общества».

Институт государства внушил нам модели мышления настолько, что мы неспособны породить альтернативную систему. Однако, если мы взглянем на кантоны в Роджаве, то сможем увидеть положительный пример того, как несмотря на определенные недостатки, связанные с неопытностью и нехваткой ресурсов, вызванной экономическим и политическим эмбарго, могут развиваться демократические, светские и гендерно-элитарные структуры свободного волеизъявления. Посреди сирийской гражданской войны народ Роджавы провозгласил 3 кантона, каждый с 22 министерствами, где каждый министр имеет трех заместителей – одного курда, одного араба, одного ассирийца, и как минимум один из них должен быть женщиной. Они создали народные советы в городах, селах, районах, а также фермерские и жилищные кооперативы, женские советы, женские академии. Вдохновленная РПК использует принцип совместного президентства, который делит власть между женщиной и мужчиной, такое же разделение 50 на 50 есть на всех административных уровнях. Даже если СМИ будут тиражировать эту идею, целью революции в Роджаве все равно не будет являться отделение от Сирии, так как РПК не считает больше границы Сайкса – Пико действительными. Эта своеобразная независимость полагается сама на себя, несмотря на неопределенные государственные структуры, навязанные извне. Таким образом, невзирая на международную маргинализацию и войну с Асадом и ИГ в плохих условиях, именно бойцы с Роджавы пришли на помощь езидам в Южном Курдистане. Это должно быть более желанной целью, чем просто возможность заявить: «У меня есть государство, я – часть системы».

И последнее, но не менее важное – группы зачистки ИГ ведут войну против женщин. В частности, они дегуманизируют женщин для достижения своей цели, поработав их для так называемого «джихадистского брака», который длится один-два часа, что позволяет насилловать их по так называемому «религиозному согласию». В своей войне против женщин они объявили это «халяль» (т.е. «дозволенным»), используя сексуальное насилие как постоянный инструмент войны. Заявлено о тысячах женщин, которые были похищены, изнасилованы или проданы ИГ на рынках рабов. Согласно свидетельствам делегаций, которые посетили Шангал, сотни женщин покончили жизнь самоубийством, чтобы не попасть в руки ИГ. Против этого ультра-патриархального ада кон-

цепция демократического конфедерализма и идеология освобождения женщин РПК являются также сильным и радикальным противодействием отвратительной ментальности ИГ. Согласно показаниям бойцов ОНС/ОЖО, джихадисты верят, что утратят свой статус бойца, если погибнут от руки женщины. Однако курдские женские движения не только борются с ультра-патриархальной ментальностью джихадистов на поле боя, борьба идет в рамках более широкого общественного эмансипационного проекта, они уже бросили вызов патриархату в Курдистане, в значительной степени изменив его. С ростом осведомленности общества в гендерных вопросах, его свобода начинает основываться на фундаментальных принципах гендерного равенства, как это было провозглашено на всех уровнях движения (будь это в администрации Роджавы или Северного Курдистана (Восточной Турции), где курдские женщины составляют более 60 % всех женщин-мэров во всей Турции (более 80 %, если учитывать общее представительство), то благодаря попыткам изменить общество, противопоставляя его феодально-патриархальным племенным характеристикам), то это будет гораздо более устойчивой формой борьбы против ментальности ИГ. В конце концов ИГ эксплуатировала консервативное понятие чести для контроля над женской сексуальностью и телом, что уже было распространено в регионе для оправдания убийства женщин. Вызов государству как институциональному продолжению патриархата внес огромный вклад в освобождение женщин в Курдистане. Это та идеология, которая стоит за борющимися женщинами, которые нагоняют столько страха на джихадистов ИГ, что они ведут войну против женщин.

Бойцы курдских сил в Западном Курдистане, которых маргинализировали и подвергали остракизму на международном уровне в течение двух лет, а также партизаны РПК, определенной в террористические организации, предоставили международному сообществу урок гуманитарного вмешательства. Позже они научили ДПК, «мачо» от государственности, что значат настоящая независимость и автономия. Люди могут освободить себя собственноручно, быть марионеткой глобального капиталистического порядка, ориентированного на национальное государство, политики партии Барзани, означает находиться в полной зависимости и несвободе, в то время как те, кто находился снаружи доминирующей системы, эффективно и впечатляюще спасли тысячи жизней. Сейчас самое время, чтобы мы просмотрели, какую именно свободу мы себе представляем. Я верю, что мы обязаны всем тем людям, которые сейчас страдают в этом аду на земле.

Перри Андерсон

ПОСЛЕ КЕМАЛЯ: ОТ КЕМАЛЯ К ОЗАЛУ*

В своем знаменитом эссе – одной из острейших самокритичных рефлексий, порожденных молодежными бунтами 1960-х – Мурат Бельге, непревзойденный знаток политического сознания своего поколения, именно когда очередное военное вмешательство растоптало десятилетние пылкие надежды, рассказал современникам о турецких левых, которые не понимали собственную страну. Они думали, что это такая же страна третьего мира, как и многие другие, – готовая к освобождению через партизанские восстания в городах или горах. Им не удалось постичь парадокс: хоть тогдашняя Турция действительно была «страной относительно отсталой экономически и социально» – ВВП Турции на душу населения приближался к ВВП Алжира или Мексики, а среди взрослых граждан лишь 60 % были грамотны, – однако она была «относительно передовой политически»: знала «двухпартийную систему, при которой у власти за народным мандатом по несколько раз находились представители обеих партий, чего никогда не бывало, скажем, в Японии». Одним словом, Турция – необычный случай бедного и плохо образованного общества, в котором была демократия в распространенном значении этого понятия, правда с насильственным вмешательством (Бельге писал только после военного переворота 1980 г.).

Через четверть века его оценка все еще адекватная. После окончания кемалистского режима в 1950-м Турция в целом была страной регулярных выборов с противостояниями между партиями и непредсказуемыми результатами, а также чередованием различных правительств. Поэтому, если говорить о смене правительств, Турция может похвастаться большим опытом, чем Испания, Португалия или Греция и даже Италия. Как можно это объяснить? Историки указывают на ранние моменты конституционных дебатов или парламентских выборов с османских времен до середины кемалистского периода. Однако как бы их ни почитали, эти эпизоды были слишком непрочные и беглые, чтобы служить основой для стабильности современной турецкой демократии, которая вот-вот разменяет седьмой десяток. Другое объяснение более конъюнктурное и подчеркивает тактические причины демократического маневра Инёню в 1946 г. и просчетах вследствие неправильной оценки этого маневра в 1950 г. Однако не отвечает на вопрос, почему с тех пор демократия укрепились на-

* Пер. с укр. К. Смяеновой. Оригинал: *Андерсон П. Після Кемалю : від Кемалю до Озала* / П. Андерсон // *Спільне*. – 2013. – 8 серпня. – Режим доступу: <http://commons.com.ua/pislya-kemalya-vid-kemalya-do-erdogana>

столько, что даже периодические военные вмешательства не смогли поколебать признания ее в качестве политической нормы в Турции. Нужно более конструктивное объяснение.

Во время Второй мировой войны Инёню управлял страной примерно так же, как Франко – Испанией: смягчал политическое родство с нацистским режимом и оказывал ему пассивную помощь с рассудительной осторожностью, благодаря которой можно было улучшить отношения с Западом, как только стало понятно, что Германия потерпит поражение. Но после войны положение двух диктатур, пусть и одинаково антикоммунистических, начало различаться. Испания находится на противоположной от СССР окраине Европы, тогда как Турция геополитически была прифронтовым государством в холодной войне и имела длительную историю вражды с Россией. Поэтому со стороны Вашингтона было более острое стремление, а со стороны Анкары – острая потребность лучше объясниться, чем в случае Мадрида, поэтому Турция имела больше оснований идеологически и институционально подстроиться под Запад.

Однако этого не достаточно, чтобы принести демократию в Турцию. Во время холодной войны Америка была чрезвычайно терпима к авторитарным режимам и даже одобряла их – по крайней мере пока они поддерживали Вашингтон военно и политически. В конце концов через десятилетия Франко уже тоже принимал у себя военные базы США. На самом деле Турцию от Испании отличало что-то более глубокое. Испанская диктатура была следствием жестокой гражданской войны, что натравливала класс на класс и контрреволюцию на революцию. Чтобы победить в этой войне, националистам понадобилась помощь Германии и Италии. В 1945 г. в горах все еще оставалось несколько партизанских групп, сражавшихся против режима. После войны Франко не мог даже помыслить о демократизации: он рисковал снова разбудить политический вулкан, извержение которого поставило бы под угрозу и армию, и церковь, и собственность.

Через тридцать лет режим Франко выполнил свою историческую миссию. Экономическое развитие изменило испанское общество, массовая радикальная политика была уничтожена, а демократия больше не угрожала капиталу. Диктатура так безупречно сделала свою работу, что беззубый бурбонный социализм оказался неспособен даже восстановить поваленную республику. В испанской лаборатории можно было увидеть будущую параболическую траекторию, по которой будут двигаться латиноамериканские диктаторы 1970-х гг. (образцовый случай – Пиночет) – архитекторы политического строя, которому избиратели благодарны за долгожданное восстановление гражданских свобод. Сейчас испанская схема стала общей формулой свободы: нужен уже не мир, безопасный для демократии, а демократия, безопасная для мира.

Турция могла стать демократической страной гораздо раньше, чем более развитая Испания – не говоря уже о таких же экономически и социально отсталых в 1950 г. странах, – потому что там не надо было подавлять столь взрывоопасного классового конфликта, не надо было уничтожать радикальную

политику. Большинство крестьян владели землей, рабочих было мало, интеллектуалы были маргинализированы, а левые почти не фигурировали. Общество раскалывали, скорее, этнические конфликты, чем классовые. В этих условиях любые подрывы снизу были маловероятными. Элита могла договориться между собой без страха высвободить силы, которые не смогла бы контролировать. Но такой уровень безопасности не мог долго просуществовать. В положенное им время должны были произойти как общественные, так и этнические беспорядки. И когда они все же случались, государство отвечало насилием.

Впрочем, с социологической точки зрения основные рамки, установленные первыми выборами в 1950 г., остаются в действии до сих пор. Турецкая демократия временами выходила из строя, но никогда надолго, ведь она закрепилась среди правополитического большинства, которое в той или иной форме никогда не прекращало существовать. В течение четырех циклов истории политическая жизнь Турции отличалась внутренней стабильностью. С 1950 по 1960 г. страной руководил премьер-министр Аднан Мендерес – председатель демократической партии, избирателей которой в лучшие времена было 58 % и никогда не было меньше 47 % (они все еще предоставляли этой партии четыре пятых мест в национальном собрании и давали возможность контролировать пост президента, даже в конце ее существования).

Рождением демократической партии был обозначен момент раскола турецкой элиты, вместе с ростом буржуазии, менее зависимой от государства, чем в довоенный период, которая больше не желала принимать бюрократическое управление экономикой и стремилась получить выгоду от политической власти. Все ее лидеры были бывшими членами кемалистской элиты и владели капиталами в частном секторе: Мендерес был богатым владельцем хлопковой плантации, а Баяр (президент с 1950 г.) – ведущего банка. Но последователи этой партии были преимущественно крестьянами, которые составляли большинство населения страны. Секретом управления демократической партии был парадокс, редкий в третьем мире – либеральный популизм: преданность рынку и обращение к традициям в пропорции один к одному. В применении этих двух приемов риторика партии опережала реальность, не теряя с ней связь. Первым важным решением пришедшего к власти Мендереса (он даже не посоветовался с парламентом) было отправить войска в Корею, чтобы заслужить высокую оценку Вашингтона, вступление в НАТО и приток долларов. Его режим пользовался американской поддержкой, чтобы обеспечивать дешевые кредиты и высокие закупочные цены для фермеров, строить дороги для расширения обработки земель, завозить из-за рубежа технологии модернизации выращивания товарных культур и ослаблять контроль над производством. На фоне послевоенного бума на Западе рост экономики ускорился и доходы на душу населения в сельской местности начали расти.

Только этого уже было достаточно, чтобы обеспечить популярность правительства демократов. Но Мендерес играл не только в пользу собственно-

го кармана, но и угождал чувствам сельских избирателей. Чувствуя себя изолированным после войны, Инёню уже начал осторожно отходить от политики Кемаля относительно религии. Демократы накладывали значительно меньше ограничений: возвышались новые мечети, множились религиозные школы, изучение ислама стало частью стандарта государственного образования, призывы к молитве снова звучали на арабском, были легализованы братства, а оппонентов осуждали как неверных. Отождествление турецкой и мусульманской идентичности, что долго служило скрытым основанием кемализма, приобрело более яркое проявление. Этого было достаточно, чтобы противопоставить себя тем группам элиты, которые отстаивали официальную версию секуляризма, но не привело к разрыву с наследием поздней Османской империи или начале республики. Мендерес на самом деле взялся возносить Кемаля на пьедестал символа нации значительно серьезнее, чем это когда-либо делал Инёню: Кемаля положили в мавзолей в Анкаре, а любое оскорбление его памяти начали считать преступлением, за которое закон предусматривал суровые наказания.

Знаменательно, что интегральный национализм межвоенного периода получил новый импульс, когда Мендерес – по требованию Британии – занялся проблемой турецкого меньшинства на Кипре, заявляя о своем праве вторгнуться на остров, от которого Турция отказалась в Лозанне. В 1955 г., когда три государства собрались в Лондоне обсудить будущее острова, режим Мендереса покрывал погром греческой общины в Стамбуле. Официально освобожденная от принудительного переселения в 1923 г. эта община быстро сокращалась под давлением государства, однако в середине 1930-х все еще насчитывала более 100 тыс. членов, процветала и активно участвовала в жизни города. В течение одной ночи банды, организованные правительством, разрушали и жгли греческие церкви, школы, магазины, предприятия, больницы, а по дороге избивали и насиловали греков. Мендерес и Баяр, которые скрывались в пригороде Флора, сели на поезд в Анкару, как только пламя озарило ночное небо. Это была Хрустальная ночь Турции. Правительство демократов в этом случае было преемником прошлых правлений не только в идеологии, но и в личном составе. В 1913 г. Баяр был агентом спецподразделения Комитета единения и прогресса, который занимался этническими чистками греков в области Смирны до начала Первой мировой войны. За несколько лет в Стамбуле осталась лишь горстка греков.

Впрочем, на сей раз пресса и общественное мнение были шокированы, и методы Мендереса беспокоили даже жителей элитных районов. В 1957 г. он с легкостью победил на выборах в третий раз, но в условиях внешнего долга, дефицита бюджета и стремительного роста инфляции его экономическая деятельность потеряла блеск, поэтому для удержания своих позиций он начал обращаться к все более жестким репрессивным мерам, направленным на прессу и парламентскую оппозицию. Слишком самоуверенный, жестокий и не слишком сообразительный, он наконец сформировал комитет для слежения за

своими оппонентами и установил ограничения на доступ к информации, которую узнавал этот комитет. Он укрепил свою власть, втянув Турцию в войну с Кореей, – и за десятилетие по примеру корейских студентов, которые только что сбросили Ли Сын Мана, в защиту которого велась эта война, студенты в Анкаре вышли на улицы против дрейфа режима Мендереса в направлении диктатуры. Университеты Анкары и Стамбула закрывали – но напрасно. После месяца беспорядков наконец вмешались военные отряды. Однажды рано утром Мендереса, его министров и заместителей арестовали, и управление государством взял на себя комитет, состоящий примерно из сорока офицеров.

Переворот 1960 г. был делом не высшего командования, а заговорщиков низших рангов, уже долгое время планировавших потеснить Мендереса. Некоторые из них исповедовали радикальные социалистические идеи, другие же были авторитарными националистами. Но мало кто из них имел какую-то четкую программу, кроме как распустить демократическую партию и наказать ее лидеров, осужденных по различным обвинениям, среди которых была и ответственность за погром 1955 г.: за него казнили Мендереса, но помиловали Баяра. Из армии были вычищены многочисленные консервативные офицеры, но высшее командование скоро восстановило свою власть и подавило попытки дальнейших изменений. В этом нестабильном межвременье, пока длился раскол в войсках, университетские юристы разработали новую конституцию, утвержденную на референдуме. С целью предотвратить злоупотребления властью, которыми было отмечено правление Мендереса, был создан конституционный суд, вторая палата парламента и пропорциональное представительство, усилена судебная система, гарантированы гражданские свободы, а также академическая свобода и свобода печати. Впрочем, в этой конституции было закреплено и создание Совета национальной безопасности, которым руководили военные и который получил широкие полномочия.

Эти образования запустили второй цикл послевоенной политики в Турции. Как только были проведены выборы, стало ясно, что избирательный блок демократов, хоть сначала и распределился между несколькими образованиями-преемниками, все еще имел в распоряжении надежное большинство населения. В 1965 г. этот блок объединился вокруг Партии справедливости во главе с Сулейманом Демирелем, которая и сама по себе набрала 53 % голосов. Через тридцать лет Демирель все еще будет жить в президентской резиденции. Инженер-гидравлик со связями в Америке – член Братства Эйзенхауэра, консультант в «Моррисон-Кнадсен Ко.», – которого назначил на должность чиновника сам Мендерес, Демирель был не лучше своего покровителя ни характером, ни принципами. Но судьба предшественника сделала его более осторожным, а конституция 1961 г., хоть он и вносил в нее изменения, все же ограничивала его возможности воспроизводить стиль управления Мендереса.

Находясь при власти, Демирель, так же как Мендерес, пользовался быстрым ростом экономики, распределял льготы в сельской местности, провоз-

глашал резонансные заявления о сельской набожности и разжигал злобный антикоммунизм. Однако в двух аспектах он отличался от Мендереса. Популизм Партии свободы больше не был либеральным. 1960-е гг. были периодом развития экономики почти во всем мире, и зачинщики переворота в 1960-м под некоторым влиянием насеризма не были исключением из этого правила: они стремились создать сильное государство, которое управляло бы экономикой. Демирель унаследовал поворот к стандартной индустриализации для замещения импорта и с целью завоевать поддержку избирателей успешно выполнил это задание почти полностью. Второе изменение было более фундаментальным. Как бы горячо ни возмущались его кадры из-за армии, которая сбросила демократов, и как бы неприлично близко его религиозный спектакль не подбирался к секуляризму, при малейших признаках беспорядков в казармах Демирель мигом уступал военным.

Однако этого было не достаточно, чтобы обеспечить господство на политической арене, которое можно было бы сравнить с господством Мендереса. Республиканская народная партия трижды терпела поражение в течение 1950-х и вряд ли могла бы представлять угрозу. Когда Инёню наконец сошел со сцены в начале 1970-х, руководство партией перенял Бюлент Эджевит, который предпринял слабую попытку превратить ее в левоцентристскую альтернативу, прежде чем сдать в руки армии как подставной зачинщик вторжения Турции на Кипр в 1974 г. и завершить свой путь как реликт жалкого шовинизма. Механизмы образования коалиций в парламенте, где больше не случалось бывших мажоритарных обвалов, четыре раза делали его премьером, но блок кемалистов, который достался ему в наследство, никогда не имел ни малейшего шанса получить большинство на выборах: поддержка этого блока упала до всего 20 % голосов к тому времени, когда Эджевит наконец сошел со сцены.

Опасность поджидала Демиреля в другом месте. Новая конституция впервые позволила выдвигать кандидатов Рабочей партии. Она никогда не получала больше 5 % голосов, поэтому не представляла угрозы для стабильности системы. Но хоть турецкий рабочий класс все еще был слишком слаб и запуган для массовой избирательной политики, турецкие университеты быстро превращались в очаги радикализма. Благодаря уникальному расположению Турции на пересечении первого, второго и третьего мира – на восток от Европы, на юг от СССР, на северо-запад от Машрика – тамошние студенты заряжались идеями и влияниями всех этих сторон: восстание в кампусах, коммунистическая традиция, фантазии о партизанах – все это по-своему касалось несправедливостей и жестокостей общества вокруг них, в котором большинство населения все еще обитало в селах и около половины были неграмотны. Из этой пьянящей смеси возник калейдоскоп революционных группировок, которым Бельге через десять лет и написал свой некролог. В конце 1960-х гг., когда Демирель преследовал любое левое мнение, некоторые из них, не колеблясь, взяли за оружие и прибегли к беспорядочным актам насилия.

Все это были лишь досадные мелочи без заметного влияния на политический контроль Партии справедливости. Но они вдохновляли и делали возможными более опасные движения на противоположном фланге. В 1969 г. Алпарслан Тюркеш – полковник, еще молодым офицером во время Второй мировой войны был ярким сторонником нацистов и одной из ключевых фигур переворота в 1960-м – создал ультраправую партию «Националистическое движение» (Milliyetçi Hareket Partisi – МНР). Перенимая фашистские методы, эта партия быстро собрала военизированные отряды «Серых волков», к численности которых левым было очень далеко, и заявила о поддержке электората вдвое большего, чем количество членов партии. И это еще не все. Пока Демирель подстраивался под военных и политическая система становилась все более гибкой, возник менее приспособленный исламизм и обошел его. В 1970 г. Неджметтин Эрбакан основал Партию национального порядка. Эрбакан – инженер, как и Демирель, но высшего уровня (он преподавал в университете), более религиозный как член суннитского ордена Накшбанди. Разыгрывая карту более радикального ислама, чем могла себе позволить Партия справедливости, и остро критикуя ее убажания американского капитала, его организация – римейк Партии национального спасения – получила 12 % во время первого же испытания выборами.

Волнения из-за появления этих непокорных чужаков было невыносимыми для кемалистской верхушки, и в 1971 г. снова вмешались военные. На этот раз – и каждый раз после этого – нанесло удар высшее командование: они выдвинули ультиматум с требованием отставки Демиреля за неспособность поддерживать порядок и установили режим правых технократов. По законам военного положения независимые профсоюзы интеллектуалов и левых депутатов согнали в кучу и пытали, а либеральные положения конституции отменили. Через два года политическая арена показалась уже очищенной достаточно, чтобы снова провести выборы, и до конца 1970-х гг. Демирель и Эджевит шатались между коалиционными правительствами, решающие голоса в которых принадлежали Тюркешу, Эрбакану или им обоим, и контролировали личный состав кабинета министров.

На то время «Серые волки» казались самыми грозными среди новых участников политической системы: они быстро захватывали ключевые позиции в полиции и разведывательных службах государства и с этих позиций дирижировали Тюркешу парамилитарными бандами, которые распространяли террор в обществе. Термином «фашизм» злоупотребляют как никаким другим, и все же не приходится сомневаться, что МНР в эти годы вполне подпадала под его определение. В этом и заключалась и ее ограниченность. Классический фашизм – в Германии, Италии или Испании – был реакцией на угрозу массового революционного движения, которое классы собственников боялись не удержать при условии действующего конституционного порядка. Если такого движения не было, то и клубы, и милитаризованные отряды могли бы

пригодиться для запугивания местных жителей, но риск от наделения высшей властью любого незаконного правого движения, выходящего с низов, обычно был высоким для традиционных правителей. В Турции возникла многоликая революционная сила, которая не только привлекала университетских смутьянов, но и новобранцев из религиозных и этнических меньшинств, пользовалась поддержкой местных групп рабочих и даже имела сторонников среди образованных представителей среднего класса. Однако хоть эта сила и смогла получить власть в отдельных районах или муниципалитетах, но никогда не стала массовым явлением. Преимущественно студенческое движение, как бы самоотверженно ни сражались его бойцы, не чета вооруженному до зубов государству, не говоря уже о консервативном электоральном большинстве.

Тем временем привычная ткань турецкого общества разрывалась: вследствие миграции из сельской местности в городах вырастали самозаселенные районы, и новоприбывшие горожане приносили из брошенных деревень привычный образ жизни и мировоззрение – рурализация городов опережала урбанизацию новоприбывших, как сформулировал Шериф Мардин, наставник турецких социологов, – только здесь уже не было прежних тесных связей между членами сообщества. Хотя к концу 1970-х гг. послевоенный бум закончился, индустриализация путем импортозамещения была искусственно продлена благодаря денежным переводам турецких гастарбайтеров на родину и раздувшемуся внешнему долгу. В конце десятилетия эта схема себя исчерпала: популизм демиреливского порядка завершился большим дефицитом, высокой инфляцией, более развитым черным рынком и падением роста экономики, чем популизм порядка мендересовского. К ухудшающимся экономическим условиям прибавлялось распространение насилия: ультраправые начали кампанию против левых, а разноцветные революционные группы наносили удары в ответ. Больше всего зацепило алавитов, чьи сообщества подозревали в ересь, худших, чем шиизм: они стали жертвами последнего погрома против меньшинства, в котором «Серые волки» принимали участие как спецподразделение.

Впрочем, решающий фактор изменений принадлежал совершенно другой сфере. В сентябре 1980 г. исламисты на съезде в Конье, откликаясь на призывы к восстановлению шариата, отказались петь государственный гимн, т.е. открыто пренебрегли кемалистскими наставлениями. Через неделю нанесли удар военные, и в течение нескольких часов посреди ночи закрыли государственные границы и захватили власть. Под руководством Совета национальной безопасности во главе с главным офицером был распущен парламент и заключены в темницу все основные политики. Партии были запрещены, депутаты, мэры и местные советы – отправлены в отставку. Через год военное положение будет объявлено в Польше, и весь Запад возмутится – хлынет волна обвинений и осуждений в статьях и книгах, на митингах и демонстрациях. А военный переворот в Турции почти не обсуждали. При этом в сравнении с режимом Кенана Эврена – руководителя турецкого гладио – правление Ярузельского было еще мягким. Во время

Эврена было арестовано не менее чем 178 тыс. человек, 30 тыс. – лишены гражданства, 450 человек погибли от пыток, 50 казнены, многие пропали без вести. Европа с чистой совестью восприняла это как должное.

Массовые репрессии в Турции были воротами не к диктатуре, а к демократическому катарсису того типа, который впоследствии станет привычным для Латинской Америки. Эврена и его коллег не мучили угрызения совести из-за массового применения пыток, но они понимали и важность конституции. Была написана новая хартия, которая сосредоточила власть в исполнительных органах: устанавливала десятипроцентный барьер для представительства в законодательных органах, отменяла лишние гражданские свободы (особенно те, что допускали «безответственные» забастовки или клевету в прессе). Эту хартию одобрили на референдуме, во время которого были запрещены любые обсуждения документа. После того же референдума Эврена провозгласили президентом. Выборы 1983 г. были проведены по улучшенным правилам, и было восстановлено парламентское правительство. Это послужило началом третьего круга правоцентристской политики.

Новым премьером стал Тургут Озал – так же, как Демирель (которому он был обязан своим подъемом), провинциальный инженер с опытом связей с США, чей первый шаг от должностей бюрократа и менеджера к политической карьере пролегал через Партию национального спасения, корифеем которой был его брат. За год до переворота Демирель сделал его ответственным за план стабилизации, установленный МВФ в качестве условия спасения Турции из финансового кризиса, – стандартный дефляционный пакет, который наткнулся на ожесточенное сопротивление профсоюзов. Когда военные захватили власть, они оставили Озала на посту, и как только народное сопротивление было сломлено, его больше ничего не сдерживало. Теперь Тургут Озал мог внедрять сокращения бюджетных расходов, скачки процентных ставок, снятие контроля над ценами и урезание реальных зарплат – все, что было нужно для уверенности в своем международном положении. Финансовый скандал в команде Озала, что вынудил его уйти в отставку в 1982 г., спас его от ассоциирования с военной хунтой на выборах следующего года. С собственной Партией Родины при молчаливой поддержке всех трех отныне запрещенных групп бывших правых – популистской, фашистской и исламистской – он легко одержал победу с 45 % голосов, что дали ему абсолютное большинство в парламенте.

Приземистый и невзрачный на вид, грубый в обращении, Озал всегда немного напоминал турецкого мистера Жабу. Но он был более значительной фигурой, чем Демирель или Мендерес, – находчивый и остроумный, с четкими представлениями о будущем страны. Он пришел к власти в конце 1980-х, в эпоху Тэтчер и Рейгана, и был местным адептом неолиберального решения. Модель импортозамещения с сетью управляемых цен, переоцененным курсом валют, бюрократическими лицензиями и субсидированным бюджетным сектором – всем тем, что кемалистский этатизм имел намерение со временем раз-

вить, – начали демонтировать, чтобы дать свободу рыночным силам. Были определенные пределы: о приватизации государственных предприятий больше говорили, чем претворяли ее в жизнь. Но в целом проталкивали экономическую либерализацию с очень удачными последствиями для турецкого капитала. Стоимость экспорта утроилось. Возникали новые предприятия, доходы росли, а зарплаты падали. Посреди все ускоряющегося роста под лозунгом *enrichissez-vous* средний класс присоединился к современному потреблению.

Одновременно Озал использовал религию для укрепления своих позиций более открыто, чем кто-либо из предшественников. Он мог это делать, потому что и сама хунта оставила военные традиции секуляризма, дабы бороться с подрывной деятельностью. «Секуляризм не равен атеизму», – провозгласил перед народом Эврен. В 1982 г. религиозное воспитание стало обязательным в государственных школах, и отныне то, что всегда тайно скрывалось в официальной идеологии – отождествление нации с религией – стало явным в распространении «турецко-исламского синтеза» как догмы. Озал, хоть и был крайне прагматичным, сам являлся членом мистического ордена Накшбанди, которых он любил сравнивать с мормонами, как примером близости между набожностью и деньгами, и использовал государственный контроль над религией для беспрецедентного ее продвижения. Во время его правления бюджет Директората по религиозным делам вырос в шестнадцать раз: за бюджетные деньги было напечатано пять миллионов экземпляров Корана, отправлено полмиллиона паломников в Мекку, содержались семьдесят тысяч мечетей для правоверных. Озалу были благодарны и благочестивые мужи, и путешественники, и гедонисты.

Весной 1987 г. Озал увенчал свой проект модернизации страны, выдвинув кандидатуру Турции на вступление в Европейское экономическое содружество, – решение по этой кандидатуре не принято и сейчас, через двадцать лет. Осенью его переизбрали премьером, и в 1989 г. он стал президентом, когда ушел на пенсию Эврен. Это было пиком его деятельности, и отныне все могло только катиться вниз. В экономике дефицит торгового баланса и переоцененная валюта в сочетании с предвыборными бюджетными расходами на возвращение инфляции к уровню перед переворотом спровоцировали волну забастовок и нестабильные условия для ведения бизнеса. Коррупция, что буйствовала в течение экономического бума, теперь обернулась против самой семьи президента. В политике он поставил на то, что удастся оставить вне игры старую гвардию политиков благодаря референдуму, который запретит им возвращаться на политическую арену, но проиграл его и был вынужден столкнуться с местью воскресшего Демиреля. Все более резкий и деспотичный, он сделал из Турции стартовую площадку для выступления Америки против Ирака, во время войны в Персидском заливе, пренебрег общественным мнением и советами генералов и не получил за это никакой награды – ни экономической, ни стратегической. Зато на юго-восточных границах Турции появилась курдская автономная зона под покровительством США.

Каждый из трех циклов правоцентристского правления неуклонно ослаблял один из столпов исторической конструкции кемализма – сведение религии к основной идентичности и ограничения выражения религиозности в сфере личного. Теперь подвергался разрушению не только официально обозначенный секуляризм, но и этатизм как экономическая перспектива. Озал зашел еще дальше в обоих направлениях – конфессиональном и либеральном – и более глубокие основы кемалистского строя не были разрушены. Интегральный национализм оставался обязательным для всех правительств с 1945 г., требуя постоянных жертв. После греков в 1950-х и алевитов в 1970-х настала очередь курдов. Радикализация конца 1960-х задела и их, но пока существовала легальная Рабочая партия или оживленный водоворот нелегальных движений в университетах, стремление курдов вливалось в общий поток активизма. Но когда переворот 1980 г. обезглавил левых, политическое пробуждение нового поколения курдов было вынуждено искать собственные пути к эмансипации.

После захвата власти хунта Эврена провозгласила военное положение на юго-востоке и быстро установила уголовную ответственность за употребление курдского языка – даже в личном разговоре. Полное отрицание каких-либо культурных или политических проявлений курдской коллективной идентичности охватило всю Турцию. Но на юго-востоке грозили вспыхнуть и общественные, и экономические отношения: безземельные крестьяне составляли большую часть населения, а крупные землевладельцы, длительное время связанные с государственной властью, были очень мощными. Эти обстоятельства больше всего способствовали партизанской войне, которую начала одна из курдских группировок, что образовалось в Анкаре только перед переворотом. Рабочая партия Курдистана (Parti Karkerani Kurdistan, РКК), которая сначала выступала под марксистско-ленинистскими флагами, но впоследствии обнаружила свою основательную прагматичность, начала первые операции на границах с Сирией и Ираком весной 1984 г.

На этот раз Турция столкнулась со значительно лучше обученным врагом с современными технологиями и внешними базами и не смогла подавить движение за несколько месяцев, как это делала с восстаниями 1925 и 1937 гг. Далее была длительная война, во время которой Рабочая партия Курдистана отвечала на военный террор собственными безжалостными жестокостями. Прошло пятнадцать лет, прежде чем армии и авиации наконец удалось прикончить курдское восстание в 1999 г. К тому времени в Анкаре было мобилизовано больше четверти миллиона солдат и полицейских – вдвое больше, чем насчитывала американская армия во время оккупации Ирака, – и стоило это 6 млрд долларов ежегодно. Согласно официальным данным, погибли по крайней мере 30 тыс. людей, и 380 тыс. были изгнаны из домов. На самом деле жертв значительно больше. Количество внутренних беженцев неофициально оценено в три миллиона. Метод выселения был давний, а место их назначения – новые: военные жгли и ровняли с землей деревни, чтобы взять население под свой

контроль. Такая себе турецкая версия стратегических поселков во Вьетнаме – трущобы под наблюдением в региональных центрах.

Вот скрытое лицо правления Озала. В течение последних лет при власти он начал говорить о собственных наполовину курдских корнях – Озал происходил из Малатии на востоке – и стал ослаблять наиболее жестокие законы против употребления курдского языка. Но после его внезапной смерти в 1993 г. Демирель захватил президентское кресло, и пытки с репрессиями только усилились. В течение остальных 1990-х к власти одна за другой приходили слабые, коррумпированные коалиции – воспроизводился ход 1970-х: эти коалиции оказывались во главе распада политической системы и экономической модели предыдущего десятилетия, так как гегемония каждого поколения правоцентристов была обречена двигаться по той же параболе. Государственный долг снова вырос до небес, стартовала инфляция, взлетели процентные ставки. На этот раз глубокая рецессия и высокая безработица привели к катастрофе.

В последний год прошлого века Эджевит уже при смерти вернулся на пост. Он хвастался, что поймал лидера Рабочей партии Курдистана Абдуллу Оджалана, похожего на персонажа Достоевского: когда его похитили Моссад и ЦРУ в Африке и доставили связанным в Анкару, он пустился в высокопарные признания в любви к Турции. К тому времени государственный бюджет уже был уничтожен, а цены на предметы первой необходимости неконтролируемо росли. Окончательно экономический кризис спровоцировал недостойный спор между президентом, теперь бывшим судьей, и премьером, которого разозлили обвинения в коррупции его министров. Взаимные оскорбления руководителей государства привели к панике на фондовой бирже и обвале валюты. Полного провала удалось избежать лишь благодаря срочной ссуде от МВФ, которую выдали Турции по той же причине, что и ельцинской России: обе страны были слишком важны для Америки, чтобы идти на риск внутренних переворотов, если они пойдут на дно. Падение правительства за несколько месяцев положило конец последствиям последних лет правления Озала.

ПОСЛЕ КЕМАЛЯ: ПРАВЛЕНИЕ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ И РАЗВИТИЯ*

Выборы в Турции осенью 2002 г. полностью изменили политическую арену. Всех смела с пути партия, которая восемнадцать месяцев назад еще даже не существовала, – Партия справедливости и развития (Adalet ve Kalkinma Partisi, АКР). Умеренные исламисты получили две трети мест в Национальном собрании и сформировали правительство с таким подавляющим большинством, которого не было со времен Мендереса. Победу АКР приветствовали дома и за границей как рассвет новой эры для Турции: отныне этой стране обеспечено не только стабильное правительство – после долгих лет разногласий в коалиционных кабинетах, но и, что еще важнее, появилась перспектива долгожданного примирения между религией и демократией, ведь центральным пунктом предвыборной программы Партии справедливости и развития было обещание привести Турцию в Евросоюз как страну, способную соответствовать старым критериям членства в ЕС, – прежде всего, необходимым политическим условием было верховенство права и уважение прав человека. Через месяц после победы лидеры АКР одержали уверенную дипломатическую победу на саммите ЕС в Копенгагене: был установлен четкий срок, всего два года, после которого Турция сможет начать переговоры о присоединении к Евросоюзу – при условии, что к тому времени в стране будут проведены соответствующие политические реформы. Настроения населения разительно изменились – от отчаяния к эйфории. Турки начали все сначала впервые с такой надеждой с 1950 г.

Новаторский способ правления Партии справедливости и развития, о котором так много говорят на Западе, – это не иллюзия. Но привычная картина, которую описывает каждая традиционная статья, авторская колонка или репортаж в Европе, не говоря уже об Америке, а тем более об официальных заявлениях Брюсселя, весьма далека от того, в чем действительно заключается это новаторство. Партия унаследовала свои владения, а не основала их. Когда были реабилитированы политики периода до 1980-х в 1987 г., политический ландшафт приобрел черты конца 1870-х. Озал и Демирель полемизировали с правоцентристским электоральным большинством, которое традиционно господствовало, но ослабло в семидесятых из-за подъема ультраправых фашистских и исламистских партий. Эти партии теперь, как положено, возродились, но с некоторыми изменениями. Тюркеш отбросил значительную часть своего идеологического багажа, и его партия теперь агитировала за синтез религии

* Пер. с укр. К. Смеяновой. Оригинал: *Андерсон П. Після Кемалю : правління Партії справедливості та розвитку / П. Андерсон // Спільне. – 2013. – 15 серпня. – Режим доступа: <http://commons.com.ua/pislya-kemalya-pravlinnya-partiyi-sprave/>*

и нации в стиле общего турецкого шовинизма и со временем имела несколько больший – хоть и все еще достаточно ограниченный – успех на выборах.

С другой стороны, Эрбакан стал крупным политическим игроком. Электоральная база исламистов была значительно шире, а он зарекомендовал себя ее непобедимым лидером. В 1994 г. ему удалось создать более мощную первичную организацию, чем любой другой партии, на основе местных религиозных сетей, усиленных современными информационными и коммуникационными технологиями. В этом году его (переименованная) Партия благосостояния проявила характер: победила на местных выборах в Стамбуле, Анкаре и ряде других городов. Ратуши никогда до этого не имели особого влияния, но новые мэры и их советники из Партии благосостояния превратили их в крепости народного исламизма, предоставляя услуги и благотворительную помощь сообществам, которых ранее не баловали вниманием.

За таким успехом стояли более долгосрочные изменения в обществе. Вне государственной системы образования, еще с 1950-х гг., стали множиться религиозные школы. Рынок масс-медиа непрерывно мельчал: желтая пресса и коммерческое телевидение пропагандировали массовую культуру, столь же сенсационную и потребительскую, как и везде, но с местным уклоном. Размытая грань между личной жизнью (и фантазией) и публично приемлемыми идеалами, от которой зависело кемалистское уплотнение ислама, массовая культура способствовала проникновению религии в сферу политики. Элита после Османов могла себе позволить смотреть на популярную культуру, пропитанную народной религией, свысока – пока политическая система не допускала массы к любым важным решениям в правительстве или в стране. Но как только турецкое общество несколько демократизировалось, взгляды и верования народа должны были существеннее проявляться на избирательной арене. Мусульманский электорат существовал уже почти пятьдесят лет, и только с середины 1990-х он почувствовал себя значительно раскованнее.

На волне своего триумфа на городском уровне Партия благосостояния получила одну пятую голосов на общенациональных выборах в 1995 г. и стала крупнейшей партией в раздробленном парламенте, а вскоре Эрбакан стал премьером в неопределенном коалиционном правительстве. Будучи не в состоянии внедрить программу партии на родине, он попытался провести более независимую политику за рубежом: говорил о мусульманской солидарности, посещал Иран и Ливию, но вскоре Министерство иностранных дел призвало его к порядку. Через год военные сняли Эрбакана с должности. Через шесть месяцев Конституционный Суд приговорил Партию благосостояния по обвинению в нарушении секуляризма. Эрбакан предполагал, что Партию благосостояния запретят, поэтому заранее создал ее реинкарнацию – Партию добродетели. Летом 2001-го и эту партию запретили, после чего Эрбакан, которому никогда не хватало воображения на вдохновляющие названия, создал ей замену – Партию счастья. Впрочем, на этот раз ему не удалось забрать с собой армию

своих последователей. Активисты из нового поколения пришли к выводу, что эксцентричное лидерство Эрбакана – сумасшедшие виражи между мятежным радикализмом и непорядочным оппортунизмом – только мешает делу. Еще важнее то, что постоянные преследования того типа исламизма, который представлял Эрбакан, убедили их: чтобы прийти к власти, необходимо оставить антикапиталистическую и антизападную риторику и представить электорату более умеренную, менее откровенно конфессиональную позицию, которая бы не противостояла власти кемалистов так открыто. Они уже начали оспаривать у Эрбакана лидерство в Партии добродетели и в 2001 г. уже были вполне готовы отделиться от него. Через три недели после создания Партии счастья была основана Партия справедливости и развития во главе с Тайипом Эрдоганом, бывшим мэром Стамбула (с 1994 до 1998 г.). Он был ненадолго арестован за будоражащую поэзию и до сих пор не мог быть избран в парламент, но мало кто сомневался в практичности его намерений. Его лидерство в новой партии подкреплялось выдающимися ораторскими и организаторскими навыками.

Ошеломляющий масштаб победы Партии справедливости и развития в 2002 г., что привела ее к власти, была, скорее, результатом существовавшей избирательной системы, чем подавляющей поддержки избирателей. Партия не получила больше 34 % голосов – значительно меньше, чем Мендерес, Демирель или Озал на пике их популярности. Это дало ей 67 % мест в парламенте из-за большого количества партий, которые не преодолели десятипроцентный барьер – это удалось только кемалистской Республиканской народной партии, которая получила 19 % голосов. Такие результаты, скорее, были приговором той демократии, которую установила в Турции конституция 1980 г., чем признаком общего доверия к Партии справедливости и развития: в сумме более чем половина избирателей была лишена гражданских прав из-за высокого порога для представительства в парламенте.

Однако непропорциональный контроль партии над законодательными органами все же соответствовал новым реалиям. В отличие от предшественников, ей не противостояла достойная доверия оппозиция. Все партии, связанные с разрухой конца 1990-х, были уничтожены, за исключением реанимированной Республиканской народной партии, у которой не было позитивной программы или идентичности и которая выжила только из-за страха перед возможным неоисламистским захватом страны. Начался новый цикл правоцентристского господства, который не потерял связи с прошлым, но изменился в одном важном аспекте. С самого начала, хотя ее поддержка и насчитывала значительно меньше граждан, чем у предшественников на аналогичном этапе цикла, Партия справедливости и развития имела такую идеологическую гегемонию над всей политической ареной, какой никогда не имела ни одна из партий. Методом исключения политика осталась под единоличным контролем этой партии.

Структурная перестройка сопровождалась изменением в самой правящей партии. Поскольку очевидна была ее укорененность в исламизме, что возник

вне властных групп после 1980 г., и также было ясно, что она заняла более умеренную позицию, как только пришла к власти, поэтому Партию справедливости и развития западные сторонники обычно характеризовали как обнадеживающий мусульманский аналог христианских демократов. Это было большим комплиментом в Европе, хотя не очень понравилось Партии справедливости и развития, которая отдавала предпочтение термину «консервативная демократия», ведь эта характеристика с меньшей вероятностью могла привести к реакции кемалистов. Во всяком случае и это сравнение обманчиво. Партия справедливости и развития не опирается на церковь, не имеет в своем распоряжении систем социальной помощи и не тянет на буксире профсоюзы. К тому же она не выражает никаких признаков внутренней демократии или фракционного энтузиазма, которые всегда были свойственны послевоенным немецким или итальянским христианским демократам.

Впрочем, с некоторыми оговорками Партию справедливости и развития все же можно сравнить с христианскими демократами. Ее электоральная основа также привлекает крестьян, которые все еще составляют 30 % населения Турции, сама того не подозревая, больше привлекает многочисленный низший класс – обитателей городских трущоб, которых еще почти не было в послевоенной Европе. А активное ядро партии происходит из прослойки с недавних пор состоятельных анатолийских предпринимателей – в целом современных в подходах к прибыльному бизнесу и набожно традиционных в своей верности религиозным убеждениям и обычаям. Это сословие так же отличается от крупных конгломератов в Стамбуле, как и местные деятели в Венето или «средний класс» (Mittelstand) в Швабии – от «Фиата» или «Дойче банка», став новой составной частью правоцентристского блока под руководством Партии справедливости и развития. Аналогия с провинциальными двигателями старых немецких или итальянских партий очевидна.

Очевидна и центральность Европы – в свое время Сообщества, а теперь Союза как идеологического цемента партии. Впрочем, в Турции для Эрдогана и его коллег это гораздо важнее в политическом смысле, чем было в Италии или Германии для Аденауэра или Де Гаспери. Евроинтеграция до сих пор была магическим заклинанием для гегемонии Партии справедливости и развития. Для большинства населения Турции – а многие из граждан имели родственников среди двухмиллионной турецкой диаспоры в Германии – свобода передвижения по Европе означала надежду на более оплачиваемую работу, чем дома (или вообще хоть какую-то работу). Для крупного бизнеса членство в ЕС предоставляло доступ к более глубоким рынкам капитала; для среднего бизнеса – низкие процентные ставки; и для тех, и для других более стабильную макроэкономическую обстановку. Для класса профессионалов обязательства перед Европой служили гарантией, что соблазн исламизма не восторжествует внутри Партии справедливости и развития. Для либеральной интеллигенции ЕС был бы предохранителем против возврата к военному правлению. Для военных же

это осуществило бы давнюю кемалистскую мечту присоединиться к Западу при полном параде. Как говорится, Европа – земля обетованная, к которой стремится большинство сил, борющихся внутри Турции – по самым разным причинам. Установив себе цель – евроинтеграцию, лидеры Партии справедливости и развития воцарились на политической шахматной доске более уверенно, чем любая другая сила со времен раннереспубликанского кемализма.

Чтобы заявления о приближении Турции к Европе звучали убедительно, Партия справедливости и развития в течение первых двух лет своего правления осуществила ряд шагов для соответствия требованиям ЕС. Уменьшение власти Совета нацбезопасности еще до того, как Партия справедливости и развития пришла к власти, и роли военных в этом учреждении было в интересах как самой Партии, так и всего населения. На жизнь простых граждан напрямую повлияло закрытие Государственных судов безопасности – главного инструмента репрессий. Чрезвычайное положение на юго-востоке, введенное еще с 1987 г., было прекращено, а также отменена смертная казнь. В 2004 г. были наконец-то освобождены курдские депутаты, арестованные за употребление родного языка в парламенте. СМИ радостно приветствовали этот пакет реформ, который обеспечивал легитимность Партии справедливости и развития в глазах Европы.

Впрочем, еще больше способствовало популярности нового правительства стремительное восстановление экономики под его руководством. Партия справедливости и развития унаследовала программу стабилизации МВФ, которая устанавливала рамки возможного управления экономикой. Идеология Партии благосостояния, которая и передала эту программу в наследство, была не только антизападная, а даже часто антикапиталистическая в своей риторике. Европейский поворот Партии справедливости и развития не оставил ни одного следа от антизападности. Еще более демонстративно Партия оставила в прошлом антикапиталистическую риторику и начала применять неолиберальный способ правления. Бюджетная дисциплина стала новым лозунгом, а приватизация – святым граалем. «Файнэншл таймс» вскоре уже хвалила Партию справедливости и развития за «энтузиазм в продаже государственных активов». При первичном профиците бюджета в 6 %, реальных процентных ставках в 15 % и замедлении инфляции до показателей первого порядка возобновилась деловая уверенность, выросли инвестиции, наблюдался стремительный рост экономики. С 2002 по 2007 г. экономика Турции росла со средней скоростью 7 % в год. В страну потек иностранный капитал, которого повлек расцвет экономики и который сам питал этот расцвет, и «расхватал» 70 % стамбульского фондового рынка.

Как всегда, падение высокой инфляции облегчило положение бедноты: стабилизировалась цена на предметы первой необходимости. Кроме того, экономический бум создал рабочие места – хотя это и не отразилось на официальной статистике, где уровень безработицы остается больше 10 %. Но рост в официальном секторе экономики, который не создавал новых рабочих мест, сопровождался увеличением занятости в неофициальном секторе, прежде все-

го на временных работах в строительстве. Объективно эти материальные достижения все еще довольно скромные: реальные зарплаты остались на старом уровне, и – если учесть демографический рост – количество бедняков на самом деле выросло. Однако идеологически этого было достаточно, чтобы Партия справедливости и развития смогла впервые сделать неолиберализм чем-то вроде здравого смысла для бедных.

Но насколько глубоко засело в народе убеждение, что рынок всегда знает лучше? Бюджетная дисциплина означает сокращение расходов на социальные службы или субсидии, из-за чего Партии справедливости и развития было сложно играть на общегосударственном уровне в ту местную филантропию, благодаря которой ее лидеры получили известность в 1990-х, когда Партия благосостояния могла предоставлять те или иные льготы и денежные пособия напрямую своим избирателям. Государство Турция собирает налогов лишь где-то на 18 % от ВВП – даже по современным меркам это дань эгоизму богачей – так что денег в распоряжении правительства совсем мало, особенно если выплачивать сполна держателям облигаций. Чтобы сохранить массы своих избирателей в городах, Партия справедливости и развития должна дать им что-то большее, чем хлеб (хотя бы пока это еще не совсем камень) неолиберализма. Нехватка общественного перераспределения нуждается в культурной или политической компенсации. К тому же следовало бы подумать и о партийных кадрах: диета, прописанная МВФ, непременно оставляла бы их голодными. Опасность слишком покорного следования указаниям из-за границы наглядно проявилась еще раньше, когда лидеры Партии справедливости и развития сделали попытку заставить парламент проголосовать за приглашение американских войск напасть на Ирак через Турцию в марте 2003 г. Треть депутатов сопротивлялись, и предложение не было принято – к огромному удовольствию народа. На этом этапе Эрдоган не попал в парламент, потому что еще не преодолел предварительный запрет его партии. Возможно, из-за чувства соперничества заместитель Эрдогана Абдулла Гюль во время выполнения функций премьера не сделал все возможное, чтобы помочь ему. Через два месяца Эрдоган вошел в парламент и взял власть. Став премьером, он протолкнул через парламент предложение отправить турецкие войска поддержать оккупацию Ирака. Но было уже поздно: оккупационное правительство в Багдаде отказалось из-за опасения реакции курдов. Но способность Эрдогана навязать такой шаг свидетельствовала о его новом положении на небосклоне Партии справедливости и развития.

В лице Эрдогана на самом деле сосредоточена значительная часть символической компенсации, которой массы избирателей партии возмещают себе материальные трудности. Постмодернистские политические культуры более привязаны к спектаклю, они породили ряд лидеров, которые вышли из индустрии развлечений. Эрдоган в этом смысле принадлежит к той же категории, что и Рейган и Берлускони: после актера и певца кто еще мог стать таким популярным, если не форвард? Воспитанник рабочей семьи и религиозных школ

в Стамбуле, Эрдоган начал свою карьеру как профессиональный футболист, прежде чем поднялся по партийной лестнице и стал мэром города в сорокалетнем возрасте. Тем временем он нашел время получить блестящую репутацию в частном секторе, сколотив неплохой капитал как местный бизнесмен. Среди правоцентристских лидеров в Турции скромное происхождение и недавнее обогащение не редкость. Эрдогана же от его предшественников отличает то, что, в отличие от Мендереса, Демиреля или Озала, его путь к власти пролегал не через бюрократическую протекцию сверху, а через первичную организацию. Впервые Турцией правил профессиональный политик в прямом смысле слова.

На трибуне Эрдоган излучает природную харизму. Высокий и коренастый, с глубоко посаженными глазами, со щеткой усов, которые подчеркивают вытянутую верхнюю губу, он воплощает три почитаемые добродетели турецкой народной культуры: набожность – по легенде, он всегда молился перед выходом на поле; махизм – известен жесткостью в словах и действиях как с врагами, так и с подчиненными; и чувство локтя – поведение и речь, скорее, из уличных забегаловок, чем из высоких салонов. Пусть в Партии справедливости и развития уже не осталось ни следа демократии, и это не обязательно пятнает Партию в рамках традиций, авторитаризм по-прежнему уважается как признак силы. Слабость имиджа Эрдогана в другом. Вспыльчивый и горделивый, он уязвим перед высмеиванием в прессе и массово подает в суд на журналистов за враждебное освещение себя или своей семьи. Семья Эрдогана значительно повысила свой уровень жизни в период правления Партии справедливости и развития. Торжественное бракосочетание сына, на котором присутствовал Берлускони, свадьба дочери, которую принимал у себя Мушарраф, – для этих торжеств было перекрыто пол-Стамбула. Сначала Партия справедливости и развития имела репутацию неподкупности, и теперь ее лидер рискует приобрести черты знаменитостей из желтой прессы – со всеми сопровождаемыми двусмысленностями. Но культ личности остается одним из козырей партии, так же как до этого – культ Мендереса, не менее тщеславного и деспотичного. Просто публика переехала из деревень в города.

Когда в 2007 г. снова пришло время выборов, Партия справедливости и развития была очищена от всех, кто протестовал против войны в Ираке, – от пережитков забытого прошлого. Теперь единая в себе партия порядка с привлекательным лидером и пятью годами роста и развития за плечами получила 47 % голосов. Эта победа была намного уверенней, чем в 2002 г., голоса избирателей распределились более равномерно по всей стране, и на Западе это восприняли как беспрецедентное народное одобрение. И все-таки в определенной мере результат был хуже, чем ожидали. Результат Партии справедливости и развития был на 6 % ниже результата Демиреля в 1965 г. и на 11 % хуже, чем у Мендереса в 1954 г. С другой стороны, когда фашистское Националистическое движение, которое также проводило свою кампанию под крипторелигиозными лозунгами, получила 14 %, что в сумме дает 61 % голосов за правых, –

своеобразный рекорд для Турции. Фактически, хотя за снижение проходного барьера количество мест в парламенте от Партии справедливости и развития уменьшилось, несмотря на существенный рост избирательной поддержки (партия получила на треть больше голосов), успех Националистического движения обеспечил этим двум партиям три четверти мандатов в национальном собрании – более чем достаточно для изменения конституции.

Во время второго срока полномочий Партия справедливости и развития изменила свой курс. В 2007 г. вступление в ЕС оставалось стратегической целью, однако партии было уже не так просто этого достичь. Как только в 2004 г. провалился англо-американский план объединения Кипра, возникла довольно неловкая ситуация, в которой завершение турецкого военного присутствия на острове могло стать условием вступления Турции в Союз – и на этой цене вся политическая верхушка Анкары традиционно начинает буксовать. Поэтому после первого всплеска либеральных реформ партия сбавила темп и почти совсем отказалась от внедрения каких-либо значительных мер для защиты гражданских прав или демонтажа репрессивного аппарата, испытывая терпение официального Брюсселя, который долго старался замечать лишь позитивные тенденции. В 2006 г. даже в годовом отчете Комиссии по Турции этой сокровищницы бюрократических эвфемизмов кое-где начали проскакивать едва заметные нотки недовольства.

Сразу же после этого, в начале 2007 г., в Стамбуле был убит Грант Динк, армянско-турецкий журналист, которого неоднократно преследовали за преступления «осквернение турецкости» (он говорил о геноциде армян). Его убийство вызвало волну массовых протестов. Годом позже Партия справедливости и развития решила изменить статью Уголовного кодекса, по которой преследовали Динка, и внесла крайне важную поправку: изменила формулировку с «осквернение турецкости» на «оскорбление турецкой нации». Через двадцать четыре часа после внедрения этого изменения, во время празднования 1-го Мая 2008 г., полиция перешла в решительное наступление на рабочих, которые пытались почтить гибель профсоюзных активистов на площади Таксим в 1977 г., несмотря на запрет правящей партии. Резиновые дубинки, слезоточивый газ, водометы и резиновые пули ранили 38 человек. Более чем пятьсот протестующих были задержаны. Эрдоган заявил: «Когда ноги пытаются управлять головой, наступает конец света».

Избавиться от либерального балласта (ведь Европа уже не была приоритетной задачей) в то же время означало потакать национальным фобиям. Во время своего первого срока Партия справедливости и развития пошла на ряд уступок курдской культуре и идентичности: позволила выделить несколько часов регионального эфира для вещания на курдском, а также преподавание курдского языка в частных школах. Это почти не повлияло на структурное положение курдского населения, однако в сочетании с выборочным покровительством государства в курдских муниципалитетах и более объединительной

риторикой таких мер оказалось достаточно, чтобы утроить поддержку партии на выборах 2007 г. в юго-восточном регионе и подтянуть результат до среднего по стране. Правда, с тех пор правительство резко изменило курс в направлении традиционного военного подхода к региону. Причиной стало то, что сразу после провала желаемой схемы на Кипре возобновила партизанские действия Рабочая партия Курдистана. Со значительно меньшим размахом, чем в прошлом, почти брошенные бывшим лидером Оджаланом, повстанцы имели более надежное прикрытие со стороны де-факто автономного (после вступления американских войск в Багдад) Иракского Курдистана.

В проверенной временем манере турецкое верховное командование ответило нарастанием репрессий, переброской большего количества танков и жандармов на юго-восток, военными операциями на территории северного Ирака. Мобилизация государственных структур для подавления повстанцев сопровождалась шквалом националистической истерии в гражданском обществе, которая подпитывалась долгосрочным примером курдской автономии в Ираке, обидой за то, что впервые за века страна была вынуждена заботиться о своем имидже в глазах Европы, а также нищетой провинциальной жизни безработной молодежи – основной социальной базы Националистического движения. В этой буре Эрдоган и его коллеги выбрали тот же самый курс, что и Демирель: сближение с военными (турецкие истребители и наземные войска вскоре пошли в атаку за иракскую границу) и нагнетание шовинистической риторики. В начале зимы 2007 г. турецкие города были увешаны национальными флагами, которые реяли прямо из окон или балконов; молодые люди заменяли фото в своих профилях на Фейсбуке на полумесяц на красном фоне; вечер за вечером выпуски телевизионных новостей сводились к импозантным изображениям Эрдогана и Гюля, возглавляющих фаланги армейских проводов на похоронах убитых на юго-востоке солдат, или фото матерей, которые рыдают над гробами своих сыновей. Все это разбавлялось кадрами отрядов, которые гордо вступают в Диярбакыр, громко скандируя: «Один флаг, одна нация, один язык, одно государство». Такого всплеска интегрального национализма в Европе не видели с тридцатых годов прошлого века.

Обращение Партии справедливости и развития к ура-патриотизму не значит, что она отказалась от собственных целей. Если нация и в дальнейшем будет красоваться религией как господствующим дискурсом общества, не вступая с ней в противоречия, партия может выиграть многое и не потерять почти ничего, если поступит так же. Это хамелеонство следует довольно очевидной тактической логике. Перспектива экономического развития Турции ухудшается. Огромный торговый дефицит, а вливания иностранных средств, что его покрывают, осуществляются преимущественно за счет «горячих» денег, которые можно вывести из страны при первых признаках проблем; инфляция снова измеряется десятками процентов. Если экономический бум закончится, продемонстрировать мышцы на фронте безопасности может оказаться проверенной

электоральной альтернативой. В стратегическом плане расчет такой: если дать армии в битве с терроризмом все, чего она хочет, это даст возможность партии работать над достижением своих целей в других сферах.

А эти цели находятся в двух плоскостях: во-первых, следует склонить общество занимать позицию исключительно наблюдателя, а во-вторых, захватить те ветви государственного аппарата, которые сопротивляются этому процессу. Приоритетность данных скрытых целей, которые достигаются за счет замедления либеральных реформ, можно заметить в решительных действиях Партии справедливости и развития, когда она пыталась установить контроль над постом президента, избрав на него Гюля. Этот ход вызвал возмущение среди военных и бюрократов, но они быстро уgomонились после легкой победы на выборах 2007 г. Политическая важность назначения заключается в отказе партии выдвинуть любого независимого демократического кандидата, что могло бы принести ей политические преимущества другого типа – но в них Партия не была заинтересована. Попытка посадить в кресло председателя Центробанка правоверного бездаря провалилась, однако она выражает общую линию поведения Партии справедливости и развития – колонизация государства своими верными приспешниками, которые быстро продвигаются из низших ступеней властной иерархии. Тем временем Националистическое движение после изгнания Фетхуллага Гюлена (он проповедует наиболее «правильную» версию ислама, проамериканскую, благосклонную к бизнесу и модернизации) переросло в империю вроде Опус Деи, которая не только контролирует газеты, телевизионные станции, сотни школ, но и пронизывает все уровни полицейских структур.

Попытки подчинить гражданское общество воле правящей партии осуществляются по похожей схеме. Вместо попыток отменить хоть какие-то из огромного количества карательных статей Уголовного кодекса, который до сих пор наследует кодекс фашистской Италии, Эрдоган сделал попытку криминализировать прелюбодеяние: три года заключения за супружескую измену. Он отказался от своих намерений лишь, когда стало ясно, что это уже слишком даже для самых преданных поклонников в Европе. Далее боевые действия переместились на фронт женских головных уборов. После неудачной попытки получить от Европейского суда по правам человека решение, что запрет носить головные уборы (среди которых хиджаб, никаб и прочее) в общественных учреждениях, в частности университетах, является нарушением основных прав, в феврале 2008 г. блок Партии справедливости и развития и Националистического движения принял две поправки к Конституции, отменяющую эту норму – однако Конституционный суд их заблокировал.

Случай с накидками – прекрасная иллюстрация искаженной диалектики государства и религии в Турции, которую оставил после себя Кемаль. Отрицать право молодых женщин носить то, что они хотят в кампусе, – очевидная дискриминация по религиозному признаку, что исключает мусульманок из государственной системы высшего образования. Разрешение носить хиджаб за-

ставляет опасаться обратного: жесткого социального давления носить его под угрозой остракизма или чего-то еще худшего – это может подтвердить любая нерелигиозная девушка из провинции. Партия справедливости и развития не в состоянии развеять этот страх, потому что ее деятельность во власти и стиль управления последовательно бесцеремонные и хулиганские. Также и современный кемализм не может требовать, чтобы государство избегало любого вмешательства в дела религии, ибо на средства общестственности содержится огромное управление с пропагандой только одной религии (ислама), что ограничивает активность остальных. Последовательные волны политической набожности, что нарастают с 1950-х гг. (Партия справедливости и развития представляет только последнюю волну), – логическая расплата за двуличие самой политической системы. Настоящий секуляризм полностью разорвал связь между государством и религией и создал пространство для повседневного отрицания всех верований в сверхъестественное. С каким треском провалился турецкий секуляризм, можно судить из вердикта Дэвида Шенкленда – одного из самых дружелюбных аналитиков турецкой веры и общества, не говоря уже о самом правлении Эрдогана: «Нет ни малейшего сомнения, – пишет он в книге «Ислам и общество в Турции» (Islam and Society in Turkey), – что для мужчины или женщины сейчас опасно открыто отрицать веру в Бога». Даже армия, вроде бы бастион секуляризма, регулярно называет погибших в операциях против повстанцев «мучениками». Нация и религия остаются такими же структурно взаимозависимыми во времена позднего кемализма, как и при основании турецкого государства Отцом турок.

Но поскольку эту взаимозависимость никогда нельзя было признавать открыто, внутри политической системы Турции возникло до сих пор не снятое напряжение между элитой, провозглашающей свою секулярность, и движениями, которые делают акцент на религиозности. Стороны обвиняют друг друга в недостатке терпимости. Партия справедливости и развития не разрубила этот Гордиев узел, а воссоздала его. Прежде чем вступить в должность, Эрдоган рассказал своим последователям известную притчу: мол, демократия похожа на трамвай – можно доехать до места назначения и там сойти. Данную ремарку порой интерпретируют как разоблачение скрытого намерения Партии справедливости и развития использовать парламентское большинство для установления фундаменталистской тирании. Но, возможно, объяснение этих слов более банальное. Власть, а не принципы – вот что действительно имеет значение. Несомненно, Эрдоган – набожный человек, как и Блэр или Буш (с которыми он хорошо ладит), но оснований предполагать, что он рискнул бы преимуществами высокой должности ради крайностей своей веры, не более, чем ожидать этого от тех же Блэра или Буша. Инструментальное отношение к демократии – не то же самое, что неприязнь к ней или преданность ей. Выборы хорошо послужили Партии справедливости и развития – так зачем их отменять? Религиозный консерватизм препятствует вхождению в Европу – то для чего так рисковать?

Соблазны и ловушки для партии лежат в другом месте. С одной стороны, на Партию справедливости и развития давят избиратели – прежде всего преданное ядро боевиков, – которые требуют результатов длительной борьбы верующих за публичное признание своей веры и ее внешних проявлений. Доверие к Партии зависит от способности представить эти результаты. С другой стороны, беспрецедентная слабость оппозиции в рамках политической системы вызвала у партийных лидеров головокружительное ощущение свободы действий в новой форме. Военные и бюрократы, бесспорно, остаются потенциальной угрозой, но решится ли армия организовать очередной переворот, когда Турция так близко подошла к порогу Союза и вся Европа наблюдает за ней? Результат недавнего кризиса, когда Конституционному Суду не хватило одного голоса, чтобы запретить Партию справедливости и развития за нарушение секуляризма, создает впечатление, что поздний кемализм стремится ранить, но боится наносить удар.

Еще не ясно, будет ли действовать более решительно Партия справедливости и развития, которая нанесла удар в ответ обвинениями в заговоре против нее (в хитросплетениях деталей этих обвинений теряется убийство Динка или преступления на юго-востоке под присмотром Партии). Сейчас она имеет преимущество благодаря поддержке со стороны крупного бизнеса. Один из вариантов – победное обращение к избирателям, что сметет конституцию 1982 г. При другом развитии событий высокомерие может положить конец правлению партии, как это уже произошло с Мендересом. Ясно лишь, что цикл правостороннего правления в Турции вступил в критическую фазу, на которой спотыкались все другие. Даже если считать, что позиция Партии справедливости и развития сильнее, чем у предшественников, она все же не непоколебима.

Какими бы ни были последствия конфликта между исламистами и кемализмом, их поздние версии укоренены в том же основополагающем моменте – это видно даже по тому, как они ищут возвышения в Европе. То же самое можно сказать о потенциальных препятствиях вступления Турции в ЕС. Внутри страны обычно придерживаются мнения, что промедление является следствием европейского расизма и исламофобии, говорят о перспективе веса Турции в качестве крупнейшей страны в Совете Европы. Пожалуй, не менее адекватной, хотя и значительно менее известной, является мысль, что после Турции будет сложно отказать Украине во вступлении в ЕС: эта страна не такая большая, но более демократичная, с высоким уровнем дохода на душу населения – однако Романо Проди как-то сказал, что Украина имеет не больше шансов присоединиться к ЕС, чем Новая Зеландия. Такое противодействие со стороны Европы нельзя недооценивать. Однако еще больше проблем возникает из-за ситуации внутри страны.

Решающими являются три внутренних препятствия для вступления Турции в ЕС. Все они – последствия интегрального национализма, который без разрыва или раскаяния возник в течение последних лет жизни империи, основанной на завоеваниях. Первое препятствие для вступления, на которое в тео-

рии указывают чаще всего, – это длительная военная оккупация и сохранения политического протектората Турции на Кипре. Отказываться признавать государство – члена Европейского Союза и одновременно добиваться вступления в него – для этого нужна невозмутимость, которую может себе позволить лишь бывшая имперская мощь. Как бы сильно Брюссель ни желал пригласить Анкару, легальный монструм позиции Турции на Кипре и дальше лежит на ее пути к европейской семье. Второе препятствие – положение меньшинств в стране. Это не мелкие сообщества: количество курдов по разным оценкам составляет от 9 до 13 млн, а алавитов – от 10 до 12, из которых 2 или 3 млн являются курдами. Другими словами, почти треть населения Турции подвергается постоянной дискриминации по этническому или религиозному признаку. Жестокие действия государства в отношении курдов широко освещаются, но алавиты, которых суннитское большинство часто рассматривает как атеистов, занимают в социальной иерархии еще более низкую позицию. Ни одна из этих групп не проживает компактно, поэтому не может стать объектом массовых однотипных притеснений. Сейчас большинство курдов живут в больших городах, многие из них уже не говорят на курдском и вступили в смешанные браки с турками. Алавиты же населяют только один горный анклав, но преимущественно разбросаны по всей стране. Но ни те, ни другие и близко не равны в правах и достоинстве, как это номинально приписывают Копенгагенские критерии вступления в ЕС, – слишком очевидный факт.

Наконец, существует проблема геноцида армян, организаторы которого увековечены в названиях улиц и школ – имена убийц прославляют по всей стране. Талат: бульвар в Анкаре, четыре авеню в Стамбуле, автострада в Эдирне, три муниципальных округа, четыре начальные школы. Энвер: три авеню в Стамбуле, две в Измире, три в оккупированной части Кипра, начальные школы в Измире, Мугли и Елязигу. Кемаль Азми, ответственный за тысячи смертей в Трабзоне – начальная школа в этом городе. Решид Бей, потрошитель Диярбакыра – бульвар в Анкаре. Мехмед Кемаль, которого повесили за его зверства: улицы в Стамбуле и Измире, памятники в Адане и Измире, надгробный камень в мемориале Национальных героев в Стамбуле. Это выглядит так, будто площади, улицы и детские сады в Германии назвали в честь Гиммлера, Гейдриха, Эйхмана, а никто и бровью не повел. Книжки, прославляющие Талата, Энвера или Сакира, выходят в свет тиражами намного больше, чем когда-либо до того. Это не просто наследство кемалистского прошлого. Исламисты продолжили эту традицию. Катафалк с телом Талата в 1943 г. был доставлен бронепоездом из Третьего рейха для захоронения со всеми почестями по приказу Инёну, а Демирель перевез останки Энвера из Таджикистана в 1996 г. и лично перезахоронил их во время государственной церемонии в Стамбуле. Когда урну с прахом опускали в землю, за спиной Демиреля стоял фаворит Запада из числа умеренных исламистов – Абдула Гюль, нынешний президент Турции от Партии справедливости и развития.

Интегральный национализм, который никогда не отрекся от истребления армян, депортации греков и курдов от турецких пыток диссидентов, до сих пор имеет значительную электоральную поддержку, и его силу не стоит недооценивать. Турецкая левица, одна из постоянных жертв интегрального национализма, продемонстрировала больше отваги в противостоянии с этой силой. Говоря политическим языком, силу «поколения 78-го» взорвал военный переворот 1980-го, года заключения, изгнания или смерти активистов, и это уничтожило все шансы на возрождение популярности движения в подобных масштабах. Но когда волна репрессий достигла пика, именно эта жестокая цена стала причиной возникновения беспрецедентной по размаху критической культуры, аналогов которой в то время не существовало ни в одной европейской стране: монографии, романы, фильмы, журналы, издательства создали в Стамбуле во многом более оживленную радикальную среду, чем в Лондоне, Париже или Берлине. Это то окружение, из которого вышел Орхан Памук (и которое не избежало его дружеской критики) и другие ведущие турецкие писатели.

Если в мировоззрении турецких левых существует белое пятно, то это Кипр, о котором мало знают и еще меньше говорят. Что же до двух других горячих проблемах того времени, то здесь результаты их деятельности достойны удивления. На протяжении десятилетий тема защиты курдов пленила их воображение, создавая одного ведущего писателя или режиссера за другим (часто они были курдами по происхождению) – от Ясара Кемаля, Мехмета Узуну или Йылмаза Гюнея (также известного как Йол) до более поздних фильмов вроде запрещенной ленты «Большой мужчина и маленькая любовь» (2001) Хандана Ипекчи и «Путешествия к солнцу» (1999) Есима Устаоглу. Что касается судьбы армян, то она стала темой исторической конференции в Стамбуле (под политическим давлением ее отменили в двух университетах и провели в третьем); популярных мемуаров «Моя бабушка» Фетхие Четина (доступных в английском переводе), романа Элиф Шафака «Незаконнорожденный из Стамбула», нетрадиционного репортажа «Глубокая гора» Эдже Темелкурана и многочисленных колонок в прессе (например, сообщения Мурата Бельге в газете «Радикал»). Но больше всего следует отметить выдающуюся работу историка Танера Акчама, которая навсегда нанесла реалии геноцида армян и глубокий след этого события в турецком государстве на карту современной науки. Его новаторская работа, проломившая стену традиционных табу, была издана в Турции в 1999 г. Сборник важнейших эссе «От империи до республики: Турецкий национализм и геноцид армян» вышла на английском в 2004 г., а английский перевод его первой книги под названием «Позорное событие: геноцид армян и вопрос об ответственности турок» – в 2006-м. После заключения и изгнания вследствие военного переворота 1980 г. Акчаму постоянно угрожают даже за рубежом, где американское правительство сотрудничает с турецкими коллегами в попытках всячески усложнить его жизнь. Внутри страны вопрос геноцида армян несет угрозу каждому, кто пытается его поднять, – что четко

видно из дел против Памука и убийства Динка за время правления Партии справедливости и развития.

За пределами Турции долгое время существовала историческая школа под руководством Стэнфорда Шоу, которая воспроизводила официальную мифологию турецкого государства – отрицая, что события, хоть как-то приближенные к геноциду, когда-либо имели место на землях Османской империи. Нескрываемые отрицания факта геноцида потеряли академическое основание. Теперь представители этой школы соответственно к подходу турецкого академического истеблишмента пытаются, скорее, преуменьшить или релятивировать, чем возразить трагедию армян. В интеллектуальном плане отрицания геноцида можно считать дискредитированной периферией академической литературы, однако даже такое видение, на которое можно натолкнуться в трудах лучших исследователей современной истории Турции, работающих на Западе, резко контрастирует с отвагой критиков внутри страны. Среди современных авторитетов до сих пор в моде избегать проблемы или использовать эвфемизмы. В массово изданной в 2006 г. на 550 страницах истории Османской империи под названием «Османская мечта» Каролин Финкель только в двух коротких абзацах уделила внимание этому вопросу. Она пишет: «Ужасные убийства случались с обеих сторон». «Геноцид» – неудачное слово, ибо не только «искажает любое широкое историческое понимание судьбы османских армян», не говоря уже о «внешних отношениях Турции по всему миру», но и «обрекает Армению, соседа Турции... на жалкое существование».

Если обратиться к более прозрачной «Краткой истории поздней Османской империи» Шюкрю Ханиоглу, то единственный абзац на эту тему расскажет нам, что «одним из самых трагических событий войны была депортация большого количества армянского населения Анатолии», в которой «мелкие детали» решения правительства о том, что русским армиям нельзя позволить получить решающую поддержку со стороны «армянских повстанцев», к сожалению, не наблюдались на практике, что привело к непредсказуемым «массовым потерям жизней». Биография «Ататюрк» (1999) авторства Эндрю Манго еще менее многословна. Из нее мы узнаем, что «Восточная Анатолия негостеприимная даже при самых благоприятных условиях», и если здешних армян действительно «депортировали», то только за то, что они переметнулись на сторону русских и восстали против османского правления. Бесспорно, «зачистки армян» были «брутальным актом этнических чисток», однако лидеры Комитета единства и прогресса имели «простое оправдание: “Или мы их, или они нас”». Нужны еще какие-то комментарии? Еще одна фраза: «Депортации перегрузили османские линии коммуникаций и лишили Анатолию почти всех квалифицированных рабочих». В свое время в Германии также были перегружены линии коммуникаций.

Даже Эрих Цюрхер, голландский историк, который больше других историков сделал для выявления связей между подпольем Комитета единства и

прогресса и Кемалем после 1918 г., в классическом труде «Турция: современная эпоха» смог позволить себе лишь осторожное субъективное заявление, что, хотя «сложно, если не невозможно» доказать это окончательно, «автор по крайней мере предполагает, что существовала централизованная политика истребления, спровоцированная Комитетом единения и прогресса». Так было в 1993 г. За десять лет, в дополненном издании 2004 г., в том самом месте говорится о том, что «больше нельзя исключать роли Комитета единства и прогресса в организации централизованной политики уничтожения». Это изменение, хотя его выражение до сих пор не достигло цели (возражения до сих пор слышны с кафедр и газетных колонок), свидетельствует о влиянии труда Ачкама, которому Цюрхер отдает щедрый библиографический почёт. Книга Ачкама отразила долгожданные изменения, позволив ведущему историку Турции, наконец, высказаться. Однако было бы неразумно преувеличивать произошедшие изменения. Причины этих стандартных уловок и искажений можно увидеть в большом количестве в западных исследованиях истории Турции, которые по другим критериям соответствуют высоким академическим стандартам, они заключаются в привычном для зарубежных исследователей и исследователей-эмигрантов опасении, что нарушение национальных табу поставит под угрозу доступ, контакты, знакомства, а в крайнем случае вообще сделает невозможным посещение страны.

А там, где встает вопрос наград или консультаций, существует еще больше оснований для осторожности. Позднее издание Цюрхера отмечено прогрессом в отношении более ранней версии в вопросах, касающихся армян. Однако когда доходит до курдов, историк движется в обратном направлении. Откровенные заявления в 1993 г.: «Турция должна стать двунациональным государством, с курдским как вторым языком в сфере медиа, образования и администрации. Юго-востоку следует предоставить широкую автономию, где курды будут руководить и надзирать за курдами», – исчезли в 2004 г. После этого Министерство иностранных дел Турции наградило Цюрхера медалью высшей награды, и он стал советником Комиссии ЕС. Наука вряд ли будет иметь какую-то выгоду от этих почестей. Было бы неправильно сразу осуждать компромиссы западных историков, даже таких независимых по духу, как Цюрхнер. Ограничения, с которыми они сталкиваются, вполне реальные. Но давление на самих турок значительно сильнее. Большая безопасность гарантирует меньше эскапизма.

Одно значительное исключение в этой плоскости лишь подтверждает правило. Книга Дональда Блоксхема «Большие игрища геноцида», которая увидела мир в 2005 г., является трудом не османиста, а сравнительного историка без профессиональных связей с Турцией, который занимается проблемой массовых убийств. Из-за неудачно подобранного названия сложно понять четкость и силу этой работы – короткого шедевра на тему убийства армян, где отражены как национальный контекст, так и последствия на международной арене. Трагедия геноцида Комитета единства и прогресса признанными западными

историками является частью истории Блоксхема, однако в его описании центральная роль двигателя событий отводится позициям конкретных государств. Как показывает автор, среди этих государств США играли важнейшую роль как страна Антанты, что так и не объявила войну Османской империи в 1916–1918 гг. и чей верховный комиссар в Турции с 1919 по 1927 г. адмирал Бристол продолжал покрывать этнические чистки. Поскольку в Америке были греческая и армянская общины, которые следовало заставить молчать, именно в этой стране впервые разрабатывалась казуистика позднего возражения еще в межвоенные годы – до того как она распространилась в Европе. Уже в 1930-х гг. Голливуд снял с показа фильм по мотивам романа Франца Верфеля о сопротивлении убийствам армян в Киликии после обвинений в клевете, которые выдвинуло турецкое посольство.

После 1945 г. Турция, бесспорно, приобрела гораздо большее значение как стратегический союзник Соединенных Штатов – сначала в холодной войне, а затем во время войны с террором. В течение последних двадцати лет давление со стороны армянской общины нарастало и в этот раз было гораздо заметнее, чем в 1920-х гг., а возникновение армянской исторической науки заложило основы для современных исследований массовых убийств в 1915–1916 гг. на Западе – теперь избегать этого вопроса стало намного сложнее. После нескольких неудачных попыток принять соответствующую резолюцию в Конгрессе, в 2000 г. Комитет международных отношений Палаты представителей проголосовал за двухпартийную резолюцию с осуждением геноцида армян, одновременно осторожно снимая с Турецкой Республики ответственность за него. В ответ Анкара пригрозила вывести американские военные объекты из Турции и ввести торговые санкции, начала говорить о риске насильственных действий против армян в Турции, если Конгресс примет резолюцию. Ситуация стала настолько напряженной, что Госдепартамент даже был вынужден распространить обращение, в котором призвал воздержаться от поездок в эту страну. Показательно, что Клинтон лично вмешалась, чтобы предотвратить принятие резолюции. В Анкаре Еджевит триумфально провозгласил, что это была демонстрация силы Турции.

На протяжении длительного времени события разворачивались по тому же сценарию. На этот раз спикер Палаты представителей Нэнси Пелоси – еще одна поборница прав человека в Демократической партии – провозгласила о поддержке резолюции вместе со 191 инициатором. Но как только в дело вмешались несколько лидеров партии во главе с Мадлен Олбрайт, она учла возражения Государственного департамента и Департамента обороны и отменила голосование за документ. В этот раз кроме угроз Турция использовала взятки для старта общественной кампании против принятия резолюции. Около 3,2 млн долларов Анкара потратила на лоббистскую кампанию, организованную Ричардом Джепхардтом, бывшим главой большинства демократов в Палате представителей, который в 2000 г., до того как стал получать турецкие

деньги, выступал в поддержку резолюции. Тем временем крупнейшие еврейские организации – Американско-израильский комитет общественных связей, Антидиффамационная лига и другие – были далеки от выражения солидарности с жертвами другого геноцида и принимали участие в закрытых встречах с Гюлем в Вашингтоне, где обсуждали пути предотвращения резолюции. Здесь свою роль сыграла идеология: уникальность нацистского истребления евреев является моральным патентом, права на который нельзя нарушать. Но, кроме этого, существуют близкие военные и дипломатические отношения между Израилем и Турцией – истребители Армии обороны Израиля совершают учебные вылеты в турецком воздушном пространстве, – и это заставило Тель-Авив прибегнуть к «совместным усилиям в деле обучения американского еврейства относительно стратегического значения Турции». Но не все совести удалось так легко унять. Многие евреи выступали против данного заговора, но пока это не возымело существенных последствий.

Давление Анкары не ограничивается Конгрессом. Под патронатом Эверна в США был создан Институт турецких исследований, который финансировался Турцией и поощрял проведение правильных исследований страны в американских университетах. Хотя не все хотели принимать деньги от такого явно государственного источника, немало ученых это чистосердечно сделали. Среди них был и ведущий исследователь Османской империи Дональд Кветаерт, чьи работы без преувеличения можно считать основанными на доброжелательном отношении к предмету исследования. Он стал председателем управленческого совета института. Однако после того как в 2006 г. Дональд Кветаерт опубликовал обзор работы Блоксхема, признав ее мощь, и согласился, что судьба армян «полностью отвечает понятию геноцида по определению ООН», то был вынужден немедленно подать в отставку под давлением уполномоченного Партии справедливости и развития в Вашингтоне посла Наби Сенсоя – дипломата, чьи тесные религиозные связи тянутся к Озалу, штаб которого он возглавлял. В случае отказа Кветаерту угрожали прекратить финансирование.

Статус Турции как кандидата на членство в ЕС ставит перед Брюсселем более широкий спектр вопросов, чем перед Вашингтоном. В этом случае объектом внимания становятся непосредственно турки, прежде всего курды, и, если брать шире, киприоты, а не армяне. На практике первоочередной задачей Комиссии является привлечение Турции к Союзу за наименьшую цену, то есть с наименьшими усилиями со стороны Партии справедливости и развития, чье правительство изображается как предвестник прогресса, которого сдерживает от полной реализации норм ЕС только ретроградный юридический и военный истеблишмент. Годовые отчеты по продвижению страны в направлении членства, в которых всегда значительно больше внимания уделено экономическим, а не политическим требованиям, суммируют результаты приватизации и пыток той самой нейтральной идиомой: «значительный Прогресс, однако необходимые мероприятия еще не завершены»; «Правовое поле Турции содержит полный набор инструментов противодействия пыткам и жестокому обращению.

Впрочем, такие случаи еще случаются». На недостатки указывают, но дорога всегда ведет в восходящем направлении.

Понятно, что все потенциальные камни преткновения в этих льстивых меморандумах старательно обходят. Кипр? В разделе «Региональные проблемы и международные обязательства» отказ Турции признать члена Европейского Союза, в который она так стремится вступить, даже не упомянуто. Комиссар Олли Рен, ребячливый Штребер из Финляндии, который метит на кресло президента в своей стране, посоветовал киприотам «прекратить жаловаться на прошлые обиды и больше работать над поиском будущих решений в прагматичном ключе», — естественно, что такой подход признает оккупацию со стороны Анкары частью широких интересов Брюсселя. В конце концов, как с удовлетворением отмечено в отчете Комиссии «Прогресс Турции за 2007 год», среди прочих заслуг «Турция предложила проводить подготовку иракских сил безопасности» и продемонстрировала «высокую согласованность с Общей внешней политикой и политикой безопасности ЕС».

Курды? Старайтесь избегать любых упоминаний о них. По словам авторитетных правоведов, занимающихся изучением действий Партии справедливости и развития у власти и образа, в котором эту деятельность освещает Европейский Союз, ЕС склонен использовать термин «ситуация на юго-востоке» как эвфемизм для обозначения курдской проблемы. Руководители ЕС не только «странным образом не смогли высказать ни одного заявления» по поводу курдского вопроса или «продвинуть какую-то демократическую платформу или значимый дискурс по этому поводу» — «выхолощенная картина общей динамики в направлении демократизации, уважения прав человека и плюрализма, что ее изображает Комиссия, дает ложное представление о реальном положении дел в Турции, тогда как способ отношения к предоставлению прав меньшинствам и курдам не обнаруживает признаков настоящих изменений». Обескураженные такой критикой создатели последнего отчета Комиссии осуществили вялую попытку ее учесть. Курдов и алавитов это не удивляет: они прекрасно осознают, что от них прежде всего требуют не раскачивать лодку вступления в ЕС.

Армяне? Их судьба не влияет на членство Турции в ЕС. «Трагедия 1915 года», как это называет Рен (что уже стало стандартным эвфемизмом), может быть частью «широкого диалога» между Анкарой и Ереваном, но Брюссель будет держаться в стороне. Рен, которого в Турции считают почетным консулом Партии справедливости и развития, является, скорее, исключением даже по меркам Комиссии за примитивное самодовольство и тартюфство. Его программная работа «Новые рубежи Европы» (2006) полна эпиграфов из популярных песен и афоризмов вроде «пораженчество никогда не приводит к успеху» или «озарение — это не квантовая физика» и завершается тщеславным комментарием о мастерстве автора на футбольном поле: «Не говорите голкиперу, но я обычно пробиваю пенальти в нижний левый угол ворот. В конце концов, только голы имеют значение — даже в процессах европейской интеграции». Такими являются его навыки в области «демократического функционализма». После этого

не удивительно услышать от того же человека, что «роль Комиссии в процессе вступления можно описать как роль друга, который всегда говорит правду».

Понятно, что комиссия Баррозу не является ни независимым, ни изолированным центром силы. Она отражает мировоззрение всего европейского политического класса. Когда в Европарламенте, теоретически менее подчиненном дипломатическим ограничениям, зачитали обращение докладчика по Турции, депутата европарламента от Нидерландов Камеля Ойрлингса, о том, что признание геноцида армян должно стать обязательным условием вступления в Сообщество, то, как и следовало ожидать, делегация Зеленых во главе с Даниэлем Кон-Бендитом сделала все возможное, чтобы удалить этот абзац, чем подтвердила общее правило: чем больше политическая группировка говорит о правах человека, тем меньше она уважает их в действительности. Реальность заключается в преданности истеблишмента идее членства Турции, которая не потерпит никаких возражений. Показательным является пример Независимой комиссии по делам Турции, которую председатель Института открытого общества в Стамбуле восторженно называет «самопровозглашенной группой европейских сановников» (среди ее членов был один бывший президент, двое бывших премьер-министров, трое бывших министров иностранных дел, не говоря уже о лорде Гидденсе), которая стала «примером того, какой Европа может быть честной и внимательной в вопросах поиска истины, и благодаря этому получила одобрение как в Европе, так и в Турции». Можно только представить, к каким выводам может прийти эта комиссия.

Федеральный фонд предлагает более полное руководство «ЕС и Турция: роскошный приз или бремя?» (2005). Нет особого смысла угадывать ответ на этот вопрос, но в непрерывном потоке ярких рекламных буклетов, украшенных каймой из немногочисленных «если» и «но», иногда всплывают более откровенные высказывания. В предисловии к сборнику его редактор Майкл Лэйк, бывший представитель Брюсселя в Анкаре, отмечает «благородную, можно даже сказать героическую» роль Ассоциации предпринимателей и промышленников Турции в продвижении процесса исторических реформ в стране. После вступления Турции в Союз Европа получит «первоклассный стратегический ресурс». В завершение сборки Норман Стоун живо обращается к армянскому вопросу. Мотивация тех, кто поднимает этот вопрос, требует тщательного исследования: «Не ненависть ли к Израилю заставляет их пытаться обесценить самый мощный аргумент Израиля?» Иначе говоря: «Почему мы вообще должны об этом говорить сегодня?»

В респектабельной Европе, как правило, не говорят таких глупостей. В доминирующей либеральной среде высказывания обычно более тактичны. По словам Марка Мазовера в «Файнэншл таймс» (существует множество вариаций этого высказывания), «то, что произошло с армянами, следует вынести за пределы политики и вернуть в область истории». Дайте ученым поспорить, пока караван государства будет двигаться дальше. Проблемой в такой отстраненности совета является то, что Турецкая Республика всегда рассматрива-

ла судьбу армян как государственное дело и дальше это делает. Блоксхем пишет: «Турция всегда врала о своем прошлом, запугивала меньшинства и другие государства для распространения обмана, пыталась вычеркнуть армян из учебников истории», – и в то же время тратила огромные суммы бюджетных средств, чтобы быть уверенной, что их судьба будет оставаться «вне политики» на Западе, как того желают Мазовер и другие.

Такие доброжелатели обязаны быть более решительными в использовании терминов. Йошка Фишер деликатно упоминает «трагедию армян», Тимоти Гартон Эш говорит «Гардиан» об их «страданиях», используя вполне приемлемые для Анкары пару фраз. Это правда, что «геноцид» является одним из наиболее обесцененных терминов современной политической речи. Однако ценность этого с самого начала размытого понятия если и была окончательно уничтожена, то как раз благодаря апологетам НАТО, которые заявили о геноциде в Косово (пять тысяч погибших из миллионного населения), а теперь активно выступают против использования данного термина, чтобы не навредить компромиссу и плодотворному сотрудничеству с Турцией. Исторический правовед Рафаэль Лемкин, давший определение геноцида для послевоенной ООН, во время стамбульских процессов 1919 г. учился во Львове и впервые подошел к этому понятию из-за убийств армян Комитетом единства и прогресса на противоположном берегу Черного моря.

Неслучайно другим человеком, отметившим эти массовые убийства, был Гитлер, среди ближайшего окружения которого в Мюнхене находился очевидец тех событий. Бывший немецкий консул в Эрзуруме Макс фон Шойбнер-Рихтер подробно докладывал руководству о способах осуществления чисток. Его, убежденного расиста, ставшего руководителем одного из первых нацистских боевых отрядов, ключевого посредника в переговорах партии с крупным бизнесом, аристократией и церковью, застрелили, когда он жал руку Гитлеру во время Пивного путча в 1923 г. Ян Кершоу заметил: «Если бы пуля, что убила Шойбнера-Рихтера, полетела немного правее, история развивалась бы по совсем другому сценарию». Гитлер страдал из-за этой утраты, потому что считал его «незаменимым». Во время вторжения в Польшу через шестнадцать лет он задал своим командирам известный вопрос, что касался поляков, но, очевидно, имел в виду и евреев: «Ну и кто теперь помнит об армянах?» Для осуществления собственного геноцида Третьему рейху не был нужен турецкий пример. Но тот факт, что Гитлеру было хорошо известно об этом геноциде и он вспоминал о его успехе, чтобы вдохновлять немецкие операции, не вызывает никаких сомнений. Кто бы ни ставил под вопрос сопоставимость двух случаев массовых убийств, сами нацисты в этом точно не сомневались.

Сравнение не означает тождество. Сходство между двумя геноцидами было поразительное – гораздо большее, чем в большинстве случаев проведения исторических параллелей. Но оно не было полным, и различия являются одной из причин невероятного контраста в современных реакциях на эти события. Обе кампании истребления людей запускались секретно, под прикрытием войны;

виновники этих событий знали, что их действия были преступными и поэтому их следует скрывать. В обоих случаях надо было создать организации убийц, подчиненных политическому руководству, которое неформально действовало между партийным и государственным аппаратом. Оба случая предусматривали выборочное участие военных офицеров. На уровне элиты сочетались идеологии светского национализма с доктриной социал-дарвинизма. На массовом уровне в обоих случаях обращались к давней вражде между религиями, объектами которой становились люди, которые были жертвами погромов еще до начала войны. И там, и там процесс эскалации начинался с разрозненных убийств на местном уровне и перерастал в систематическое уничтожение. В обоих случаях убийства совершались под видом депортации.

Разница между ними в основном заключается не в размахе или намерениях, а в высшем уровне инструментальной рациональности и общественного участия Комитета единства и справедливости по сравнению с нацистским геноцидом. Евреи в Германии составляли менее 1 % населения и не несли угрозы любому режиму. Также в Европе не было ни одной страны, которая бы пыталась использовать еврейские сообщества для политических или военных целей. Движущей силой нацистского истребления евреев была идеология, а не стратегический расчет или экономическая мотивация. Хотя проводилась общая конфискация имущества евреев, активы монополизировали те, кто находился при власти, без особой выгоды для основной массы населения, а стоимость их уничтожения стала чрезмерным бременем для немецкой военной экономики, когда война на востоке уже фактически была проиграна. Уничтожение армян турками, хотя и подогревалось этнонациональной враждой, имело более традиционные экономические и геополитические цели. В десять раз больше относительно доли евреев в Германии армянское меньшинство в поздней Османской империи не только владело землями и капиталом, но и имело соотечественников за рубежом, в Российской империи, которая рассматривала армян как потенциальных рекрутов в своих схемах экспансии. Когда началась война, страх и жадность сановников в Стамбуле соединились в более традиционную комбинацию, способную стать толчком для истребления. В этом случае было больше участников чисток в Анатолии и людей, которые получали от этого выгоду, а структурные последствия для общества были более значительными. Один геноцид был порожден слабоумием страны, что вот-вот должна была исчезнуть; другой стал учредительным моментом государства, что будет существовать долгое время.

Способ восприятия этих двух катастроф в сознании европейцев является кардинально разным. Одна из них стала объектом официальной и массовой коллективной памяти на монументальном уровне. О другой говорят только шепотом и по углам, к данному голосу не прислушивается ни один дипломат Союза. Этому есть соответствующие причины. Первая катастрофа случилась на памяти прошлого поколения в центре континента, другая – века назад на окраинах. Те, кто выжил в первом случае, были образованнее и оставили о себе больше

личных воспоминаний. В то же время геноцид армян европейские государства осудили, еще когда он происходил, а юдоцид – нет, и существовало множество непосредственных посторонних очевидцев этих убийств, в том числе официальных лиц. Впрочем, нужно нечто большее для того, чтобы объяснить такую огромную разницу в оценках. Объяснение ясное, как день. Израиль – ключевой союзник на Ближнем Востоке, он требует признания юдоцида и обеспечил себе выплату больших репараций. Турция – еще один важный союзник в регионе, она отрицает, что геноцид армян вообще имел место, и настаивает, чтобы об этом вообще не упоминали. Союз вместе со своей свитой следует этим установкам.

Это не такая далекая история, чтобы оставлять ее антикварам. Непоколебимый отказ Турецкого государства признать истребление армян на своей территории не является иррациональным или анахроническим, он является способом защитить собственную легитимность в современных условиях. Это была первая и самая крупная этническая чистка, что превратила Анатолию по крайней мере в мусульманский, или даже в этнически турецкий регион. За ней прошли менее масштабные чистки во имя того же интегрального национализма, которые продолжаются по сей день: погромы против греков в 1955 и в 1964 гг.; аннексия и выселения киприотов в 1974 г.; убийства алавитов в 1978 и 1993 гг.; притеснения курдов с 1925 г. и до сих пор. Виновники одного из указанных событий не понесли настоящей ответственности, и это не может произойти без болезненного удара по унаследованной идентичности и преемственности Турецкой Республики. Вот почему лидеры Партии справедливости и развития неуклонно следуют курсу того самого опасного возражения, что и предшественники, разве что используют больше денег для его поддержки. Несмотря на все противоречия между кемализмом и исламизмом, эти традиции никогда не были органически разными. В таком официальном сочетании идеологий Эрдоган и Гюль чувствуют себя как рыбы в воде – в ходе изменений, которые подаются Брюсселю под видом реформ, они превратили оскорбление «турецкой нации» в уголовное преступление.

В таком случае, как теперь выглядит перспектива членства Турции в Евросоюзе? Существует тысяча причин, по которым эту идею пытаются протолкнуть внутри ЕС: военные – для борьбы с терроризмом; экономические – ради динамичного бизнеса и дешевой рабочей силы; политические – чтобы стать образцом для соседей в регионе; дипломатические – навести мосты между цивилизациями; идеологические – ради прихода подлинного мультикультурализма в Европу. В прошлом таким рассуждениям могли противопоставить боязнь, что такое значительное расширение границ Евросоюза может подорвать его институциональную целостность и поставит под угрозу возможность дальнейшей федерализации. Но поезд уже ушел. Отвергать членство Турции на данном основании значило бы закрыть дверь перед ее носом тогда, когда это уже не имеет никакого смысла. Евросоюз превращается в огромное пространство возможностей для факторов производства, далекое от агоры коллективной воли;

добавление еще одного поля, пусть и огромного и до сих пор немножко неужоженного, не изменяет ее сути.

В Турции, как и в Европе, основные силы, работающие над вступлением в Союз, являются современным воплощением партии порядка: фондовая биржа, мечеть, казармы и медиа. Консенсус, охватывающий бизнесменов и офицеров, проповедников и политиков, освещается в прессе и на телевидении и отнюдь не является всеобъемлющим. Кое-где еще можно услышать сердитые голоса. Но уровень слаженности все равно впечатляет. Как это касается Партии или Движения, если о них вообще можно говорить? Среди кучи бессмысленных и иллюзорных причин вступления Турции в ЕС есть несколько действительно важных. Для турецких левых, политически маргинальных, но культурно влиятельных, ЕС является надеждой на освобождение от притеснений со стороны культов-близнецов Кемаля и Корана; для местной бедноты это шанс на трудоустройство и базовую социальную защиту; для курдов и алавитов – на получение определенных прав для меньшинств. Насколько реалистичными являются данные надежды – это уже другой вопрос. Но не стоит их за это отвергать. Существует также другая сторона проблемы. Поскольку так и только так все эти представления о том, что Европа получит моральные преимущества от принятия Турции в ЕС, перестанут быть мультикультуралистскими байками. Структура Евросоюза действительно обогатится от притока такого количества энергичных, критичных умов, гордости и цивилизованности такого большого количества обычных людей, которые непременно поражают каждого, кто приезжает в эту страну.

Было бы на самом деле лучше, если бы ЕС действовал согласно с теми принципами, которыми он так гордится, и приветствовал вступление Турции, что вывела войска с Кипра, возместив убытки, нанесенные во время оккупации; которая предоставила курдам права, соразмерные с теми, что имеют валлийцы и каталонцы; которая признала геноцид армян. Учитывая фактическое состояние дел, становится ясно, насколько далека такая перспектива. Вероятен несколько иной сценарий: Евросоюз, что простирается до горы Арарат, в котором министры, депутаты и туристы – или, скорее, министры и депутаты как туристы: фишеры, коучнеры и кон-бендиты – наслаждаются отдыхом, комфортно передвигаясь на скоростных поездах между Парижем, Берлином и Стамбулом, где на каждой остановке их встречают флаги с золотыми звездами на голубом фоне, от монумента истребления евреев у Бранденбургских ворот к монументу чествования истребителей армян на Холме свободы. Бывший комиссар Рен сможет насладиться игрой в футбол в соседнем парке, за несколько метров от мраморных мемориалов Талата и Энвера, тогда как молодые солдаты – понятное дело, их будет меньше, чем сейчас, – мирно слоняются улочками Кириinei, а террористы и дальше будут прозябать в своих пустынях в Дерсиме. Но эмансипация редко просто приходит извне.

ТУРЕЦКАЯ ЭЛИТА ПРЕБЫВАЕТ НА ПИКЕ СВОЕГО МОГУЩЕСТВА ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ*

Выборы в августе 2014 г. были первыми президентскими выборами за всю историю Турции, в которые были вовлечены не только члены парламента, а все граждане. Здесь следует признать изменения политической системы: до этого существовала формально парламентская демократия, которая сейчас трансформируется в полупрезидентскую систему управления. Очевидно, что такие изменения – это проект Эрдогана. Он поднял данный вопрос еще давно, говоря, что нам нужна более эффективная, организованная, унифицированная политическая система. Но в то же время эта система дает больше власти одному человеку... это еще один шаг к изменению конституции, чтобы власть стала концентрированной и персонифицированной. Сейчас мы проходим через трансформацию: конституцию еще не изменили, но уже есть выбранный людьми президент. После парламентских выборов через 8 месяцев мы увидим, что проект будет воплощен.

Партия справедливости и развития – партия, которая, выдвигала Реджепа Эрдогана. Экмеледдина Ихсаноглу поддержали 14 партий, в том числе Республиканская народная партия (СНР) и Партия национального действия (МНР), которая является крайне правой. Данные две партии – парламентские, остальные 12 – и правый, и левый центр. Не следует удивляться такому сочетанию. Все эти партии являются кемалистскими, то есть исторически связаны или связывают себя с Мустафой Кемалем Ататюрком. Вообще, кемализм является интересным феноменом: он представляет разные классы, разные политические идеологии – это что-то вроде турецкой формы перонизма.

Селяхаттина Демирташа поддержала новая курдская Народная демократическая партия (НДР). Эта партия была сформирована полгода назад и стала попыткой сделать движение курдов открытым для большой турецкой политики. Это – альянс левых сил и некоторых течений в курдском национальном движении.

Выборы для Эрдогана были успешными, хотя он ожидал большего – приблизительно 56–57 %. Поэтому сейчас его партия в очень нестабильном положении, поскольку той поддержки, которую он получил, не хватит на парламентских выборах, чтобы сформировать сильное парламентское большинство и изменить конституцию. В этой ситуации следует отслеживать, что произойдет до парламентских выборов.

* Пер. с укр. М. В. Кирчанова. Оригинал: *Фоти Бенлизой*. Турецька еліта на піку могутності за останні 20 років / Фоти Бенлізой // Спільне. – 2014. – 22 серпня. – Режим доступа: <http://commons.com.ua/turetska-elita-na-piku-mogutnosti-za-ostanni-20-rokiv/>

Для оппозиции, то есть для кемалистов, последние выборы – полный провал. Они получили меньше, чем на прошлых выборах: часть сторонников всех 14 партий не пошла на выборы вообще, потому что им не нравился именно этот кандидат или же некоторые сторонники националистической партии проголосовали за Эрдогана. Он и заигрывал с националистическим, религиозными течениями с целью получить эти голоса.

Для курдского движения и для левых это, конечно, был успех: никто не ожидал прорыва в 10 %. Конечно же, это не радикально левая партия, это даже не греческая СИРИЗА и не испанский Подемос. Это – леволиберальная партия с идеями радикальной демократии, которая выступает за права рабочих, экологию, феминизм, но она не имеет никаких связей с рабочим движением, с профсоюзами, с борьбой в экологической сфере или сфере гендерных вопросов. Кроме того, такая коалиция движения курдов, социал-демократов и левых выглядит довольно нестабильно: до сих пор не понятно, партия получила поддержку благодаря курдским представителям (курды могли поддержать «своего») или благодаря своим левым идеям. На выборах в парламент станет видно, удержится такая коалиция и выберет ли она левый или курдский курс.

Протесты Гези стали для Эрдогана возможностью консолидировать свою социальную базу. Сначала, поскольку ни он, ни его окружение не ожидало такого массового движения, он не смог среагировать никаким другим образом, кроме как применить полицейское насилие. Но позже, когда движение стало терять свою энергию, государство вернуло себе доверие и собрало социальную базу, используя популистско-националистический дискурс. Согласно официальной версии, протесты были инициированы международными элитами (использовались такие термины, как «крупный финансовый капитал», «израильское лобби» и другие) с целью ослабить Турцию. Люди, которые выходили на демонстрации, были использованы «международными центрами» и олигархами внутри Турции для того, чтобы получить определенные привилегии. События в Египте, а позже – в Украине были использованы для подтверждения и поддержания этого тезиса. Таким образом, власть консолидировала свою поддержку, говоря, что события были похожи на египетскую попытку переворота против законно избранной власти. Таким образом, власти удалось представить оппозицию как борьбу между «турецкой мусульманской нацией», которую возглавляет Эрдоган, и национальной и международной элитой. Хотя движение имело потенциал перейти «традиционную» политическую бинарность турецкой политики «кемалисты»/«исламысты» и представить альтернативу, оно оказалось не способным создать для этого новый политический нарратив. Слабость движения – в отсутствии участников, которые координировали и принимали бы решения, отсутствии прозрачной стратегии, нескоординированности левых сил, отсутствии профсоюзов. Все это сделало невозможной консолидацию альтернативного политического полюса, который возник на улицах. Как только движение потеряло свою энергию, традиционные политические элиты (как вла-

сти, так и оппозиция) вернулись к доминированию. Поскольку Гези не получил продолжения, Эрдогану удалось проинтерпретировать данную ситуацию как попытку переворота, поэтому пока нельзя увидеть эффект Гези в «большой политике». Но последствия данного события заметны в социальных движениях, в радикализации и политизации участников. Влияние Гези чувствуется в поле социальной борьбы и сопротивления, но не в электоральной политике.

В 2001 г. в Турции произошел серьезный кризис, прежде всего экономический, что привело к кризису доверия к националистическим политическим силам. Буржуазии были необходимы неолиберальные реформы, и Эрдоган стал тем, кто воплотил это «турецкое чудо». В то время левые были очень ослаблены по сравнению, например, с 1970-ми гг., поэтому они и не смогли противостоять новому выразителю интересов буржуазии. Эрдоган стал хорошим примером того, как справиться с бедными и их проблемами.

После прихода Эрдогана прибыли буржуазии стали расти, но Эрдоган вдруг стал слишком успешным для турецкой буржуазии, он зашел чересчур далеко в создании сильной вертикали власти. Более того, Эрдоган начал создавать свою собственную буржуазию, со своими персоналиями. Самая сильная турецкая капиталистическая группа «Тигры Анатолии» хотела бы иметь Партию справедливости и развития без Эрдогана, поэтому она входит в определенную конфронтацию с ним, но это не открытый конфликт. И поскольку сейчас нет реальной альтернативы Эрдогану, даже эта буржуазия будет его поддерживать.

С самого начала программой партии Эрдогана стало отрицание старой европеизированной бюрократизированной элиты, которая руководила страной со времен Кемаля Ататюрка, и обращение к исламски настроенной части населения. Но он модернизировал идеи ислама, совместив их с националистическими. Существует даже специальный для этого термин. Турецкая нация – это «улус», а вот слово «милет» означает исламскую нацию, нацию тесно связанную с религией, и Эрдоган боролся за доминирование «милет» в обществе и политической жизни. Этот агрессивный популистский дискурс начал доминировать в период экономического кризиса и безработицы. Внезапно Партия справедливости и развития решила проблему нерепрезентованности экономических элит в политике, и Турция неожиданно оказалась во власти одной партии.

Турецкая буржуазия и политическая элита чувствуют, что сейчас они сильнее, чем 10–20 лет назад, – и это действительно так. Сейчас они пытаются играть роль лидера в регионе, инвестируют в Ближний Восток, Африку. Политическим примером стало то, как агрессивно Турция включилась в политическую игру в Сирийской войне, содействуя исламскому компоненту войны, поддерживая и формируя оппозицию, предоставляя ей оружие.

Через свои притязания на Ближнем Востоке Турция осторожно конфликтует с США. Это заметно по западной прессе: раньше мы постоянно слышали о «прорыве Эрдогана», а теперь его называют султаном. Конечно же, это не

связано с тем, что они симпатизируют Гези, просто интересы Эрдогана идут вразрез с их интересами. Он заходит слишком далеко, а именно – на Ближний Восток.

Это часть большого процесса. Гегемония Штатов становится слабее с каждым днем, поэтому определенные региональные силы пытаются разделить власть друг с другом. США хотели бы иметь сильную прозападную власть в Турции, которая была бы лояльной к ним. Эрдоган несколько не вписывается в такое видение, но это не значит, что он антиимпериалист.

Последствия мирового экономического кризиса проявляются в Турции все ярче и ярче. Например, в строительной сфере, одной из ключевых в Турции: Стамбул заполнен шопинг-молами, домами, которые никто не способен купить – никто не может продать и получить прибыль. На фоне этого экономического кризиса популярность Эрдогана будет падать. Дискурс, который он использовал для своей кампании, довольно ограничен. Идея выстраивания «милет» как альтернативы вестернизированной элите устаревает, так как вся предыдущая элита уже давно вытеснена с должностей людьми Эрдогана. Популизм не может работать вечно, поэтому он будет терять как поддержку людей, так и элит. Мы вступаем в новый период – период конца Эрдогана. Но вопрос в том, что будет означать конец Эрдогана, наступит ли он быстро или нет. Или Эрдоган станет лишь заменой политической элиты из-за интриг и договоренности буржуазии, приведет к формированию новой гегемонии, выльется, вроде Гези, в появлении сильного независимого движения сопротивления. И большое количество левых, к сожалению, поддерживают идею того, что Эрдоган должен уйти в любом случае. Но неолиберализм и авторитарность Эрдогана – это не его личные качества. Конечно же, он может столкнуться с различными проблемами, но неолиберальное направление в политике может существовать и без него, чему и должны противостоять левые.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ

Горте О. В. – преподаватель кафедры маркетинга экономического факультета Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

Демина А. В. – кандидат философских наук, Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия)

Джон А. А. – старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Национальной академии наук Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика)

Дилар Дирик – докторант, Университет Кембриджа (Великобритания)

Иванов С. С. – кандидат исторических наук, доцент факультета востоковедения, Институт интеграции международных образовательных программ, Кыргызский национальный университет им Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызская Республика)

Имазов М. Х. – доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Кыргызской Республики, заведующий Центром дунгановедения и китаистики (Бишкек, Кыргызская Республика)

Ин Чун Мей – преподаватель Международного института культурного обмена Синьцзянского педагогического университета (Урумчи, Китайская Народная Республика)

Исмаева Р. М. – младший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Национальной академии наук Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика)

Кирчанов М. В. – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

Ли Рудонг – стажер Центра дунгановедения и китаистики Национальной академии наук Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика)

Маджун Д. С. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Национальной академии наук Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика)

Перри Андерсон – доктор философии, профессор Калифорнийского университета (Лос-Анджелес, США)

Погорельский А. В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

Поляков Е. М. – кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии исторического факультета Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия)

- Полянский М. А.** – студент 3-го курса факультета международных отношений Воронежского государственного университета, направление «Международные отношения» (Воронеж, Россия)
- Сардар Саади** – докторант антропологии, Университет Торонто (Канада)
- Смеянова К. Ю.** – студентка 2-го курса факультета международных отношений Воронежского государственного университета, направление «Зарубежное регионоведение» (Воронеж, Россия)
- Сулайманова М.** – преподаватель Кыргызско-Китайского института Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (Бишкек, Кыргызская Республика)
- Тихонова В. Л.** – кандидат философских наук, Астраханский государственный университет (Астрахань, Россия)
- Ульянова И. В.** – студентка 4-го курса факультета международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, кафедра востоковедения (Екатеринбург, Россия)
- Фоти Бенлизой** – политический аналитик, редактор журнала «Başlangıç» (Турция)
- Хабибова Т. М.** – студентка 4-го курса факультета международных отношений Воронежского государственного университета, направление «Зарубежное регионоведение» (Воронеж, Россия)
- Чжоу Чин Шень** – научный сотрудник Института этнологии и антропологии Китайской академии общественных наук (Пекин, Китайская Народная Республика)

Научное издание

ACTA ORIENTALIA VORONENSIA

Воронежское востоковедение

Сборник статей

Выпуск 1

Редактор *Е. С. Котлярова*

Корректор *М. С. Исаева*

Компьютерная верстка *Е. Е. Комаровой*

Подписано в печать 18.05.2016. Формат $70 \times 100/16$.
Уч.-изд. л. 17,4. Усл. п. л. 18,5. Тираж 100. Заказ 926

Издательский дом ВГУ
394000 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3